Лауреат премии „БОЛЬШАЯ КНИГА“
Михаил Гиголашвили
Толмач
ВПЕРВЫЕ — ПОЛНАЯ ВЕРСИЯ РОМАНА

Михаил Гиголашвили
Толмач

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4245555
Гиголашвили М. Толмач : Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-59558-7

Аннотация

Стремясь получить убежище и обустроиться в благополучной Европе, герои романа морочат голову немецким чиновникам, выдавая себя за борцов с режимом. А толмач-переводчик пересказывает их «байки из русского склепа», на свой лад комментируя их в письмах московскому другу.

Полная версия романа публикуется впервые.

Содержание

Часть первая 4
Браток 4
Козел опущения 15
Потап с этапа 26
Щупляк 35
Колодец, рельсы и петля 45
Инспекторши из Азии 55
Часть вторая 68
По рогам – и с копыт 68
Конец ознакомительного фрагмента. 75

Михаил Гиголашвили
Толмач

Михаилу Синельникову

Все герои, включая рассказчика, вымышлены, а совпадения с реальностью – случайны.
Автор

Часть первая
Зима

Браток

Дорогой друг, спасибо за новогодние поздравления – и тебе всего хорошего в наступающем. А особенно здоровья: оно в нашем, опять (в очередной раз) переходном возрасте очень нужно. Я вот тут глупую болезнь подцепил, даже неловко сказать – шум в ушах. Постоянно где-то в голове такой звук, будто раковины к ушам с двух сторон приложены. Или динамик фонит. Или неон жужжит. На шум реки тоже похоже. В общем, мерзость.

Доктор Ухогорлонос уверяет, что весь этот звон от сужения сосудов: мол, ушной нерв ущемлен, поэтому слышно все время, как кровь бежит. Открыл свою ученую книжку и вычитал: «Шум в ушах принято называть тиннитус, от латинского “tinnio” – звенеть. Это могут быть различные звуки, в виде жужжания, звона, шипения, свиста, пульсации, шелеста и др. Установлено, что семнадцать процентов всего населения земного шара страдает этим недугом, который чаще всего появляется у людей старше сорока лет…»

Это, конечно, приятно, что не ты один мучаешься, но когда об этой радости постоянно помнить надо, то это уже слишком, согласись. И никто из лекарей, как всегда, ничего не знает и знать не желает. А бедный больной слышит вечный звон (и даже, в отличие от других, знает, где он), но ничего предпринять не может, ибо что конкретно звенит – науке неизвестно. Вот тебе и царь природы! Да мы рабы каждой своей косточки, нервишки, тромба, капилляра…

Одни доброхоты говорят: звон – от давления. Другие утверждают – от электрических волн. Третьи уверены, что весь сыр-бор из-за артрита. Кто-то советует вливания делать. Кто-то, наоборот, велит кровь разжижать: не оттого, мол, шум, что нерв скукожен, а потому, что кровь с годами от всяких бляшек-мушек густеет и на стенки сосудов сильнее давит. Поэтому пей по двадцать стаканов воды в день, чтобы кровь, как пиво в рюмочной, стала – пожиже и послабее. Какой-то кореец даже молотыми соловьиными хвостами лечить пытался, да так завяз, что теперь сам все время какие-то трели и рулады слышит. Кому-то даже, по слухам, легкую трепанацию делали (посмотреть, где именно шум гнездится). И ничего не увидели – пусто. Как душу не схватить, так и шума этого не поймать. Душа хоть вес имеет (10##–35### грамма), а это что-то совсем уж эфемерное – так, пшик какой-то гадкий.

Логически помыслив, можно и без лекарей докумекать: раз сосуды сужены, то их расширять надо. А способ, сам знаешь, есть. Веками проверенный, народный, на все случаи жизни, против всех бед, болезней, невзгод и самых безнадежных обстоятельств. Бывшие советские люди (бывсовлюди) широко им пользуются. И правда: как выпью – так шелест в башке слабеет. А может, это звон бокалов, радостное бульканье и шелест болтовни его заглушают?.. Не знаю, что и делать. Не пить – шумит безбожно, пить – на второй день тибет-

ские трубы в затылке наяривают. В общем, как всегда: соломоново решение приходит на ум Валаамовой ослице, когда ее уже на бойню волокут.

Кстати, об ослах и других парнокопытных. Сейчас тут, в Германии, немцы затеяли коров тысячами убивать, потому что у двадцати коров обнаружилось какое-то новое говяжье бешенство, *Rinderwahnsinn* (бычий шиз, телячий психоз, коровий маразм, как кому нравится). И эти больные коровы могут других, здоровых, заразить. А люди, ядовитой говядины наевшись, через десять лет тоже могут ошизеть. И давай теперь из-за этого панику бить. Наших людей такими глупостями не запугаешь – мало ли что там через десять лет будет!.. А тут у всех многонько на черный день и светлую пенсию припасено, обидно на старости лет слюни от коровьей паранойи пускать, лучше в теплом море плескаться и безалкогольные коктейли попивать.

Дело о говяжьей чуме в правительстве решается. Одни резкие депутаты предлагают вообще всех коров перерезать и сжечь – так, мол, дешевле, больных сожжем, а новых из чистых стран завезем. А особо рьяные уже к овцам присматриваться начали: дескать, в Баварии два барана как-то подозрительно по лугу скакали – не больны ли тоже чем-нибудь вроде овечьего маразма?.. Немцы же – радикалы: если что задумали – так на всю катушку до упора прут.

Оппозиция возражает: новые коровы тоже заболеть могут – так что, их тоже резать?.. Так и будем палачествовать?.. И не лучше ли вообще этих убитых коров не сжигать, а из гуманитарных соображений в третий мир отправлять, там половина населения и так не в себе, и куда лучше когда-нибудь от бычьего склероза умереть, чем сейчас от голода окочуриться. Резонно.

А больше всех панику проклятое телевидение сеет: мол, в Англии якобы уже восемьдесят человек рехнулось – а что удивительного, если они сырые бифштексы едят и кровью запивают, как вампиры? А во Франции, мол, даже и до ста человек больны. А мало ли что те лягушатники ели-пили? Нажрались мокриц и слизней, вот и лезут на стенку. Как будто цивилизованная нация, а едят всё, что ползает, вроде китайцев. Так у тех вынудиловка, а у французов какая нужда всякую гадость обсасывать?.. Кстати, знаешь, когда наступит мировой голод? Когда китайцы научатся есть ложками. Природный баланс и так нарушен, озоновая дыра растет, а тут еще китайцы с ложками. Невеселые перспективы. Надо бы учебник китайского достать, на всякий случай.

Говядина тем временем семьдесят марок за кило стала: под шумок биомагазины поднялись, биочистой продукцией торгуют. В этих магазинах раньше из-за цен никого не было, а теперь очереди клубятся. Значит, такой биопонт: мое биомясо дорогое, потому что оно биочистое, а оно чистое, потому что мои биокоровы на моих биополях только биочистую биотраву едят, поэтому сто грамм моей биоговядинки семь марок стоят. А иди и проверь, где его корова ходит. И бродит она по биополю или в предсмертном отстойнике томится – разницы нет, всюду говяжий шиз ее настигнуть может (бешеный бык покусает в случке – и готово!). И вообще на земле каждый третий – в своем роде шизоид, что же теперь, всех убивать?.. Некоторые пробовали – не получилось: дорого обходится и КПД низкий – пока одних убиваешь, другие рождаются и с ума сходят.

В политике тоже новостей много: одних министров снимают, других назначают. Это никого особо не волнует, а министров – и подавно: свои двадцать пять тысяч в месяц они и на рабочем месте, и на пенсии огребать будут пожизненно. Поэтому и законы издают без особых опасений. Правят теперь Германией красные социалисты (которые только резать и урезать могут) и зеленые, которые о флоре и экологии больше, чем о людях, заботятся и всех биофилами сделать хотят. Эти «зеленые» – из бывших бунтарей-самоучек, что от них хорошего можно ожидать?.. К ним у народа доверие уже пропало: пройдохи, как и преж-

ние, только суперчестными прикидываются, либеральны уж слишком, с эмиграцией хлопот много создали, иностранцами наводнили страну, косяками идут беженцы, убежища просить, а просеять их по-деловому никак невозможно – принципы не позволяют.

Да что там говорить – я и сам недавно впритык со всем этим столкнулся: один приятель предложил: «Не хочешь, мол, толмачом подработать?.. Ну и что, что художник?.. Никуда твои картины не убегут. Ты уже тут давным-давно, немецкий язык знаешь, пойди поработай – все лучше, чем в потолок плевать у телевизора! Я им твой телефон дал, жди звонка».

Отчего же нет?.. Только где и когда?.. А в лагере для политбеженцев. Ехать, правда, в этот лагерь далековато, в другую землю, и вставать рано, но платят неплохо. И дел немного: басни беглецов переводить. Ладно, согласен. *Warum nicht*[1], как любят осторожные немцы говорить.

Скоро позвонили из лагеря: «Приезжайте послезавтра, начинаем в семь тридцать. Вот адрес… И не забудьте паспорт». Семь тридцать – это даже для ранней Германии рановато. По этому поводу бородатый анекдот есть: англичанин после Второй мировой спрашивает у немца: «Почему вы, проигравшие, лучше нас, победителей, живете? Мы и работаем, не покладая рук, и час пик у нас в семь тридцать начинается, все на работу спешат». «А у нас час пик в шесть часов начинается, поэтому и живем лучше вас!» – отвечает немец. Ох, рано встает охрана!..

В пять утра на улице темно, холодно, туманно. Мутные влажные лампионы. Асфальт искрится. Шуршат сонные машины. Где-то позвякивает на ветру табличка. Еду в поезде под детский щебет. Вагоны учениками набиты – по школам разъезжаются. Шумят, но приглушенно, а некоторые вообще в полусне, оцепенело в окна смотрят, думают о своем: «… уроки… оценки… папа-мама… кино, диско, деньги, хенди… мальчики-девочки… обиды-радости…» – о чем еще думать?.. Кто-то тетрадки перебирает, кто-то в тамбуре девчонок смешит, усатый проводник у всех билеты проверяет, даже у спящих второклашек дотошно требует. Ничего, пусть к дисциплине привыкают. А они и не ропщут, покорно копаются в сумках, ищут проездные. Раз надо – то надо, без всяких «зачем» и «почему». Детей едва видно за гигантскими рюкзаками, которые каждый европейский ребенок таскает с детства, чтобы спину и мозги укреплять.

Станция маленькая. Жизнь на площади уже идет: в яркой булочной дети толпятся, первыми кренделями и коржиками закусывают, чтоб в школе не так противно сидеть было. Машины живее ездят, тумана меньше стало. Дело к семи. Газетный киоск светится.

Спросил у продавца, где лагерь. То т ответил, что пешком идти далековато, а автобусы туда не ходят.

– Почему?

– А чтоб беженцы меньше в город таскались, – дружелюбно объяснил он. – Воровства много стало. Недавно вот девочку изнасиловали. Албанцы из Косово, наверное. Или другие кто. Так что лучше пусть там, в лагере сидят! – И он обвел пальцем круг и замкнул его точкой посередине.

Осмотрев меня внимательнее, поинтересовался:

– И вы тоже… туда?.. Нет, не похоже… По-немецки хорошо говорите.

– Знакомых навестить хочу. Значит, на такси?

– Вон остановка. Через минуту Вольфи подъедет, его смена начинается.

Ровно через минуту появился пожилой, но моложавый и активный Вольфи. Он по дороге сообщил, что вчера полиция нашла в лагере самогонный аппарат:

[1] Почему нет? *(нем.) – Здесь и далее прим. автора.*

– Удивляться нечему. Вот русские тут кафе открыли. Пьют до свинства. Мне официантка объяснила: «Водка – это часть нашей культуры». Правда это?.. Такая бескультурная вещь, как шнапс – и культура?..

– А когда тридцать пять мороза, что делать? – защитил я святой напиток и веско напомнил, дабы окончательно убедить Вольфи в ценности святого продукта: – Водка войну выиграла.

– А, ну да, – сразу кисловато согласился он, съезжая с шоссе в темноту дороги. – Вот это все – лагерь!.. Вам к администрации?..

Я начал озираться: похоже на наши новостройки. Дома старые, бывшие казармы, что ли… Ограждений нет. Фонарей мало. Кое-где маячат расплывчатые фигуры. Возле телефонной будки сидят на корточках трое. Все ясно. Впереди на стене двуглавый орел на желтом фоне – администрация. Вольфи свернул к входу, где за стеклом восседал вахтер – багрово-опухший, толстый. Таких тут называют «бирбаух» – «пивное брюхо».

Бирбаух с интересом взглянул на меня:

– В первый раз? Переводить? – Выписал данные из паспорта, на часы посмотрел, что-то на листе отметив: – Вот, это ваш обходной лист. Тут время работы отмечать будут. Конечно, работать никто не хочет, но что делать?.. Деньги с неба только в раю сыпятся, а на земле их зубами выцарапывать надо… Все, ваше время пошло! – хлопнул он печатью по листу и, просовывая его под стекло, проникновенно посмотрел мне в глаза: – Деньги не делают счастливым, но успокаивают.

В этот момент какой-то пожилой носач протиснулся сквозь вертушку. Бирбаух любезно приветствовал его, пояснив для меня:

– Это тоже наш переводчик. Вот он вам все и покажет дальше.

– Хуссейн, из Ирака, – носач приветливо пожал мне руку.

Напротив Бирбауха, в приемной, сидели старик со старухой: темны, худы, молчаливы, мрачны. Хуссейн мельком взглянул на них:

– Наверняка мои, – что-то клекотнул по-арабски; те закивали в ответ сухими головами.

Идем дальше. Вот комната: два стола, четыре стула, календарь на стене. Уже светло, в окно видны дома, крыши. И дальше – пустырь, поля, шпиль и башня кирхи.

– Это наша комната, переводчиков. А там – музгостиная, на «пианино» играют, отпечатки пальцев берут. Сейчас фрау Грюн вам все объяснит.

Вот и она – по-мужски жилистая и хваткая, в темном костюме, с папками в руке – знакомится со мной, энергично трясет руку:

– Фрау Грюн. Что надо делать?.. Придет беженец, мы у него снимем отпечатки пальцев, сфотографируем. Вы с его слов заполните анкету, а потом будете переводить вопросы-ответы – вот и все, очень просто.

«Ничего себе – отпечатки пальцев снимать! – Это мне совсем не понравилось. – Не хватает еще вертухаем заделаться!..»

Фрау Грюн как будто прочла мои мысли:

– Не бойтесь, делать все буду я, вы только переводите. Ну, пошли?

Мы оказались в музгостиной. Она светлее и просторнее. Стол с чернильной полосой, фотоаппарат на штативе, раковина, стулья, еще стол, календарь на стене, компьютеры.

– Я его сейчас приведу. Надо перепроверить сопроводительные документы. Вы должны заново опросить беженца, внести его анкетные данные в этот формуляр. – Она заглянула в папку. – У него самого документов, разумеется, никаких. Обычная история. Дезертир. К нам переслали из Дюссельдорфа, где он в полицию сдался.

На фото: квадратное лицо, надбровье питекантропа, взгляд мрачно-угрюмый. Под фотографией – столбиком данные:

фамилия: *Витас*
имя: *Жукаускас*
год рождения: *1975*
место рождения: *г. Грозная, Чечня*
национальность: *русский*
язык/и: *русский*
вероисповедание: *католик*

Я выглянул на шаги: фрау Грюн идет впереди, за ней движется что-то большое и темное, в полутьме коридора плохо видное, но хорошо слышное. Сопение и скрежет подков. Он одет во все черное, на ногах – кованые высокие башмаки, руки в татуировках. Наголо брит, на левой брови – свежерозовый шрам. Один глаз сильно косит.

– Скажите ему, что вы переводчик, – распорядилась фрау Грюн, направляя фотоаппарат на экран.

– Доброе утро, я ваш переводчик, – сказал я как можно дружелюбнее.

– А, ништяк… А то ни хрена не понять, нах-х-ху… – (Потом он каждую вторую фразу снабжал этим энергичным, долгим придыхательным «нах-х-ху…»)

– Сядем. Надо кое-что уточнить, – предложил я.

– Дав-вай. Ут-точняй. Твое дел-ло.

Говорит он медленно и твердо, удваивая согласные, как это свойственно прибалтам. Один глаз смотрит в сторону, второй неподвижно уставлен в меня.

– Тут записано: имя Жукаускас, а фамилия Витас. Разве не наоборот?

– Да ты чего, в нат-туре? Что я, Жучкой жил?.. Наоб-борот.

– Наоборот – это как? Имя – Витас, а фамилия – Жукаускас?

– Ну нах-х-ху… – удовлетворенно хрюкнул он.

Я стрелками исправил данные.

– Национальность?

– Рус-сак.

– Фамилия не очень-то…

– Это пап-паша у меня был лит-товец, а мат-тушка русачка…

– Тут записано – родился в Чечне. Правильно?

– В Грозной жил.

– Почему в Грозной? В Грозном?

– Ну, один хрен. Пиш-ши как хочешь.

– Теперь языки… Какой родной язык?

– Русск-кий.

– Вера?

– Вера? – усмехнулся он. – Нету веры.

– Что-то надо записать. Здесь записано «католик».

– Ну, п-пусть так… Совсем зап-парился тут-т, кот-телок не варит, крыш-ша едет… – попытался улыбнуться он, вращая глазами в разные стороны.

«Пианино» было налажено. Фрау Грюн попросила его вымыть руки и насухо их вытереть.

– Знаю, не в п-первый раз, – как-то радостно ухмыльнулся он.

– Спортсмен? – приветливо спросила фрау Грюн, указывая на его разбитую бровь.

– Был. Отбег-гался, – опять усмехнулся он.

Пока фрау Грюн поочередно прикладывала к бумаге его корявые пальцы в татуированных перстнях, он косился на нее, вздыхал, щурился и наконец сказал:

– Мил-лая нем-мочка…

Потом фрау Грюн вкладывает в сканер лист с отпечатками пальцев и набирает на компьютере короткую комбинацию.

– Все. Теперь они уже в картотеке, – поясняет она. Я перевожу. Витас кривится:

– П-пусть. Я гаст-троль окончил…

Витас отправился в приемную, а мы с фрау Грюн пошли по коридору дальше. Какие-то люди чиновничьего вида сидели в комнатах. Двери повсюду открыты. Поднявшись на второй этаж, мы очутились возле таблички: «Einzelentscheider»[2].

«Что бы это значило? Сам все решающий?» – думаю я, а фрау Грюн уже знакомит с господином Шнайдером – пожилым румяным вежливым и улыбчивым. Волосы – перец с солью. Одет в вязаный жакет.

По стенам идут полки с толстыми папками. На видном месте, конечно, календарь. Шнайдер охотно поясняет суть предстоящего:

– Прежде надо отметить начало вашей работы. Ведь это деньги. Всякий труд должен быть оплачен. Давайте сюда ваш обходной лист. Так. Знаком вам этот аппарат? – Он указывает на диктофонное устройство с трубкой на длинном шнуре. – Хорошо. Значит, работаем так: я задаю вопросы по-немецки, вы их переводите беженцу на русский язык, а потом переводите на немецкий его ответы. Я их формулирую и записываю на пленку. После этого секретарша перенесет запись с ленты на бумагу, а потом вы с листа переведете весь протокол беженцу на русский, чтобы он знал, что там написано. Если у него возникнут дополнения, возражения или замечания – надо внести. Все должно быть по закону. Тут список опорных вопросов. Ознакомьтесь.

Я читаю вопросы (анкетные данные, причины бегства), а Шнайдер, просматривая тонкую папку Витаса, бормочет:

– Ничего не известно. Сдался в Дюссельдорфе, переслали к нам… Почему? А у нас пока есть свободные места… Так, можем начинать?.. – Он перегибается к микрофону, стоящему на подоконнике, и говорит негромко: – Пожалуйста, приведите беженца! – а мне указывает на другой стул: – Будьте добры, пересядьте туда, мне лучше ему прямо в глаза смотреть…

«Это будет не так-то легко!» – думаю я про себя, вспоминая вдребезги косые глаза Витаса.

Вот гром подков по коридору. Мы оба слушаем тяжелые четкие шаги, за которыми почти не слышно шагов фрау Грюн. Шнайдер прикрыл веки, как будто что-то считал в уме. Потом сказал:

– Шаг четкий, размеренный, военный. Очевидно, служил в армии.

Витас с размаха сел на стул и уставился одним глазом на Шнайдера. Второй глаз был направлен на меня. Под двумя прицелами держит.

Шнайдер любезно поздоровался, положил перед собой стопку бумаги, карандаш, вставил кассету в диктофон и попросил меня перевести абзац из книги законов, где говорилось, что беженец должен говорить правду, ничего не скрывать и несет ответственность за ложные показания.

– Эт-то и еж-жу понят-тно нах-х-ху… – зевнул Витас.

Шнайдер включил диктофон. Он четко спрашивал, Витас односложно отвечал. Шнайдер успевал на листе записывать даты. Картина такая: в школе учился плохо, был дзюдоистом, не хотел идти в армию, за что и посадили на три года; когда вышел, помогал матери на базаре, а потом опять попал под призыв, но на этот раз его не посадили, а предложили аль-

[2] От *einzeln (нем.)* – единичный, одиночный, индивидуальный; *entscheiden (нем.)* – решать.

тернативу: или опять сидеть, но теперь уже как рецидивисту-отказнику, или пойти в спецдивизию, где и добыча есть, и работа не очень пыльная. Пришлось идти воевать.

– На чьей стороне? – вежливо осведомился Шнайдер.

– На наш-шей! – возмутился Витас, не дав мне доперевести.

– Да, но кто это – «наши»?.. Вы же говорите, что родились и жили всю жизнь в Грозном?.. Кто же теперь для вас «наши»: чеченцы или русские? – улыбнулся Шнайдер.

– Рус-саки, конечно. Мат-тушка ж у меня русская… Умер-рла, правда… Ни род-дных, ни близких. Все пом-мерли. И хат-та порушена нах-х-ху…

Шнайдер выключил диктофон, потер лоб и негромко, как бы про себя, сказал:

– Типичный случай. Никого и ничего нет, все разрушено или пропало. Спросите у него, чем объясняется такое тотальное сиротство?..

– Да он чего, больной, что ли, – война ж, поубив-вали всех! – опять, не дождавшись перевода, закипятился Витас. – Всех одной бом-мбой накрыло нах-х-ху!..

– Странно, как можно одной бомбой убить сразу всех? – спросил в никуда Шнайдер.

– Может быть, все вместе где-нибудь сидели? – предположил я.

Шнайдер отмахнулся:

– Может быть. Все может быть. Идем дальше. – И включил диктофон: – Вопрос: где вы служили, в каком звании, в чем были ваши задачи?

Выяснилось, что Витас служил в дивизии 00. Их забрасывали на парашютах в тыл врага, и они «мочили все, что шевелилось». Шнайдер не понял:

– Убивали?.. А если женщины или дети?..

– Баб… упот-требляли, а потом тоже моч-чили… – огрызнулся Витас.

– Это тоже переводить? – переспросил я у него негромко.

– П-прав, брат-ток. Не надо. Скажи: убив-вали, мол, только врагов род-дины.

Шнайдер попросил узнать, как ему платили, помесячно или за операцию? И сколько?

– За оп-перацию. По трист-та баксов на рыло.

– За участие или за убитых? – уточнил Шнайдер.

– По-всяк-кому, – буркнул Витас, уставляя оба глаза под стол.

– И сколько времени он так воевал? И где?

– Пять лет. В Чечении пог-ганой, – не дожидаясь перевода, выпалил Витас, а мне наконец стало ясно, что немецкий язык он понимает не хуже меня.

Шнайдер поморщился:

– В целях их собственной безопасности наемников в одном месте держат максимум год, есть указ Ельцина.

– Мал-ло ли что? Под-думаешь – указ! Эт-тими ук-казами только зад-дницу подтирать… – усмехнулся Витас угрюмо.

Шнайдер вытащил из стола огромный географический атлас, раскрыл его на заложенной странице (это был Северный Кавказ) и попросил показать, где именно Витас воевал.

Тот начал неуверенно тыкать пальцами:

– Тут-та. И тут-та. И там-ма. Да я знаю?.. Куда кид-дали – там и моч-чили! Всюду! У меня конт-тузия, ничего не помню. Мне скоро к докт-тору надо, – но Шнайдер проигнорировал упоминание о враче и попросил рассказать, что было дальше, почему он сбежал.

А дальше было то, что Витасу надоело убивать, и он решил дернуть в Германию, где, он слышал, природа красивая и люди добрые. Дата побега была выбрана не случайно: у командира был день рождения, все перепились, и Витас под шумок сбежал, прихватив автомат и три гранаты – «на всякий случай». Пробрался в Грозный, к другу, жил там пару дней, а потом решил бежать в Москву. Документы все остались в казарме.

– Без документов и с автоматом – в Москву? – скептически осведомился Шнайдер.

– Чего делат-ть? В Москве заныкаться легче – народ-ду много. А оружие и гранат-ты на базаре в Грозной толканул.

Так Витас и отправился: где на попутках, где пешком в столицу. Блокпосты и контроли обходил стороной, ему не привыкать. В Москве кантовался еще с полгода у знакомой девки, а потом через Литву и Польшу рванул в Германию.

– Через Литву? – насторожился Шнайдер. – Сколько времени и как вы шли?

– Три мес-сяца. Лес-сами полз.

– Лесами?.. – усмехнулся Шнайдер и выключил диктофон. – Когда мой отец бежал из русского плена, ему понадобились годы, чтобы лесами дойти до Германии!.. А он говорит – три месяца. Смешно.

Я перевел. Витас замолк, глаза его пошли по параболе.

– Ну, тогда скаж-жи: на попут-тках.

По его словам, он сторговался в Литве с каким-то частником, тот его подвез к границе, Витас перешел ее ночью лесом, а в Польше, в условленном месте, подсел к тому же частнику в машину. Так же миновали и польско-германскую границу. В Дюссельдорфе частник подвез его к лагерю.

– И сколько вы заплатили этому человеку?

– Пятьсот баксов. Да ему х-хули риска было?.. Если что – попут-тчика взял, нич-чего не знаю нах-х-ху…

Столбик дат на листе перед Шнайдером завершился. Даты были подсчитаны, и Шнайдер вежливо сказал:

– Если следовать вашим датам, не хватает пяти лет. Я заново буду считать, а вы оба слушайте и тоже считайте.

И он терпеливо начал повторять даты. Опять вышел люк в пять лет.

– А хер его знает-т, конт-тузия, может, что и не так-к… – пробормотал Витас и опять вспомнил, что к одиннадцати надо к врачу, а потом задрал рубаху и принялся показывать шрамы.

– И как раз не хватает тех пяти лет, которые он, по его словам, служил в этой таинственной дивизии 00… Впрочем, и так все ясно, – с некоторой брезгливостью сказал Шнайдер, достал другой здоровенный атлас (на этот раз российских городов), нашел план Грозного и попросил рассказать, на какой улице Витас родился, где была его школа, где стоял дворец президента и т. д.

– Да не пом-мню я ничего!.. Что он, с-сука, меня долб-бит, дят-тел!.. Я тут не географ-фию учить пришел, – повысил Витас голос. – Дома нет, школ-ла поруш-шена, все зачищ-щено, президент убит – чего ему еще?

– Не кипятись, он просто хочет проверить, это его задача, – остановил я его, но в ответ зареяло такое долгое и страстное «н-нах-х-хуу…», что Шнайдер спросил у меня:

– Что это за слово он к каждому предложению добавляет?

– Вроде «zum Teufel»[3], – смягчил я.

– Но «Teufel» по-русски будет «чьорт», а он говорит что-то на букву «н», – сухо парировал Шнайдер (а мне показалось, что он наверняка понимает русский язык не хуже, чем Витас – немецкий). – Ладно. На какой реке стоит Грозный? Что случилось с президентским дворцом? Как называется главная улица Грозного?

Витас этого всего не знал, ничего не помнил, все забыл и опять начал давить на контузию, после которой память отшибло.

[3] К черту *(нем.)*.

– Все забыл, а что в Германию идти надо, хорошо помнил. Такая выборочная забывчивость. Впрочем, все это теперь уже неважно, – подытожил Шнайдер и перешел к заключительной части: обоснование просьбы о политубежище.

Витас подумал и сказал:

– Перевед-ди ему: я чит-тал, что у вас тут природ-да путёвая и люди ништ-тяк, а там, в нашей Болвании, природа хуев-вая и люди дер-рьмо. Поэтому прошу мен-ня принят-ть. Уже брат-тков вид-деть не мог-гу. Тош-шнит от кров-ви. Не желаю никого мочить, хочу тих-хо жить… И все, нах-х-ху…

– Может, еще что-нибудь? – осторожно уточнил Шнайдер. – Что ему грозит в случае возвращения на родину?

– Поймают и в лаг-герь сунут. А то и прост-то в поле шлеп-пнут, там же ж суда нет: пул-лю в лоб – и спи спокойно! Прошу помил-ловать и в ад не посыл-лать. И к докт-тору уже пора – башка лопается… И обед скоро.

Шнайдер кивнул:

– Пусть идет.

– Свободен! – сказал я. Витас вдруг улыбнулся:

– Это я уж-же тож-же раньше слыш-шал!

Когда звон подков затих, Шнайдер вздохнул, переложил какие-то предметы на столе, вытащил кассету из диктофона:

– Наши политики все-таки очень странные люди. Ну зачем нашему министру внутренних дел надо было издавать указ, чтобы дезертиров из Чечни временно не отсылать назад?.. С косовскими беженцами уже нахлебались проблем – теперь эти новые напасти. Для чего?.. Ну выпишу я этому бандюге отказ – это же криминальный тип, я бы с ним ночью повстречаться не хотел – а он возьмет и сбежит!

– А что после отказа он может еще предпринять, кроме бегства? – поинтересовался я, тоже собирая бумаги.

– В принципе, он может нанять адвоката и обжаловать отказ. Тогда дело пойдет по судам. А если он просто сбежит?.. И в мафию какую-нибудь пойдет?.. Опыта убивать у него явно хватает. И вот, одним преступником больше. Как будто своих нет?! А мы, вместо того чтобы его тут же отправить назад – в Россию, в Польшу, в Литву, к черту-дьяволу на рога – сейчас ему временный трехмесячный паспорт беженца выпишем. А когда некоторые трезвые люди предложили беженцев, до решения их вопроса, в закрытых помещениях держать (как это, кстати, почти всюду и делается и что вполне логично: мы же не знаем, что это за люди), то эти желторотые зеленые политики такой писк подняли, что в Брюсселе откликнулось: ах, опять лагеря на немецкой земле, сортировка людей, государство-тюрьма!..

Он возбужденно задвигался на стуле:

– Как всегда: масса слов и капля дела. Вот и сидим со связанными руками… Эх, да что говорить… Я сейчас отдам запись на распечатку, а вы потом переведете ему протокол. Таков закон. Конечно, надо, чтобы все было по закону. Только тем, наверху, легко эти законы издавать, а вот выполнять их тут, внизу, ох как трудно!.. Не хотите ли кофе? Вам полагается оплаченный перерыв в полчаса. Сейчас оформим ваш обходной… – И он, прежде чем встать, отметил время конца интервью.

Вместе со Шнайдером я спустился в небольшой кафетерий. Нам встретилась миниатюрная дамочка с узкими глазами и черными жесткими волосами; она вела куда-то хилого, молчаливо-испуганного монголоида.

Шнайдер представил ее:

– Это коллега Хонг, переводчица с вьетнамского.

Прошелестела молодежь. С папками в руках они торопились по коридору, спорили о каком-то вопросе, кем-то не вовремя заданном.

– Стажеры-юристы, практику у нас проходят, учатся.

За столиком Шнайдер, выпрямив спину, осанисто оглядываясь и тщательно размешивая в чашке сахар, кратко обрисовал положение вещей:

– За десять лет работы мне тут еще ни разу не встретился человек, которого бы действительно политически преследовали. Такие люди до нас просто не доходят. Они или в тюрьмах, или в подполье. А к нам бегут все, кому не лень. А потому, что есть эта пресловутая и весьма сомнительная 53-я статья, очень расплывчатая: «никого, кому на родине грозит смерть, нельзя выслать из страны»…

– Смерть грозит всем и всегда.

– Вот именно. Судите сами: в прошлый раз у меня сидел больной из Танзании. Вторая стадия СПИДа, весь в лишаях, язвах, героинист, а отослать нельзя, потому что у себя дома он не может купить лекарства против своей болезни (в его стадии на это требуются сотни тысяч в месяц), и, таким образом, его ожидает верная смерть. А в Танзании восемьдесят процентов населения заражено, между прочим. Что же теперь, Германия во всемирный госпиталь для наркоманов и педерастов превратиться должна? Или своих мало? Из-за демагогии, лизоблюдства и страха: «Что скажут в Америке? Что скажут в Брюсселе?» – стали как мусорное ведро, как европейская помойка, куда все дезертиры, убийцы и преступники лезут, а мы ничего сделать не в состоянии… Силы-то есть, но руки связаны глупыми приказами. Слава богу еще, что африканцы больше во Францию сдаются, потому что французский знают.

– Но и сюда добираются. Орут, будто в Сахаре, – поддержал я его, вспомнив, как вчера в автобусе группа негров с таким оживлением хлопала друг друга по плечам и спинам, словно они только что победили воинов из соседнего буша и теперь готовы полакомиться печенью поверженных врагов; аккуратные седые немецкие старушки в завивках, буклях и золотых очках пришли в тихое возмущение – покачивание голов, бормотанье: «Armes Deutschland!..»[4],трагическое смотрение в окно, – но негров это не беспокоило: расположившись на сиденьях в полулежачем состоянии, они продолжали делиться новостями из саванны, поминутно взрываясь хохотом и нанося обоюдные неистовые шлепки по всем частям тела.

Шнайдер качает седой головой:

– Знаете, был такой фокусник Гудини, который мог за секунду наручники снять и спастись. Мы не Гудини, и наручники с нас снимут только тогда, когда создадут законы, а не расплывчатые абстрактные формулы. А до этого будем вот так слушать всякие небылицы и гадать, убийца он или маньяк, сбежит он или будет ждать депортации, что маловероятно. А этот сегодняшний… Мне кажется, он вообще не русский… Русские разговорчивы и приветливы, помногу говорят, а он угрюм и зол, что-то гавкнет и замолкнет. На северянина похож. Наймит из Балтии, наверное… Они стрелять умеют, мой отец их лучшими стрелками называл. Кстати, вам известно, что в Европе наиболее склонны к самоубийству венгры и литовцы?.. Одни, видимо, слишком импульсивны и эмоциональны, а другие, наоборот, от чрезмерного спокойствия. Оттуда он, как вы думаете?..

– Трудно сказать. А что, только такие убийцы и дезертиры сдаются?.. Женщин красивых нет? – увел я на всякий случай разговор от Балтии.

Шнайдер хитро и быстро улыбнулся:

– О!.. И женщины бывают!.. Вот недавно, – он понизил голос и исподтишка огляделся, – одна красавица белоруска попалась. Ну просто на обложку журнала! Удивительной

[4] «Несчастная Германия!..» *(нем.)*

красоты лицо! Изящество, шарм, холеность. Вот рассказывает она, как мучилась, терпела, голодала, а когда переводчик вышел за кофе, вдруг рукой просит, чтобы я диктофон выключил, а сама мне жестами показывает: мол, делай со мной что хочешь, я твоя, лишь бы все о'кей было. И спешит, чтобы успеть: вначале на меня показывает, потом на себя, а потом ручки складывает под щеку – мол, вместе спать будем. А когда я брови поднял, она такие жесты откровенные в ход пустила, что не по себе стало… И на диктофон не забывала показывать: мол, не просто переспать, а чтоб и дело ее сделалось. И смешно и грустно. Что же там творится, если даже такие женщины бегут?.. Да, подобную красоту у нас тут на руках носили бы… Супружество обеспечено.

– Ну и надо принять, ради улучшения эстетической обстановки. Чем больше красавиц – тем приятнее жизнь, – пошутил я.

– И я того же мнения, – зажмурился Шнайдер, а я подумал, что, может, красавица старалась не зря.

Потом мы вернулись в кабинет. Протокол уже был перепечатан, и я перевел его Витасу. Он безучастно кивал, глаза его потухли. Когда с формальностями было покончено, Витас, спрятав за пазуху свой временный паспорт, в коридоре невзначай поинтересовался, как тут братков найти, а то скучно очень – ни баб, ни картишек, ни хоботок в водяре запятнать, тоска смертная. Где искать братков, я не знал, но он все равно поблагодарил меня за добрые советы, которые я ему давал:

– И буд-дь здоров, браток, уд-дачи тебе нах-х-ху…

Я попрощался с Бирбаухом и вышел из здания. Вот и переводчик Хуссейн идет к своей машине. Нам было по пути. Оказалось, Хуссейн все утро переводил двум курдам из Ирака, старикам, которые, по их словам, пешим ходом перешли пустыню, перевалили через горы в Турцию, оттуда в трюме корабля приплыли в Италию и оттуда, где на поездах, где пешком, где ползком, пробрались в Германию.

Козел опущения

Дорогой друг, в прошлом письме подробно доложил тебе, как в лагере начал подрабатывать. В первый раз все трудно делать, сам знаешь. Хуссейн, который давно уже работает переводчиком, по дороге рассказал много интересного. Картины захватывающие. Кстати, он сам тоже лет двадцать назад проделал подобный путь, убежав из Ирака.

Сюда, в Германию, сейчас бегут и тутси, и хуту, и желтые, и черные, курды из Ирака и палестинцы из Израиля, алжирские террористы и тамильские повстанцы, обиженные гомосексуалисты и обманутые лесбиянки, девки из борделей и наемные убийцы, карабахские ветераны и абхазские сепаратисты, белорусы от красного террора и украинцы от Кучмы, монархисты от коммунистов и албанцы от сербов, мусульмане от христиан и индуисты от мусульман. Евреи тоже бегут, как же без них, но легально. Объяснить толком, от кого они на этот раз убегают, никто не может, поэтому им, как почетным беглецам, немцы придумали обтекаемое название: «Kontingent-Fluchtlinge», «контингентные беженцы» (наверно, в смысле из контингента вечных беженцев). И если уж все эти племена и народы сюда добежали и в жизнь внедрились, то выкурить их потом очень трудно. Суди сам.

Недавно по ТВ сцены из криминальной жизни Франкфурта-на-Майне показывали: полицаи в бронежилетах и масках поймали семнадцатилетнего барыгу-латиноса, поволокли его в участок и пытаются допрос снимать. А он, не будь дурак, молчит. И не только потому молчит, что у него рот шариками кокаина забит, а потому, что право такое имеет – молчать. И полиция это знает. Но у нее, в свою очередь, нет права залезать пальцами (и другими предметами) в «отверстия тела» и факты к делу приложить, поэтому она латиносу ничего сделать не может. Постоял он у стены, посверкал белками, немцы шестьсот пятьдесят набарыженных марок ему возвращают и отпускают. За месяц у него это восемнадцатый привод, а посадить не могут – факта нет…

А почему, спрашивается, его на родину не отправляют?.. А потому, что он беженец, паспорт отсутствует, а главное, он забыл страну происхождения. Вот забыл, где родился – и всё. «Куда ж его отправлять?» – резонно объясняет полицай. Каково?.. Забыл – и всё тут. То ли в Колумбии на свет появился, то ли в Перу – не помнит, ребенком в Германию ввезли, родители умерли, голова болит, к врачу пора, обед скоро…

С одной стороны, гнилой либерализм, с другой – тупость исполнителей, до абсурда доходящая. Да попадись такой барыжонок с кокаином во рту нашей доблестной милиции, ему бы не только все «отверстия тела» ножкой от стула пооткрывали бы, но еще новых бы наделали, которые природа забыла насверлить. А тут нет – иди, продавай кокс дальше. Все это – пережитки Нюрнбергского процесса: немцы стали осторожны, опасаются, как бы их вновь во всех смертных грехах не обвинили. Радикалы – они и в либерализме своем радикальны.

Другой пример. По ТВ говорили: хотят у всех жителей Германии генные отпечатки пальцев, ДНК, брать и в банк данных собирать. Казалось бы, что может быть разумнее?.. Совершено преступление – и через сутки точно известно, кто преступник: малой пылинки, частички кожи или волоска достаточно, чтобы по ДНК стопроцентно гада выявить. Так нет же – желторотые зеленые политики тут же подняли крик: ущемление прав человека, тоталитарный подход, новый вид всеобщего контроля, нарушение тайны личности. Да если ты хороший человек – чего тебе за свои тайны опасаться?.. Нет, не приняли закона (мол, нельзя права маньяков нарушать, они тоже люди, хоть и психически больные). Но после пересменки власти могут принять. Поэтому, если ты маньяк и серийный убийца, будь осторожен: фрагменты слюны на окурках не оставляй и над расчлененным трупом своими волосами не тряси, а то быстро найдут и посадят.

Полиция тут приятная, спокойная, подтянутая, людей сапогами не лупцует и в уши гвозди не забивает. Но вот ведомство по иностранцам – препротивное место. Называется скромно – *Ausländeramt*[5]. Этот амт судьбу всех иностранцев решает: кого оставить, а кого удалить. Место унылое, серое, злое. Все эмигранцы и иностранты (вижу опиську, но не исправляю) по буквам поделены, в свои купе заходить должны. А там чиновники сидят, бумагами угрожающе шуршат, льдом обдают. Ходил туда вчера, вызывали визу продлевать, со справками и копиями явиться.

Моего акакия зовут *Herr Kiefer*, господин-хер Челюсть[6]. Сволочь особая (хотя и другие не лучше): морда кислая, в прыщах, плешь узкая, влажная, голос мерзко-тихий, оттого угрожающий, руки тонкие, грудь впалая, взгляд мертвый, очки золотистые.

Вначале, как водится, принялся формуляр заполнять: «Фамилия?.. Имя?.. Место и дата рождения?..» – а на мое удивление – разве они всего этого не знают? – невозмутимо объяснил, что все может измениться. Я стал ерепениться, как может измениться, что я в Союзе родился, он ответил, а жена, дети, семейное положение? Это дело наживное. «Вы один тут?» – «Один. Один и тут, и там… Всюду один…»

Уставился хер Челюсть мне в лоб, потом на бумажки скосился, пощелкал вялым пальцем на калькуляторе и говорит: «Это хорошо, что вы один… Но ваши доходы недотягивают до прожиточного минимума. Поэтому я вам визу продлевать не намерен!» «Помилуйте, как так? – начал я ему справки подсовывать. – Вот, я две картины нарисовал, в детском саду стену расписал, скоро деньги ожидаю… новые заказы… тысячи будут…» «Меньше тут тысячами ворочайте, когда и пфеннигов наскрести не можете», – шипит он по-змеиному и на калькуляторе считает…

Я ему – еще бумажки: «Вот, мне третьи лица помогают, по пятьсот марок в месяц платят, а я им за это двор убираю, собаку купаю и машину мою!» (один немец-сосед в обмен на пейзаж написал фальшивку, хоть и ворча, что не пристало немцу врать). Покрутил Челюсть бумажку, повертел, а сделать ничего не может: если один немец свою подпись поставил, то другой верить обязан, демократия так предписывает. «А где, позвольте спросить, эта помощь отражена? – говорит он и на копии банковских счетов тонким пальцем тычет. – Тут никаких регулярных поступлений не отражено». «А он мне на руки дает, наличными!» – отвечаю. «Почему?» – «А чтоб за перевод денег не платить!» Резонно. И с немецким менталитетом сходится. Нечем крыть.

Пошуршал бумагами Челюсть, покосился на часы (время обеденное, а у него наверняка язва с геморроем), поморщился, как от яду, и говорит: «Ладно. Дам вам время привести свои дела в порядок. Но в следующий раз чтоб никаких третьих лиц!.. Если ваши личные официальные – о-фи-ци-аль-ные – доходы будут ниже минимума – все, прощай Германия!»

Вот так. Резонно. И не поспоришь с логикой. И чего спорить?.. Что там дальше – увидим. Не то что на месяцы – на секунды вперед загадывать нельзя. Что будет – будет. Спасибо сказал, паспорт взял и пошел восвояси. Стою в приемной, визой любуюсь. А все желто-черно-коричневые с завистью, как собаки на кость, на мой паспорт смотрят, понимают: раз любуюсь – значит, визу дали, продлили, а вот им дадут ли – большой вопрос.

Да, но все равно, надо будет раздобыть что-нибудь посолиднее, чем справка соседа-немца, который еще и взбрыкнуть может – каждый раз, когда фальшивку пишет, вздыхает и говорит, что немцу не пристало лгать, воровать и жульничать, на это славяне есть. Крепкий худой старик, еще успел в вермахте послужить, а потом адвокатом заделался. Я его Монстрадамус называю за то, что он вечно о будущем какие-то ужасы предсказывает. Недавно, например, заявил после третьего шнапса, что скоро будет кризис, потому что банкиры наво-

[5] Ведомство по делам иностранцев *(нем.)*.

[6] От *нем. Kiefer* – челюсть.

руются до такой степени, что деньги исчезнут. А до этого предсказывал, что если демократия так дальше идти будет, то в Америке, чего доброго, негра выберут президентом, а у нас канцлером станет какой-нибудь садомазохист со стажем или открытый педик, который будет со своей «женой» по миру разъезжать и с арабскими шейхами целоваться…

Недавно опять вызвали переводить. Во второй раз ехать было веселее, хотя опять пришлось в пять утра вставать и в поезде, под тихое предшкольное шуршание сонных учеников, досыпать. Дорога к лагерю была уже известна. Я решил пойти пешком.

Бирбаух встретил меня как знакомого. На столе – початая бутылка пива, на мониторе – сетка каких-то расчетов. Подавая мне лист, он подмигнул мне:

– В жизни две вещи никогда не надоедают: деньги и пиво.

– Если есть деньги – будет и пиво, – ответил я, на что Бирбаух скептически покачал головой:

– А в пустыне?.. – Просовывая под стекло обходной, он с тяжелым вздохом добавил: – Да, из-за денег до зари вставать приходится, такой ходкий товар, сразу разбирают… С деньгами ты – человек, без денег – мусорное ведро… Прошу, ваше время пошло…

В приемной еще темно. В комнате переводчиков коллега Хонг сидит у стола и, держа двумя ручками чашку, пьет кофе. Мы разговорились. Она родом из Северного Вьетнама, двадцать лет живет в Германии и сама (как и араб Хуссейн) когда-то проделала весь беженский путь:

– Раньше получить убежище было куда легче, – щурила она свои щелочки и поглядывала на меня так, как поглядывают маленькие желтолицые женщины на больших белых мужчин. – Немцы были рады всякому беженцу: с интересом встречали, гражданство, квартиру и работу тут же давали, по собраниям водили и цветы дарили. Мой муж был дипломат, служил в Европе, знал шесть языков и был знаком с разными людьми. Ну и остался, когда узнал, что дома против него что-то затевают. Вы же из бывшего Союза?.. Вам-то известно, что во Вьетнаме правили ваши коммунисты, от них пощады не жди, особенно от своих, местных властей.

Она элегантно покачала головой в разные стороны и, обхватив пузатый термос своими детскими ручонками, долила кофе в чашку, а я подумал, что, не скажи она, сколько ей примерно лет, и не будь у нее мешочков под глазами и морщинок на шее, ей можно было бы дать и двадцать. А будь мешочки пошире и морщинки поглубже – и все семьдесят. А еще говорят, расовых различий нет. Как это нет, если мы китайцев в массе друг от друга не отличаем, как кроликов на ферме?.. Как, впрочем, и они – нас.

– А что вы потом делали? – спросил я из вежливости.

– Муж работал переводчиком, как и я. А вы?.. Тоже бывший беженец?..

– Нет, я по работе приехал. Перевожу вот тоже понемногу, – уклончиво ответил я – не объяснять же ей, что я тут на птичьих правах, приехал с выставкой, а уезжать не хочу…

– Я потом университет кончила, работала в судах и на таможне. Всякое повидала, – говорит она, а я с умилением вслушиваюсь в ее странный немецкий язык с вьетнамским акцентом: слова произносятся с мелодичным шелестом, цоканьем, щебетом, звучащими, как флейта, которую пробуют перед концертом. Слова будто украшены бубенцами и трещотками, и сквозь этот авангард причудливо проступает каркас смысла. Тоже своеобразный тиннитус.

Вошла фрау Грюн, основательно потрясла нам руки, дала папки:

– Просмотрите. А потом ведите. Они ждут.

Хонг получила двух абсолютно идентичных бритоголовых вьетконговцев. На моей папке – фото вполне приличного мужчины с бородкой бланже, данные:

фамилия: *Лунгарь*

имя: *Андрей*
год рождения: *1960*
место рождения: *г. Москва, Россия*
национальность: *русский*
язык/и: *русский*
вероисповедание: *православный*

Он оказался крепеньким, аккуратно подстриженным мужичком, с бороденкой на обычном северном лице (таким может быть и Вася из Пскова, и Дитмар из-под Ганновера). Армейская душегрейка, застиранные брюки-хаки, тельняшка и джинсовая куртка. В руках мнет нелепую детскую яркую кепочку с надписью «Coca-Cola». Судя по одежде, опять дезертир. «Из армии?» – хотел спросить я его, но передумал: неприятно, если он примет это за расспросы с умыслом, а меня – за предателя, который стремится у него что-то выпытать. Поэтому я просто пожал ему руку и попросил идти со мной.

В музгостиной, увидев стол для отпечатков, он замер, а потом, качая стриженой головой и моя руки, произнес с горечью и пафосом:

– Двадцать лет честно-благородно служил родной Родине, а теперь вот как с преступником… Но жизни путь не повернуть. Каждый должен быть или поощрен, или наказан… Это для чего же отпечатки ручных данных?..

– Их сейчас в картотеку отправят.

– Сверять будут? – прищурился он.

– Не знаю, я тут во второй раз, – оградился я на всякий случай от расспросов, помня предупреждения фрау Грюн о том, чтоб с беженцами в посторонние разговоры не вступать и на их вопросы отвечать покороче и без конкретики, не то могут потом к адвокату побежать, сказать: это вы, переводчик, виноваты, что им отказ пришел, потому что вы неправильные советы им давали или, того хуже, подбивали на что-нибудь или вообще деньги требовали: «Сколько было случаев! Им же еще и бесплатные адвокаты полагаются, которые потом годами дела тянут, чтоб побольше денег у государства выдоить».

Пока фрау Грюн и молодая практикантка, блондинка с увесистой грудью и оленьими глазами, налаживали фотоаппарат, мазали чернилами полосу и натягивали перчатки, я уточнял данные и вписывал их в новый формуляр. Лунгарь вежливо заметил, что на самом деле он родился не в самой Москве, а в Подмосковье, но теперь это уже часть столицы и поэтому он решил писать «Москва». Речь чистая, выговор московский, проглатывающий гласные, выпевающий согласные. Говорит охотно и витиевато-цветисто:

– Немцы культурны до безобразия. Я поражаюсь абсолютной чистоте и дикому порядку до невменяемости. Когда это только у нас тоже будет?.. Как барабан ни труби – толку все равно никакого… Живем, как свиньи в берлоге. Одна пря бесконечная, шняга вечная. А тут!.. Никто не плюет слюну на улицу, не сморкаются в кулак, пьяных нет. Женщины не задеваются молодчиками, все улыбаются с приветом. Никто ничего стыбзить не норовит. Машины аккуратные, непотребной грязью пешеходов не замарывают.

– И как это вы все в Германии успели заметить? – спросил я (судя по дате прибытия, он тут всего пять дней).

– Да это невооруженным зрением видно. Не обязательно сто лет жить. Вышел на улицу – и смотри, куда глазом достать можешь.

На вопрос о вероисповедании он усмехнулся:

– Бывший коммунист. С двадцати лет в армии корячусь. Пишите, что хотите. Да, православный, понятно, не бусурманин же!.. Нельзя дважды креститься, нельзя дважды хорониться… – Он мял в руках свою кепочку, передвигал под столом ноги и исподтишка посматривал на округлый зад практикантки, маячивший перед нашим столом.

– Хороша девочка? – спросил я.

– Хороша, – согласился он и почесал бороденку. – Полгода с женщинами ничего не затевалось. Дома жена сохнет… Вообще она у меня слаба на передок, за столько дней-часов наверняка кто-то у нее завелся. А я тут, как петел бройлерный… Да чего делать?.. В запутуху вляпался – теперь расхлебывай, рой траншею от забора до обеда…

Фрау Грюн подвела его к столу и начала поочередно прикладывать пальцы вначале к чернильной полосе, а потом к бумаге, а он так горестно и печально приговаривал: «Ай, стыдно, ой, нехорошо! Неладно, срамно!..» – что фрау Грюн спросила, не плохо ли ему.

Узнав, что ему не плохо, а стыдно, она засмеялась:

– Он же дезертир?.. Это ничего, не страшно.

– Не только дезертир, но и преступник, по всем Россиям разыскиваемый, – охотно пояснил Лунгарь, когда я, желая его успокоить, перевел слова фрау Грюн. – Вот такие вот плакатищи на улицах понаразвешали – опасный, мол, особо преступник! Это я-то, божья коровка, опасный?.. Да я чистый козел опущения!

– А что вы такого сделали? – спросил я, решив, что раз он сам все это говорит, значит, хочет, чтобы его об этом спрашивали.

Он махнул рукой:

– Такая бодяга неуклюжая получилась!.. Без вины виноват – и все тут. Конечно, хлеб рубят – крошки летят, но как-то уж очень неприятно немой крохой быть…

В музгостиной возник немец средних лет, с брюшком и в свитере. Он спросил у фрау Грюн, тут ли его беженец (он назвал его «Kunde» – «клиент»).

– Да, вот он. Кстати, познакомьтесь с господином Тилле, вы сегодня работаете с ним, – сказала мне фрау Грюн.

Мы дружелюбно пожали друг другу руки и втроем направились по коридору. Лунгарь не знал, где ему идти: впереди или позади нас. Он то закладывал руки за спину, то совал их в карманы, бормоча:

– Вроде и не под арестом, а что к чему – неясно… В непонятках тону… Не знаю, где край, а где конец! Прижукнула жизнь, дальше некуда…

А Тилле шел, насвистывая, и громко всех приветствовал: с одним поговорил об отпуске, с другим – о каком-то карточном долге, пошутил с секретаршей, перекинулся словами с коллегой в открытую дверь (двери стояли открытыми, как и во многих других ведомствах). Мы в это время тупо торчали рядом.

– Немцы-ы! – то ли с уважением, то ли со скрытой насмешкой тянул Лунгарь, вытягивая губы трубочкой, поднимая брови и приговаривая нараспев: – Не-емцы-ы!.. Фри-и-цы!.. Вот где я оказался, прапорщик российский!.. У фрицев временного приюта жизни прошу!.. А что делать-то – ни за хрен собачий, как пьяный ежик, пропадать?.. Лучше уж германцу сдаться… Эх, кому – Канары, а кому – на нары…

Кабинет у Тилле оказался намного больше, а стол намного шире, чем у Шнайдера, весь завален папками и делами. На стене – две разные карты мира и два календаря. Под ними – еще один квадратный столик. Телефон звонил беспрерывно, кто-то входил и о чем-то спрашивал, кто-то что-то приносил и уносил. До меня дошло, что Тилле – начальник повыше тихого Шнайдера.

– Так, вы новый у нас?.. Ах, уже работали?.. Со Шнайдером?.. Он еще не на пенсии?.. – пошутил Тилле, перекладывая на столе бумаги и весело поглядывая исподтишка на Лунгаря (тот ясными глазами смотрел вперед, жевал бороденкой и мял кепочку). – Так. Кого мы имеем?.. Дезертир из Чечни?

Лунгарь два последних слова понял без перевода:

– Я, я, дезертирус аус Чечня. Из-под стражи убежал. С риском для жизни-здоровья и со множеством травм души и тела еле-еле от скотобоев ушел!

Тилле настроил диктофон, вставил кассету и начал задавать дежурные вопросы. Лунгарь отвечал без запинки, четко называя цифры и даты (по дороге я предупредил его, чтобы он был осторожен с датами. «Ясно, не-емцы», – ответил он тем же многозначительным, полууважительным-полунасмешливым шепотом). Документов у него не было. Мы быстро добрались до родителей и родных. Все были живы-здоровы. Тилле едва заметно поморщился:

– Придется всех родственников с адресами и датами в протокол заносить. – Передал мне чистый бланк, сам набрал чей-то номер и, пока мы с Лунгарем заполняли бланк, со смехом выяснял подробности какой-то вечеринки.

– Веселится. А я полгода в побеге маюсь, одни камуфлеты ем, – грустно-злобно прошептал Лунгарь. – Жаль, немецкого не знаю. Как тут, курсы дают, нет?

– Трудно сказать.

– А ты сам что-нибудь решаешь? – тревожно взглянул он мне в глаза.

– Что я могу решать? – пожал я плечами. – Переводчик – не человек, а машина, средство общения. Я только перевожу.

Перешли к биографии. Лунгарь подробно рассказал, какую школу, где и когда окончил. Потом три года учился в машиностроительном техникуме, после чего пошел в армию, стал бессрочником.

– Какие причины побудили вас стать профессиональным военным? Расскажите подробнее, – попросил Тилле и выключил диктофон, а я отметил про себя, что перед каждым важным вопросом и он, и Шнайдер выключали устройство – очевидно, чтобы лучше вникнуть в суть ответа и потом сформулировать его, как надо.

Лунгарь как-то замялся, кепочка завертелась в руках быстрее, бороденка заерзала.

– Может, он и не поверит, но из-за квартиры вся бахрома моей жизни спуталась. В армии квартиры давали, а нас в трех малых комнатах десятеро взрослых жило. У меня как раз основательная любовь с девушкой в ходу была, а встречаться негде – материальной базы нет. Она подняла струшню: «Что ты за мужик, места потрахаться найти не можешь!» А мне после техникума все равно на два года солдатом идти. Я и решил – чем еще два года по казармам вшей питать, лучше уж человекообразную квартиру получу и спать с бабой ложиться буду, а не с отбоем. Так и вышло все безобразие. Сейчас бы ни за какие баксовые кущи в военные не пошел бы. А тогда молод был, глуп, как пробка от портвейна.

Тилле внимательно выслушал его, сказал:

– Из-за квартиры?.. Это вполне может быть… Эту русскую проблему мы знаем… Каждый второй живет не там, где прописан, а прописан не там, где живет… Кстати, прапорщик – это вроде унтер-офицера?.. – уточнил он, включил микрофон и сжал ответ Лунгаря в одну емкую фразу. Потом задал следующий вопрос: – Кем, когда и где служили? В чем состояли ваши непосредственные задачи? Сколько получали жалованья? Имеются ли сбережения?

Лунгарь резво откликнулся:

– Двадцать лет в лямке, с 1980-го по 2000-й. Богом в наказание был определен прапорщиком в войска МВД. Отлично жил, все было, что человеку умеренному надо, зарплату платили. А как пошла эта поебень, извините, дерьмократия наша гондонная, так все и лопнуло, как майский шар в синем небе. А насчет сбережений… Копить деньги на черный день както начал, но отсутствие дней белых помешало… Чего сберегать? К нулю плюсовать нуль?..

На просьбу сказать, чем вообще занимаются войска МВД, он пояснил, что войска доблестного МВД в основном охраняют лагеря, зоны и тюрьмы, которых по России пропасть:

– Ну и кремлину возле мавзолейки, само собой.

– Какую кремлину? – не понял я.

– Кремль наш любимый, с алой звездой во лбу. И мавзолей, где великий цуцик отдыхает. Наломал, падла, дров – и в ящик, а ты тут вертись, как карась на сковородке… Но лично я всегда был в хозчасти. По снабжению.

Тилле усмехнулся:

– На снабженца не похож. Они все толстые.

– Да и я был не худ – в дороге отощал. Полгода в бегах, не шутка. Как личность получил излишне много травм души и тела.

Дальше выяснилось, что последние семь лет он служил в Ставрополе, откуда иногда приходилось сопровождать колонны с грузами в Чечню:

– Головной-то мозг всей заварухи – в Ростове. Там и штаб, и трибунал, и бухгалтерия, и морг с крематорием, нате-пожалуйста. А у нас в Ставрополе только хавка-обувка, сгущенка-тушенка и подобная дребедень. Но я лично с оружием дела не имел, все больше по пище. Эх, знать бы наперед, где споткнешься… Перевелся бы куда-нибудь. Вот в Заполярье звали. Думал, холодно будет там слишком, да на юге так припекло, что все бросить и бежать без оглядки, как альбиносному волку, пришлось. Жизнь перелобанила.

Потом он обстоятельно рассказал о том злосчастном дне, когда его послали сопровождать две цистерны с горючим в Грозный. Лунгарь сидел в кабине первого бензовоза, во второй машине был только шофер-солдат Мозолюк. Ехали под прикрытием БТР, в котором были три солдата и лейтенант Николай, родственник Лунгаря по жене. БТР шел впереди. Ночью, где-то в Чечне, на дороге вдруг появились бандиты, человек пятнадцать, в черных намордниках и маскхалатах. Они протянули «ежа» через шоссе. БТР шел впереди и «ежа» даже не заметил, переехал, а бензовозам пришлось остановиться.

– Кто были эти бандиты? Чеченцы? – невзначай поинтересовался Тилле.

– Кто их знает?.. Сейчас же все на чеченов валят. Где что не так – всё горцы злые. Темно было, ночь. Приказывал один бардадым с гранатометом, другие молчали, только автоматы стволистые на бензовозы понаставили. Стрельнут – и пиши пропало!..

Главарь с гранатометом приказал оружие бросать и выходить. Лунгарь по рации передал в БТР, чтоб оружие не применяли, а то бандюги под прицелом бензовозы держат, за пару сотен литров гореть неохота. Туда-сюда, уговорил он Николая сдать оружие и выйти из БТР. Бандюги никого не тронули, только БТР подожгли, сели в бензовозы и укатили. А они побрели пешей гурьбой в Грозный, где явились в комендатуру и всё рассказали:

– Что тут началось!.. Шум, визг, вой собачий!.. Всякие оскорбления личности и тела!.. «Суки-бляди-твари-сволочи, с врагом сотрудничаете, бензин загнали, деньги взяли, оружие продали, достоинство замарали, совесть блядством запятнали, доблесть заговняли, честь в грязи изваляли!..» Избили, как водится, до полусмерти, всё больше телефонным справочником по человеческой голове, мозги всмятку пошли… Звери в формах! Как же я не козел опущения?

Тут я прервал его, решив уточнить:

– Андрей, вы уже второй раз говорите «козел опущения». Что вы имеете в виду? Одно – это библейский козел отпущения, которого камнями забивали в пустыне за свои грехи, ну, а другое – это тот, которого… это самое… ну, вы понимаете… опустили…

Лунгарь замер:

– Понимаю. Нет, такого не было. Да кому я нужен, об меня мараться?.. А что, это не камни, когда по башке книгой бьют и стаканы об морду разбивают?.. А морально – да, конечно, еще как отчпокали!.. Паспорта и военбилеты отобрали и под конвоем в Ставрополь отправили, а там уже лютые звери из ФСБ поджидали, даже какой-то генерал самочинно явился. Толстый и жирный, как тюлень, и такой же моржовый… А чего ему не толстеть? На кормлении сидит, на питание получает, остальное со складов ворует… Генерал в

России – это же не звание, а счастье пожизненное, – Лунгарь начал впадать в философию (глаза загорелись, волосы взъерошились сами собой), но я попросил его не отвлекаться. – Пришел генерал, посмотрел на нас со злым укором, рюмки три коньяка выпил, в лицо нам, изменникам, плюнул и ушел, а его шестерки поганые опять измолотили до упаду пульса и в наручниках в карцер на ночь куковать бросили. А человек в наручниках – уже не человек, а колода безгласная, насекомая. Мне пять лет вытанцовывалось, а Николаю как офицеру – и все восемь. Солдатиков три дня на губе продержали и выпустили, только Мозолюку 15 суток добавили за разговоры. А на нас с Николаем дело открыли и в трибунал передали.

– Позвольте, но это же нелогично – если бы вы действительно сотрудничали с чеченцами, то зачем вам было самим являться в комендатуру? – остановил его Тилле. – Подумайте, какой смысл? Ведь нелогично? Неужели ваше командование этого не понимало?..

Лунгарь замер, переспросил у меня:

– Он чего, по серьезке спрашивает?.. Понимать-то оно все понимало, чтоб ему пусто было, ни дна, ни покрышки, но виновных же найти надо, кто-то за все отвечать должен?.. Вот мы и оказались виновными! Как там про стрелочника?.. Гайку отвинтил – и все, под суд! Такой гайкозаворот! А что делать было?.. Перестрелку начинать?.. Героев играть?.. Рембов?.. Да ведь никто спасибо не скажет. Николай с тремя салагами, я, божья коровка, и солдаты-шоферишки, которые и оружия-то толком не нюхали!.. Так взорвали бы бензовозы – и все. Бандюганам что – вошли в лес и пропали, а тут гори за милую душу, как Зоя Космодемьянская!.. На хер нужно – скажем дружно!.. Каждая тварь и каждая травинка имеет право на живую жизнь, а хомо человекус – и подавно! – добавил он патетически.

Тилле пожал плечами:

– Конечно. Дальше.

В Ставрополе сидели в военном КПЗ. На третий день дело так поворачиваться стало, что ему, Лунгарю, тоже восьмерик грозит: следствие показало, что это именно он вынудил Николая сдать оружие и без боя лапки поднять. И тогда решил Лунгарь бежать за границу, ибо в России обязательно найдут. Подговорил Николая драку затеять, когда в туалет поведут. А когда вышли и драку затеяли, то и сбежал через стену, пока Николай от солдат отбивался.

– Из военной тюрьмы можно так легко убежать? – усомнился Тилле.

– А это не настоящая тюрьма, это камеры при комендатуре, прямо в городе.

– Опишите подробнее, как это произошло.

Лунгарь нарисовал схему двора, стену, закоулки и вахту:

– Тут вахта, там стена невысокая, если солдаты не мешают, то можно на крышу туалета залезть, а оттуда на стену. На стене проволока есть, но ток в ней отключен, ради экономии, о чем мне еще раньше известно стало от бухого ночного конвоя. Вот и вышел такой шайбоноворот, убег.

– Хорошо. Но почему этот Николай тоже не сбежал? Почему вам помог, а сам остался? – пытался понять Тилле.

Лунгарь на секунду замер, почесал в бороденке:

– А он не хотел из России уходить, патриот хренов! Родные берега его держат, к березкам мертвой петлей привязан. Знаете, болезнь такая есть – патриотит? Вот он ею болен. Это наша, чисто русская болезнь. Мысли у нас в голове копучие, ползучие, вязкие, ощупывают всё вокруг: это не наше, это прочь, а это наше, давай сюда его! Вот и он такой экземпляр. И штрафбата не боялся, побывал там уже когда-то. Ему, кстати, пять лет лично дали и еще год за мой побег присовокупили. Всего, значит, шесть. Можете проверить: Николай Кравцов, осужден в ноябре прошлого года, сидит где-то в Коми.

Тилле что-то отметил у себя на листе:

– А вы откуда знаете, что он осужден и где он сидит?

– Жене позвонил из Турции, она сказала.

Так начались странствия Лунгаря. У жены родственники были в Армавире, дали денег немного. И он, где попутками, где пешком, добрался до Сочи, а оттуда на частнике поехал в Ереван.

– И что, за все это время никто документов не проверял? – поинтересовался Тилле, поглядывая в атлас. Лунгарь энергично махнул рукой:

– Да дал десять долларов – и езжай себе.

Тилле еще раз сверил маршрут по атласу. В Ереване Лунгарь нанял такси, которое завезло его куда-то в горы, к границе с Турцией, которую он ночью и перешел. Добрался до Стамбула, четыре месяца жил с русскими бомжами, работал на черных работах: разгрузке и уборке.

– Как он без документов столько времени был в Турции?

– Да что я, один там такой?.. Два раза турки поганые ловили. Один раз просто отпустили, а другой раз избили дрючками и пригрозили, если не уеду, прибить вообще до исчезновения жизни. Басурмане, что с них взять. Хорошо, что кожуру живьем не содрали и в кипяточке не сварили!.. Они, кстати, и посоветовали сдаваться в Германию… Мол, иди, там таких принимают…

Этот пассаж Тилле выслушал особенно внимательно, покачав при этом головой:

– Мы, как всегда, самые глупые…

Помогая в овощной лавке и убирая урны, Лунгарь кое-как собрал немного денег. Знакомый турок свел с человеком, который за четыреста долларов устроил Лунгаря на сухогруз, который шел в Италию. На корабле он тоже работал, мыл палубы, а в Триесте, во время разгрузки, сумел в кузове грузовика спрятаться и за пределы порта выехать. Сел в поезд. И его тут же поймали: билета не было, проводник поднял шум. На следующей станции полицейские арестовали его, продержали сутки в участке, пытались узнать, кто он, а потом, услышав, что он хочет в Германии просить убежище, выписали ему двухнедельный паспорт и приказали побыстрей убираться из Италии, а не то худо будет.

Этот рассказ тоже очень заинтересовал Тилле.

– А где этот паспорт?

Лунгарь сделал большие глаза:

– Паспорт этот временный? А выкинул к чертям собачьим. Италию эту хренову, почти пятьсот километров, пешком ногами насквозь прошел. Вот дрянь страна!.. Грязь, бардак, чистоты и порядка нет ни грамма, плоды культуры в грязи валяются, народишко взъерошен. Еле ушел, во Франции оказался.

Во Франции Лунгарь пару раз заходил в полицию, хотел, чтоб и там ему временный паспорт выдали, потому что «к дисциплине привык», но французы-кусочники только посмеялись и прогнали его прочь, а во второй раз, узнав, что паспорт ему нужен, чтобы в Германию уехать, сами купили ему билет на поезд и под надзором отправили в Неметчину – пусть боши разбираются.

Тилле опять поднял брови и обратился ко мне:

– Слышали?.. Это называются партнеры по ЕС! Союзнички! Что Италия, что Франция!.. Он десять стран прошел, и никто на себя ничего брать не захотел!.. Конечно, зачем? Пусть немцы отдуваются! Вот как дело обстоит!.. Спросите его, почему он вообще с таким упорством сюда шел?.. Почему в Италии, Франции или Турции не остался? – уже раздраженно спросил он.

Лунгарь шлепнул шапку на стол и почесал бороденку:

– Турция – мусульманская страна, в ней жить невозможно без потери сознания. Противно их вой пять раз на дню слушать и на их толстые рыла смотреть. В Италии и Фран-

ции жизни нет совсем: шум, гам, гавканье, вонь, копоть и мотоциклы. Полиция противная, нищие донимают, черноты курчавой больше, чем в зоопарке… Вообще, господин начальник, я думаю, что лучше всего было бы, если бы с несчастного лица нашей бедной земли исчезли все негры и мусульмане! Если бог очистит нас от черномазых и бородатых, то жить станет лучше и веселее, уверяю вас!

Тилле усмехнулся:

– Слышали эти сказки. Курдов и цыган забыл.

Я перевел.

Лунгарь перевел дыхание, подобострастно уставился на Тилле:

– Да, конечно, их тоже, одни проблемы, это мусор. Все убийцы, преступники! И зачем бог в мир столько швали напустил? Что, делать ему было нечего? А Германия и Англия – это семена цивилизации, цветник жизни, сад радости, мечта певца. Поэтому прошу, чтобы меня оставили в этом земном раю, хотя бы временно!

– В его положении быть таким разборчивым не пристало, – выключив микрофон, проворчал Тилле под нос. – Франция ему не нравится, в Италию он не хочет!.. Спросите, что ему вообще, по его мнению, грозит в случае возвращения на родину? И что значит – просит временно оставить?

Лунгарь по-ленински сжал в кулаке кепчонку и, потрясая ею, заговорил о том, что ему грозит трибунал и большой срок: восемь и три за побег, вот и все одиннадцать; тут раньше Гитлер был, крутил-вертел, как хотел, немцев на другие народы понатравил, костры зажег и фашизм произвел, но после войны немцы осознали ошибки, когда и у нас придет новый Сталин, порядок наведет и этот ублюдочный капитализм прихлопнет, тогда и он, Лунгарь, с удовольствием поедет назад, к жене и детям, семейный мед ложками кушать:

– Потому искренне прошу временно при жизни оставить, а там видно будет.

– Сталина долго ждать придется, – усмехнулся Тилле и включил микрофон: – Имеет он еще что-нибудь добавить? Есть еще какие-нибудь причины, по которым он просит политическое убежище?

Лунгарь повторил просьбу, напирая на слово «временно» и на то, что в будущем он посчитает за особую честь выплатить все долги («без договору нет разговору») и служить дальше неописуемо преданно великой Германии:

– Даю вам слово на отсечение, что долги оправдаю и доверие верну!

А Тилле уже перематывал кассету, готовя ее для распечатки. Потом подписал стандартный временный паспорт беженца и, передавая его через стол, с усмешкой сказал:

– Итальянцы на две недели дали, а мы, конечно, сразу на три месяца. Спросите его, кстати, собирается ли он еще куда-нибудь бежать?

Лунгарь сделал испуганные глаза:

– Да ни боже ж мой – куда мне бежать? Я уже прибежал. Дальше для нас земли нету, как говорится. Никуда я бежать не хочу и только прошу и даже умоляю, чтобы мне спасли жизнь и не посылали в пекло на верную гибель. Ведь человек живет только один раз и не больше того?.. Что ни день – то короче к могиле наш путь. Защитите беззащитное существо, а то в России я полностью открыт, как на ветру стою, защиты нет!

Помечая время в моем обходном листе, Тилле откликнулся:

– Ну-ну, не так мрачно. У нас в Германии тоже есть поговорка: жизнь – как куриный насест, коротка и закакана. Все не так просто, как кажется, – уже суше добавил он.

А Лунгаря несло дальше:

– Я слышал, что «азюль» по-немецки значит «убежище». И я, будущий азюляндец, житель страны Азюляндии, обязуюсь не только кушать от ее кисельных берегов, но и рьяно чтить конституцию, исполнять все приказы точно в срок, беречь имущество и лесонаселение… охранять рекорыбные просторы… звериные тропы… небоптичий грай…

– Зря стараешься. Он уже выключил микрофон, – остановил я его, ленясь переводить этот бред.

Когда мы шли вниз на окончательные подписи-печати, он тихо спросил:

– Как думаете, оставят?

– Трудно сказать. От разного зависит. Не имею понятия.

– То-то и оно… Эх, ну бывай! Как говорится, пусть всегда будет пиво, водка и селедка! И зубной порошок, чтобы чистить горшок!

Я смотрел ему в юркую спину и думал, что все услышанное от него может быть чистой правдой, а может – и полной ложью, и никакой он не прапорщик Лунгарь, а какой-нибудь Фомка Хромой, или беглый растратчик, или просто хитрый человек, которому все осточертело, он по путевке приехал в Германию, спрятал паспорт и теперь пытается внедриться в райский сад с черного входа. Все могло быть. И всего могло не быть. И стало ясно, почему следователи во всех людях видят лгунов, врачи – больных, а психиатры – сумасшедших.

Потап с этапа

Долго не писал – по врачам таскался. К Ухогорлоносу ходил из-за звона в голове, тут все по-прежнему неясно. Да и как можно лечить то, чего не видно, рукой не пощупать, скальпелем не разрезать?.. И что лечить: уши, мозг, сердце или душу – тоже непонятно. Ухогорлонос, похожий со своим зеркальцем на безумного марсианина, дал порошки и сообщил, что причиной шума может быть стресс, а это значит, что я – чувствительная натура, ибо у толстокожих этого шума не бывает. Это, конечно, приятно слышать, да делу мало помогает. Чтобы окончательно меня успокоить, он сообщил, что после сорока лет многие этим недугом страдают. Утешил, не чего сказать, спасибо на добром слове… Я ему ответил в таком роде, что лучше уж быть глухонемым, чем с вечно-звенящим котелком на плечах, на это он с врачебным садизмом уточнил, что, если на то пошло, тогда лучше быть вообще полностью слепоглухонемым, совсем спокойно жить будет.

Потом поволокся к Поясничнику – что-то в спине защемило, когда ящики с водкой перетаскивали (к выставке одного художника готовились). С тех пор согнут, как Вольтер за богохульства. Ишиас, люмбаго, поцелуй тещи, выстрел ведьмы, язычок дьявола, а может, и похуже что-нибудь, вроде смещения позвонков или выхода костного мозга из ямок. В общем, вскрытие покажет. Только правильно люди говорят: после сорока все болезни – хронические, так что и гавкать нечего. Рука ноет – скажи спасибо, что не живот. Живот болит – хорошо, что не рак. Рак обнаружили – отлично, что уши поездом не отрезало. Вот на таком шатком балансе и висим, как в том анекдоте: «Поздравляю, мы вошли в минеральный возраст: в костях – соли, в почках – камни, в легких – известь, в пузыре – песок, во рту – металл, а в заднице – огнедышащий клин геморроя».

Поясничник таблетки от боли дал, с кодеином. Думаю, зачем лекарству пропадать? Таблетки растворил в воде и через кофейный фильтр пропустил. Кристаллики кодеина остались на фильтре, их и принял (водкой запив для лучшего растворения). Могу теперь перед телевизором сидеть, «В мире животных» смотреть и с тобой мыслями делиться. А что жалуюсь на шумы, соли и боли – так это каждому мыслящему человеку приятно слышать, что у ближнего тоже что-то болит. И не от злобы, заметь, а из чувства справедливости. Даже Фома Аквинский – на что уж хороший человек – и тот рад бывал, когда к нему прихожане приползали. На прощание Поясничник посоветовал: «Надо думать позитивно. Говорите себе, что все хорошо, – и все будет хорошо, ибо что хорошо и что плохо – никому не известно». Поэтому не буду больше о болячках, надоело. Думать позитивно!

Итак, все отлично. Сидя возле телевизора, много чего нового узнал. Вот в последнем письме ты спрашивал, как светская жизнь протекает, какие новости культурный мир волнуют. Ты, наверно, думаешь, раз Европа – то целый день о балетах и операх по всем каналам передают. Как бы не так. Балеты, конечно, есть, но, как говорится, из другой оперы. Скорее, балаган или театр теней. Одним словом, цирк.

В Америке, например, выборы президента идут, все гадают: Гор Буша победит, или Буш – Гора?.. Американцы – народ молодой, дикий, спонтанный, генетически грубый. Законы двести лет назад писаны, устарели, приходится поправками своего добиваться: что надо, то и поправим. Тем более что у Буша папа президентом был, племянник в соседнем штате губернатором, тетка – верховный судья, а деверь сенатором корячится. Немудрено, что во время выборов все компьютеры вдруг испортились. Что делать дальше?..

Издала тетка поправку X к параграфу Y. Начали считать вручную – а что делать, если компьютеры перегрелись?.. Считают-считают, сверяют-сверяют, а все уже знают, что Буш выиграл. Гор по собраниям как оплеванный ездит, чувствует, что его скоро крепко кинут. А

Буш на ранчо лошадей гладит и рожи корчит: «Все должно быть строго по закону!» Конечно, когда законом тетка управляет, все должно быть по закону – недаром какой-то умный человек сказал: «Друзьям – всё, остальным – закон!»

Я, честно признаться, думал, что вся эта «Бушгора» до полного Ионеску дойдет, типа того, что останется один голос, который должен все решить, и будет этот голос принадлежать слепому индейчонку, и тот, плача, объяснит прессе, что он отдает свой голосок за Буша потому, что Буш бедных и слепых любит, налоги снизит и рабочие места создаст. Но режиссеры решили, что слишком по-голливудски тоже не стоит, и остановились на преимуществе в триста голосов: Буш победил, радуйтесь! Все по закону. Горбуша или Бушгора?.. Бушгора. А Горбуша – это рыба такая полезная, фосфора в ней много, в полной тьме все ясно видно… Теперь в Америке поголовная демократия торжествует. И мир доволен. А то всем миром обсуждали, беспокоились. Фрау Грюн говорила, что даже косовские албанцы из-за этого в лагере поссорились, хотя им бы, казалось, что с того, Бушгора или Горбуша?.. Знай маши себе ножом и насилуй – так нет же, тоже политикой в свободное от разбоев время интересуются, а это уже настоящий прогресс, согласись.

А пресса тут злая, богатая, дотошная, ядовитая. За последние годы какого только мусора из изб не повыносили!.. Конечно, главным развлечением блядовитая принцесса Диана была. Шоу мирового масштаба: где сейчас Диана, с кем ее видели, на какой яхте и в какой позе она со своим арабом трахалась, да какой вообще величины у ее сыновей уши: в папу-принца или в конюха-любовника?.. Да кто ее машину испортил?.. Да как вся катастрофа произошла?.. И кто сколько кокаина в день аварии занюхал?.. Принцесса сердец. Царица яиц. Фея простаты. Свеча, залитая спермой.

Потом на бедного президента Клинтона переметнулись: веселый президент, уставая от трудов тяжких, ловил в коридорах власти пухленькую практикантку Монику, тискал ее и сигару в разные места вставлял, а потом облизывал и мастурбировал, но до оргазма почему-то не доходил (так, во всяком случае, он позднее Конституционному суду на допросе докладывал). А практикантка, не будь дурой, все это подругам в подробностях рассказывала, а те – по секрету всему свету.

Создали независимую комиссию. Та собрала два пуда доказательств и давай Клинтона травить: дача ложных показаний, склонение подчиненных к сексу, лжи и подлогу. Один советник по безопасности даже измену родине предлагал дать. Он был больше всего возмущен тем, что Клинтон занимался всей этой дрянью в кабинете, где еще витает тень Авраама Линкольна – это, мол, предел цинизма (вроде как взятки брать под портретом Дзержинского). И как только у президента рука поднялась мастурбировать в таком святом месте? Адвокаты возражают: «Кончал Клинтон или не кончал – вот в чем вопрос! Если мастурбировал, но не кончал – то и говорить не о чем!»

Верховный суд по-быстрому поправку X в параграф Y внес, а в ней сказано, что оральный секс за настоящий секс считать не следует (минетное лобби постаралось, помогло президенту). Этой поправкой Суд совсем граждан запутал. Это что же получается: человек приходит домой, а его жена с соседом оральным сексом занимаются; человек – за пистолет, а жена ему – постановление: вот, черным по белому, все по закону. Резонно. И с законом не поспоришь. Так что иди, человек, пей чай, личность не ущемляй, спортом занимайся и кури меньше – вредно. Вот сигару облизать можешь, если уж совсем приспичит…

Некоторые злыдни из Сената еще прицепились, что Клинтон, мол, не только оральным спортом в святом месте занимался, но и на саксофоне по ночам в Белом доме джаз играл. Это тени Авраама Линкольна тоже вряд ли могло понравиться. Вот если бы Клинтон на банджо тренькал – еще куда ни шло, национальный инструмент все-таки. Поговаривают даже,

что Клинтон в юношестве марихуаной грешил. Джаз, саксофон, онанизм, марихуана, одно к одному, звенья одной цепи… Адвокаты опять защищают: «Курил – но не затягивался!..»

А я лично думаю, что как раз это проклятая тень Линкольна и не давала Клинтону кончать по-человечески – наверняка по углам шныряла, в занавесях шастала, Конституцией шелестела. Может, президенту как раз и стыдно было под ее шуршание и под портретами отцов-основателей онанировать?.. В таком случае Клинтону надо не каяться, а в суд подавать: ваши шумные наглые тени и злые портреты мою простату до изнеможения довели, так что требую компенсации в сто миллионов долларов! Пусть адвокаты еще напомнят, что Клинтон – большой друг негров, педиков и окружающей среды – недавно, например, приказал электрический стул к биочистой энергии подключить, хорошее дело, нужное, казнимому куда легче умирать с сознанием, что убивший его ток целое дерево в Бразилии спас…

А вообще чего на Клинтона бочки катить – сам каков?.. Шагая по темной аллее в лагерь, поймал себя на мысли, что с интересом, но хладнокровно, почти безразлично ожидаю, с кем придется сейчас работать, и никаких особых эмоций не испытываю, как в первые разы. Воистину, даже капля власти портит человека, не то что бадья, ведро или цистерна! Чем больше власть – тем дальше от людей.

Не успел Бирбауха поприветствовать, как он мне с одобрительными ухмылками спешит время отметить:

– Всё, затикало. Теперь можно не торопиться, счетчик пишет, а деньжата уже где-то шевелятся, в ваш карман просятся… Вообще денег лучше иметь много, чем мало. А лучше налички на свете вообще ничего нет!

В комнате переводчиков еще темно. Зажег свет, сел, стал ждать.

Минут через двадцать появился невысокий юркий очкарик с нервным лицом и важно сообщил, что он тоже – *Einzelentscheider*, господин Марк, но фрау Грюн сегодня больна, и поэтому он вынужден заменять ее и заниматься «черным трудом», а работать мне сегодня со Шнайдером.

В тонкой папке – две бумажки: справка из полиции Дюссельдорфа и анкета с данными; на фото – угрюмое квадратное лицо, бритый череп.

фамилия: *Орлов*
имя: *Потап*
год рождения: *1981*
место рождения: *с. Семибалки, Россия*
национальность: *русский*
язык/и: *русский*
вероисповедание: *православный*

Я повертел в руках чистый бланк, куда надо было переносить эти данные.

– И зачем вообще все это переспрашивать? – спросил я у Марка (вспомнив хера Челюсть). – В сопроводиловке же написано, кто он. Зачем еще раз одно и то же переписывать?..

Марк сверкнул очками:

– Это наспех записано в полиции, с его слов. А вот что он сейчас скажет и что вы запишете – это уже в дело пойдет, окончательный вариант. Надо очень внимательно слушать.

Потап Орлов – косая сажень, массивен, угрюм, прыщав, деревенский парень с грубым черепом, сонными глазами и большими кистями. Неуклюж и медлительно-тяжел в движениях, будто каждый раз пуды ворочает. Одет в темную робу. Угрюмо смотрит в одну точку, руки держит за спиной, как на прогулке в тюрьме.

Мы сели за стол.

– Имя у тебя редкое, – сказал я ему. Он потупился:

– От дедуни.

Все данные были правильны, только пункт «вероисповедание» вызвал у него протест:

– Не православный я. Сектанты мы.

– Какая секта?

– По комнатам сидим – книги читаем, молимся. – Он говорил нехотя, односложно, иногда вдруг переходя на неразборчивую скороговорку.

– Адвентисты? Субботники? Духоборы? Молокане?

– Убивать – грех. Воровать – грех. Молиться и работать. – Он переложил по столу руки в заусенцах, мозолях, пятнах, с грязными ногтями: – Оружие держать – грех. Бог не велит. Нельзя.

Марк, узнав, в чем дело, ехидно ухмыльнулся:

– Ах, вот в чем дело! Мне уже все ясно. Будет на пацифизм давить. Сколько этих свидетелей Иеговы у меня побывало! Пишите «православный сектант».

Я сказал об этом Потапу. Он безразлично ответил:

– Пойдет. А вы кто будете?

– Переводчик. Буду помогать тебе с немцами сотрудничать, – сказал я (подумав, что за подобную фразу в свое время и в своем месте нас обоих расстреляли бы без суда и следствия).

– Понял, – опустил он голову, сжал кисти в один большой кулак и молча ждал. Было в нем что-то покорно-рабское, молчаливое, гнетущее…

– Спросите его, кем он был на родине? – обхватывая двумя руками здоровенный палец и начиная снимать отпечатки, спросил Марк.

– Мамке в огороде помогал, – флегматично ответил тот. – Потап, картоху полей, Потап, лук с огороду подай…

– Как его имя? Топ-тап?.. – переспросил Марк, опасливо отстраняясь от него. – Иван – знаю, Андрей – знаю, Борис – знаю. Топтап – не слышал.

– Потап, – пояснил я. – Старинное имя.

– Чего немцу надо? – сонно исподлобья посмотрел на меня Потап (он вообще предпочитал глаза держать полуприкрытыми).

– Имя твое ему очень понравилось. Не слышал никогда такого. А родителей как зовут?

– Отец Пров, один дедуня Потап, другой Федосей. Дядька Кузьма, а брат – Феофан, – безучастно перечислил он. – Обед здесь когда, не знаете? А то я завтрак пропустил.

Я не знал, а Марк язвительно ответил, что об этом еще рано думать, сейчас на вопросы отвечать надо, а вообще обед с 12 до 14.

Шнайдер встретил нас улыбкой и запахом кофе. Загорелое лицо казалось розовым под «перцем и солью» его бобрика, который он часто и ласково с хрустом потирал и гладил.

– Слыхали по телевизору? В Англии, на вокзале пятерых румын поймали. С трехмесячным ребенком умудрились под поездом, в отсеке для угля, из Франции в Англию по Евротуннелю проехать, – сказал он мне. – А поезд этот триста километров в час мчится, между прочим, и сто раз перед отправкой осматривается… Кто это у нас сегодня? Дезертир?..

Услышав знакомое слово, Потап кивнул и уставился в стол, за который влез с большим трудом: стол маленький, а Потап – массивен и неповоротлив.

Шнайдер, цепко взглянув на него, сказал негромко:

– Я думаю, нам предстоит выслушать историю о том, как молодой парень не желает служить в армии. Понятно, кто же хочет?.. В молодости и я не хотел… И моего отца насильно в вермахт забрали… Ну, надо начинать. Давайте ваш обходной, впишем время.

Он черкнул цифры в моем обходном и принялся настраивать диктофон. Я налил в чашку кофе. Потап смотрел на свои черные кулаки, полузакрыв глаза и покачиваясь. Шнайдер осторожно спросил у меня:

– Ему плохо?.. Может быть, он чем-нибудь болен?.. Спросите у него.

Я перевел.

– Нет, – отозвался Потап. – Что-то балда трещит, в сон тянет. Я, когда мал был, на бахче упал, балдой прям об арбуз. С тех пор болею.

– А чем?

– Болями болею. Несчастный человек.

Шнайдер вздохнул:

– Ясно. Здоровых и счастливых я еще за этим столом не видел, – и щелкнул выключателем.

Анкетные данные скупы и коротки:

– Рожден в селе с-под Ростова… В школу ходил… Учился плохо… Ничего не помню… Потом дома был, мамке помогал. Голова болит, сил нет… Народу в дому много, по комнатам сидят, молятся. Все добрые люди. Чего еще?..

Пока я выписывал на лист братьев-сестер, Шнайдер выключил диктофон, вытащил лупу, атлас, поискал нужную страницу и углубился в нее.

– Спросите у него, сколько времени надо было ехать от его села до Ростова?

– Не знаю. Може, час, а може, боле. Забыл. Недалеко было.

– Он часто ездил туда?

– Чего мне там?.. Сатанское место. Это не для нас. Для нас – молитва и работа. Больше ничего. Бог не велит с людьми водиться. Не наше это. Всюду гнусь, но я не гнусь…

– Он сектант, – пояснил я.

– Ах, да, да, тут написано. Были у меня уже такие, с Украины. Сектант – всегда пацифист, этим все объясняется: бог убивать не разрешает, поэтому дайте мне политубежище. Старая история. Есть у него какое-нибудь образование, кроме школьного?

– Нет, говорит, что после школы матери помогал. В огороде.

– Огородников не хватало. Где он служил, когда призывался? Весь военный вопрос надо проработать особенно подробно.

Потап односложно отвечал, что нигде не служил, от повесток прятался, не ходил в военкомат.

– Конкретнее: сколько было повесток, сколько времени прятался? – Шнайдер приготовился записывать и высчитывать.

– Повесток пять, може, боле. Не знаю, маманя рвала. Год, може, боле прятался, по родным спал. Потом изловили, иуды.

Его поймали ночью, когда он пробирался на молитву. Избили и отвезли на сборный пункт в Ростов, откуда через два дня в эшелоне отправили куда-то. Потап спросил у офицера, куда их везут, тот ответил: «В Чечню». И Потап выпрыгнул на ходу из поезда и лесами пробрался домой:

– Сбежал с этапа. Куда там Чечня? Бог не велит оружия в руки брать!

Шнайдер скептически покачал головой и выключил микрофон:

– Во-первых, уже давно таких юнцов эшелонами в Чечню не отправляют, там сейчас совсем другие войска орудуют. Во-вторых, никакой офицер не скажет, куда везут солдат, особенно если они правда едут в Чечню. В-третьих, перед отправкой молодежь проходит сборы, шесть месяцев. В-четвертых, вагон под охраной…

Потап на все это ответил коротко и угрюмо:

– Не ведаю, – а на вопрос, где именно он выпрыгнул и куда отправился после побега, коротко буркнул, что под Ростовом было дело.

– В Ростове – сели, а под Ростовом – уже выпрыгнули?.. Значит, как сели, так офицер и объявил во всеуслышание, что едете в Чечню? – осторожно уточнил Шнайдер.

– Да. Нет. Не ведаю. С этапа ушел.

– Спросите у него, как ему удалось выпрыгнуть на ходу, да еще из вагона с новобранцами, который наверняка охранялся? – продолжал Шнайдер.

Потап расцепил свои кисти-клешни, почесал голову:

– Попросился в туалет, там стекло ботинком вышиб и выпрыгнул. Лесом в какое-то село попал, а там пацана малого встретил, денег дал и попросил родне по телефону сообщить, где я. Маманя приехала, забрала, к старшей сеструне отвезла и в подвал спрятала. Все. Устал я что-то. В балде гудит.

– А дальше что делал? Как в Германии оказался?

– Сидел в подвале с полгоду, – лаконично ответил Потап.

– И что делал?

– А ничего. Молчал. Молился. Потом маманя пришла, зовет, ехать надобно, говорит. В грузовик, за мешки и коробки сидай. Семь суток ехал. Ничего не знаю. Привезли в лагерь – я и вошел, как в царство небесное.

– В сопроводиловке написано, что он сдался в полицию, – удивился Шнайдер.

– Не помню, може, и в полицию. Я ж по их языку немой, ничего не понимаю.

– Откуда он выехал? Что за грузовик?

– Ничего не знаю. Все маманя делала. Я у сеструни в подвале сидел, а мамка к авокату ходила, авокат присоветовал…

– Авокадо? – удивился Шнайдер.

– Нет, это он слово «адвокат» так произносит.

– Значит, это адвокат ей предложил послать сына нелегально в Германию? Ничего себе!.. – Шнайдер удивленно посмотрел на меня. – Такого я еще не слышал. Интересно. Дальше!

Потап, прикрыв глаза, монотонно забубнил дальше:

– Из погреба вывели, в грузовик загнали, коробками уставили, хлеба, воды, телогрей и бидон для дерьма дали – и все.

– А перед отъездом ему мать не сказала, куда он едет? Что он должен делать?..

Потап как-то задвигался:

– Как не сказать. Езжай, говорит, от греха подальше, куда судьба тебя привезет. Там добрые люди примут и спасут. А не спасут – то бог не оставит. Это сказала.

Он вдруг сморщился, напрягся, начал хлюпать носом, дергать головой, из глаз потекли слезы.

– Они меня назад послать хочут? Я не поеду! Не поеду! – зарыдал он вдруг в голос, и вся его большая фигура задергалась на скрипящем стуле.

Шнайдер налил ему воду:

– Скажите ему, пусть успокоится. Никто его не отсылает. Дело еще будет разбираться. Детский сад. Еще ребенок. Я не понимаю – если его мать имеет деньги на адвоката, может оплатить нелегальный переезд в Германию, то не лучше ли было эти деньги заплатить в военкомате и откупить его? Это же возможно было?.. И раньше, и теперь?..

– Конечно. Этим военкоматы в основном и занимаются, – согласился я.

– Ну и все. Он никаких преступлений не совершал, ему ничего не грозит, пусть его мать на месте откупит – и дело с концом, – веско заключил Шнайдер, и по его глазам я понял, что он принял решение.

Потап перестал плакать и вновь безучастно уставился в стол.

– Спросите у него, как он себе представляет свое будущее в Германии, если его оставят?

Этот вопрос несколько ободрил Потапа:

– Сила есть. Работать буду. Пусть только оставят. Работать и молиться. Добрым людям помогать.

– К сожалению, у нас и так переизбыток рабочих рук, – проворчал Шнайдер. – По каким вообще причинам он просит политическое убежище?

Потап задумался.

– Не знаю. Маманя сказала – добрые люди помогут. Прошу помочь и спасти.

– Но как он считает, если сюда, в Германию, прибегут все, кто не хочет служить в армии, то что это будет здесь? – спросил Шнайдер.

На это Потап пожал плечами и заворочался на стуле:

– Не знаю. Сижу в комнате, никого не вижу. Азям украли.

– В какой комнате? Какой азям? – не понял я.

– Полушубку мою. Сижу на койке, никого не трожу – и все. Про других ничего не ведаю. Обратно ехать не желаю.

Шнайдер тем временем собирал бумаги, перематывал кассету, закрывал атлас. Потом коротко позвонил куда-то, а мне сказал, что надо будет внизу, у господина Марка, заполнить анкету для российского посольства об утере паспорта, а то без паспорта его на родину никак не отправить.

Марк уже ждал нас, дал бланк российского посольства.

– Что это, опять писать? – Потап сник и сидел на стуле косо, безвольно опустив между колен темную кисть, перевитую толстыми лиловыми венами. Другой рукой он подпер голову. – Устал я. Не могу боле. Чего опять царапать?

– Анкета. Ничего, скоро закончим. Фамилия, имя?

– Юрий Иванов, – вдруг отчетливо произнес Потап, на секунду как-то выпрямился, но тут же обмяк и ошарашенно уставился на нас, а мы – на него.

– Юрий? Тебя зовут Юрий?

– Что? Что такое? Юри? Юри? – всполошенно заверещал Марк.

– Кто сказал? Я сказал? Не знаю… Не помню… Голова болит, начальник!.. – Потап обхватил череп двумя руками и потряс его так сильно, что Марк отскочил к окну, а я, усмехнувшись про себя («Начальник!.. Это мамка в огороде научила?»), не выдержал:

– Потап, возьми себя в руки. Что ты порешь?

А Марк, придя в себя и бормоча под нос:

– Юри!.. Иванофф!.. Устал, потерял контроль и правду сказал, – приказал Потапу вынуть все из карманов на стол: – Возможно, у него документы какие-нибудь есть, бумажки, записки… Пусть вынет все, что у него есть.

Я сказал Потапу, что господин хочет узнать, что у него в карманах. Но в пыльных карманах ничего, кроме серой пуговицы, смятой бумажки и монеты в десять пфеннигов, не было. Марк шариковой ручкой опасливо тронул бумажку, повертел ее на столе, раскрыл:

– Чек из магазина «ALDI»… Датирован двадцатым июля двухтысячного года… А сейчас скоро весна две тысячи первого… – Потом поднял трубку и сообщил Шнайдеру, что беженец называет себя другим именем, а в кармане имеет чек из магазина «ALDI» со старой датой, отсюда вывод, что он давно в Германии, а не три дня, как он утверждает, и он, очевидно, совсем не та личность, за какую себя выдает.

Потап сонно следил за ним:

– Чего он кобенится?..

Когда я объяснил ему вкратце, в чем дело, он косо усмехнулся:

– Мой азям украли, этот куртяк чужой, в лагере у одного доброго человек одолжил. А Юрий… Так это меня мамка дома так звала. Она вообще хотела Юрой назвать, а отец настоял, чтобы как деда. Вот и вышло.

– Плохо вышло. Видишь, какой переполох?..

– Что, назад отправят? – Потап зашевелился на стуле. У него опять потекли из глаз слезы, он стал их утирать подолом робы и стонать: – Не поеду назад!..

Марк предпочел отойти и с брезгливой осторожностью спросил от окна:

– Что, он больной? Нервный?.. – а потом негромко сообщил мне, что Шнайдер считает, что все это не имеет уже принципиального значения и дополнений в протокол вносить не надо.

На вопрос о паспорте Потап пожал плечами:

– Не ведаю, где он. Не знаю, кто и где выдавал. Я его и не видел никогда. У мамани в шатуле лежал. Шатула на комоде стояла, я в нее и не лазил никогда, запрещено было.

Я сделал в графе «паспорт» прочерк, и Потап подписал бланк корявой закорючкой, не читая текста.

Марк вернулся к столу и принялся собирать бумаги:

– Скажите ему, что за пределы нашей земли ему выезжать запрещено. Если захочет куда-нибудь ехать, пусть нам скажет, мы подумаем.

Я перевел.

– Куда ишшо езжать? – настороженно уставился на меня Потап, а потом, когда понял, махнул мокрой от соплей клешней: – Куда там!

– К подружке, например, – криво пошутил Марк.

– Какая еще подружаня?.. Нету у меня подружани. Молиться и работать – вот наше дело. Бог не позволяет. Добрые люди помогут.

– И предупредите его, чтобы в лагере ни с кем не общался. Он молодой еще, а там всякие албанцы из Косово есть, с ними пусть не связывается. С кем он живет в комнате?

– Три шриланка и я, грешный. – Потап сгреб со стола бумажку, монету, засунул их в карман. – В молчанку играем.

Вдруг Марк отпрянул, указывая на его ремень:

– А это что у него? Что это?

– Что именно? – не понял я.

Потап хмуро смотрел на нас:

– Чем еще опять немцу не угодил?

– Что у него – мобильник? Хенди? – визгливо спрашивал Марк.

На ремне у Потапа торчала какая-то пластмасса.

– Не, это будильник, мамка дала. – Потап снял с пояса портативные часы, которые крепились наподобие сотового телефона. – Я иногда засыпаю, на молитве или в огороде. Вот мамка и дала. Чего он разорался?

«Что так испугало Марка?» – подумал я, но тот сам объяснил:

– Если у него есть хенди, значит, можно по номерам узнать, куда он звонит и откуда сам получает звонки. И отослать по месту жительства. А теперь что с ним делать? Русское посольство ответит – такого не знаем, паспортных данных нет, кто он такой?..

– Можно идти? – сонно спросил Потап, ворочаясь на стуле и посматривая на часы. – Обед скоро.

– Вы уже читали ему перевод протокола? Как, еще нет? – удивился Марк.

Но когда я сказал о протоколе Потапу, тот решительно отмахнулся:

– Не хочу ничего. Плохо мне. Устал. Репа пухнет. Балда лопается.

– Ладно, это, в конце концов, его дело. Но подписать протокол он в любом случае обязан. Ничего, это и без вас сделаем. Да, час денег вы потеряли, раз он не хочет слушать обратный перевод. До свидания! Мы будем звонить, если кто-нибудь появится.

– Лучше, чтоб меньше было, – отозвался я.

– Что вы, что вы! Тогда нас закроют. Пусть больше будет!.. – визгливо засмеялся Марк.

– Для нас лучше, чтоб больше, а для Германии – чтоб меньше, – подытожил я, надевая плащ.

Все это время Потап встревоженно смотрел на меня, как собака на хозяина, не знающая, куда тот задумал идти, но готовая следовать за ним. На мое прощание он кивнул и пробормотал:

– Доброго человека бог спасет, а худого – побьет.

И эта фраза вертелась у меня в голове, пока я шел к вокзалу через городок, где ездили машины и гуляли люди, ничего не знавшие о лагере, где сидит Юра-Потап и ждет, чтобы добрые люди его спасли.

Щупляк

Нигде ничего успокоительного, родной. Шум в балде, как говорил Потап, – упорный, стойкий, вязкий. Поплелся к Ухогорлоносу, а он новыми версиями пугать начал: «Тиннитус может быть оттого, что у вас ушная жидкость высохла…» – «А где она должна быть?» – «В среднем ухе». Хорошо, думаю, что просто высохла, а то могла бы и в дыхательное горло вытечь… Но это еще не все. «Или, может быть, у вас хрящ в позвонке стерся и в ушной нерв резонирует». Ну, спасибо тебе за нерв, мудошлеп!.. Хорошо, что только резонирует, а не замыкает. «Вам, – говорит дальше этот мандюк, – надо в спецсанаторий ехать. Есть такой, для тиннитусников, под городом Дюрен. Я туда скоро собираюсь, могу с собой захватить. Посмотрите, что и как. И бензин пополам, разумеется». Ну, на братьев по несчастью посмотреть не помешает. Насчет бензина тоже понятно: чем человек богаче, тем он жаднее. Между прочим, деньги на бензин он уже сделал, пока со мной о деньгах на бензин говорил. Это у врачей так: ты задницу для укола заголяешь – а у него в люксембургском банке уже касса звякнула.

Через неделю поехали. В машине душисто пахнет. Сам Ухогорлонос – аккуратен, причесан, в бабочке. По дороге про войну, Сталина-Гитлера поговорили. Он ехидно поинтересовался, почему русские так много водки пьют. «А что еще делать?.. – отвечаю. – Опиума в открытой продаже нет. Притом водка войны выигрывает», – и про нашествия хана Батыя и Наполеона присовокупил, о псах-рыцарях напомнил, Мамаев курган описал, Сталинградской битвой закончил – он и заткнулся с глупыми вопросами.

Потом разность менталитетов обсуждали. Вот у нас черную кошку боятся, если она слева направо дорогу перебегает, а немцы – если справа налево. Или, к примеру: мы боимся, если тринадцатое число на понедельник падает, а немцы – если на пятницу. У нас говорят «отдать Богу душу», а у немцев – «отдать Богу дух»… Даже сама смерть разна: у нас она – женского рода, а у немцев – мужского. «Косарь с косой явился». Да что там смерть!.. Даже обычные собаки по-разному лают: наши – «гав-гав», а немецкие – «вау-вау!» – хотя, казалось бы, собаки языкам не подвержены. Видно, не только народные души, но и народные уши разные.

В санатории – тишина полная, мертвая. По аллеям люди гуляют, у всех на лицах скорбь написана. Все с дурцой: один – тихо с ума сходит, другой – в себя не приходит, третий – бредит, у четвертого – крыша едет. Кто в горячке, кто – в черной спячке. И врачи тоже всё какие-то пришибленные, на пауков похожи. Начали нам эти мясники кабинеты показывать: тут, мол, мозг просвечиваем, источник шума ищем (как будто его найти можно). Там кровь на густоту исследуем (кровь, наверно, спустят в тазик, кислоты плеснут и давай мензурками мерить, коновалы).

Ведут по коридорам дальше: здесь нервы на шок проверяем, тут шмерцарцт[7], доктор-боль, сидит. А вот это – наш психотерапевт, стрессы анализирует. И сам псих-терапевт из кабинета хорьком драным выглядывает. Худющий, в дурацком халате (нужен ему халат, как собаке пятая нога: как будто стресс на пиджак капнуть может), глаза дикие, полубрит – чистый параноид. «Заходите, говорит, поговорим по душам!» – «Нет, спасибо, спешим, в следующий раз». Тут санитары покойницкую каталку куда-то поволокли и на нас как будто с намеком недобро поглядывают – мол, не хотите ли прилечь, отдохнуть перед долгой дорогой?.. Жутко стало, на воздух потянуло.

[7] От *Schmerz (нем.)* – боль; *Arzt (нем.)* – врач.

Показали нам эти костоломы все хозяйство, включая морг (правда, издали), а потом говорят, что, по правде, науке о причинах тиннитуса ничего не известно, ибо тиннитус – одна эфемерность, вроде уголовного дела без трупа, однако лечение активно проводится и двадцатидневный курс 1235 марок стоит. Без гарантии успеха, конечно. Нет, думаю, спасибо, в сумасшедший дом я и без денег попаду.

Проспектов надавали! А там в основном – про их санаторий: какая тут хорошая сауна, аппетитный ресторан, теплый бассейн и удобные номера. Про тиннитус – два изречения великих больных: слепого Канта: «Слепота отделяет людей от вещей. Глухота отделяет людей от людей»; и глухого Бетховена: «В моих ушах день и ночь свист и вой. Конец моей жизни мерзок». Обнадеживающие слова, ничего не скажешь.

Потом Ухогорлонос с главврачом в кабинете заперся, а я по саду погулял, с одним больным поговорил. «Чем тут занимаетесь, уважаемый?..» – «Ничем. Сидим, шум в голове слушаем. А потом о результатах медсестрам докладываем». – «А им зачем?» – «Те в компьютер вносят. У кого гудит, у кого шуршит, у кого жужжит, у кого фонит, а у кого шелестит и перекатывается». – «Лечение есть?» – «Какое лечение? Свежий воздух, покой, уют и регулярная жизнь – вот лечение. Я уже вылечился, почти… Скоро домой».

Ну, это известно: каждый, кто утром с постели сползти может, уже имеет право смело говорить, что он – в отличной форме. Так, во всяком случае, считают те, кто с кровати уже не сходит и только на горшок ходит. И все хорошо. И каждый триппер излечивается, кроме первого. А надежда никогда не умирает. И то, что нас не убивает, делает уродами и инвалидами.

Приехали назад. Ухогорлонос бережно деньги за бензин взял, в бумажник вложил и лицемерно мне доброго здоровья пожелал. Я-то знаю, что ему, алчной ехидне, лучше, чтобы люди болели. Помнишь нашего знакомого, венеролога Ванечку, который своих больных блядей посылал людей заражать, чтоб побольше пациентов было? Блядей за это лечил бесплатно. А блядям что? У них шанкры чешутся – не дай бог. А тут еще и деньги, и веское слово врача. Ну, Ванечку убили, а эти, его коллеги-гады – пока живы, к сожалению…

Если уж о смерти заговорили, то сообщу, что в Брюсселе ярмарка похоронных дел прошла, Безенчуку и не снилась. Гробы обиты бархатом и золотом, еще Тутанхамон в таких леживал. А как насчет прозрачного медальончика с пеплом усопшего супруга?.. Или кулона с прахом любимой женщины?.. Мечта фетишиста. А за шесть тысяч долларов Америка берется твой прах из спецпушки во Вселенную выстрелить! Будешь, как тот топор, вокруг земли вращаться вечность.

Ну эта ярмарка – цветочки. Сейчас по Европе другая выставка ездит, «Миры человека», там настоящие трупы без кожи и скальпов выставлены. Пластинаты называются. Садист-художник с беспризорных покойников кожу обдирает, тела в формалине маринует и в разных позах по залам рассаживает. Впечатляет. Особенно бегущие розовые венозные спортсмены. Их бы на стадионах, как пособие по анатомии, выставлять – пусть юношество любуется.

Ладно, ну их всех. Из хороших новостей вот какая – стала ко мне малая мошка наведываться. Прилетит, сядет на лист, за карандашом следит. Или на газету прыгнет и по строчкам бегает. Я ее уже от других мошек отличаю. Чрезвычайно умная Мушка. Любознательная. Часами со стены не сходит, если я усну, сторожит… Может, муза моя?.. Мала уж очень… Или это какой-нибудь Конфуций, который до мошки дореинкарнироваться умудрился?.. С мудрецами это бывает: от мудрости до мудачества – один шаг, а иногда и его нет, рукой подать (недаром одного корня). На всякий случай эту странную Мошку очень осторожно со страницы стряхиваю. Кто его знает, с кем дело имеешь, поэтому лучше тихо сидеть, божьих тварей не обижать и думать позитивно.

Третьего дня опять ездил переводить – позвонили из лагеря, попросили приехать: «Молодая дама из Украины хочет, чтобы ее выслушали!» Хочет – выслушаем. Дам вообще интересно слушать, а в таком пикантном месте – наверно, и подавно… Из-за этого утром чуть не проспал: всю ночь голые зэчки в тюремных камерах мерещились.

По дороге в лагерь все представлял себе эту «молодую даму из Украины». И я – не жалкий толмач, которого при заварухах первого в кипятке варят, а суровый и могущественный комендант большого лагеря, и после отбоя каждую ночь отбираю себе какую-нибудь новую жертву. В моих руках – и хлеб с мясом, и жизнь со свободой, а женщины голодны и жить хотят. Но я, император Клеопатр, непреклонен и каждое утро отправляю жертву в печь, чтобы железно-огневое правило: «Только на одну ночь» – не нарушалось…

Бирбаух плохо брит и явно в дурном настроении. Протягивая мне обходной, он понуро сообщает, что неважно себя чувствует – давление, веса много, худеть надо, а как – неизвестно:

– Пива не пить?.. Пиво не пить – жизнью не жить! Без пива – как без денег. А без денег – как без рук: глазами видишь, а взять не можешь… – завел он свои басни, я в ответ рассказал о царе Мидасе, который имел способность превращать в золото все, к чему прикасался. – Ничего себе! – восхитился Бирбаух и украдкой отхлебнул из бутылки. – И что?

– Ничего. Умер от голода. Хлеб возьмет, а вместо хлеба – слиток!.. Мясо хватает, а вместо мяса – самородок!.. Вместо сахара в чай золотой песок сыпется!.. Пива выпить желает, а в руках – золотая бутылка!..

– Да? – усомнился Бирбаух, допивая бутылку. Подумал. – Я бы так сделал: меня бы слуги кормили-поили, а я бы руками шевелил, только когда золотишко пополнить надо. Вообще деньги лучше золота: места мало берут, зато пользы много приносят!

– И кушать не просят, тихо лежат! – поддакиваю я и иду в комнату переводчиков, где от фрау Грюн узнаю, что надо ехать переводить в тюрьму.

Вот те на, какая такая тюрьма?.. Этого еще не хватало!.. А дама из Украины?.. А даму потом опрашивать будут.

– С Марком поедете, он по дороге объяснит.

От этого известия весь мой брутальный сентиментализм улетучил. Комендант лагеря в недоумении остался стоять посреди плаца, не зная, что ему делать: ни милых дам, ни лепета с трепетом, вместо этого – тюрьма, куда надо ехать с противным очкариком Марком.

А Марк в кабинете уже собирается: переносной ящичек для снятия отпечатков, походный поляроид, стальной дипломат для бумаг и актов, сумочка с диктофоном, лекарства, перчатки, пенал для карандашей и точилок, разная канцелярская колбасня, в пакетики и мешочки аккуратно завернутая и разумно разложенная. По дороге он объясняет:

– В этой тюрьме не уголовники, а беспаспортники сидят. Люди без бумаг. И все эти бродяги, конечно, заявление на политубежище подают, чтобы время выиграть и под депортацию не попасть. А мы к ним в тюрьму – на дом, так сказать, – приезжаем, там же опрашиваем. Сервис.

– А дальше?

– А дальше нас не касается. Мы дело рассмотрели, отказ дали, предписали домой уезжать. А дальше пусть разбираются, кому за этим следить положено, *Ausländeramt*, например, или погранвойска, или полиция, – сухо закончил он и перевел разговор. – Вы только не пугайтесь: в тюрьме охрана частная, морды такие, что от заключенных не отличить. Имейте в виду.

– Чего мне бояться? У меня документы в порядке, – отвечаю.

– Ну и хорошо. Лишь бы работа была и документы в порядке, это самое главное. – И Марк прибавил газу. – Тюрьма в лесу. Надо побыстрей туда доехать, чтобы успеть потом даму из Украины опросить.

«Видно, не я один ночью сны видел!» – подумал я: Марк еще с этим типом, куда едем, не начал разбираться, а уже о даме из Украины думает, мечтает.

Мы долго ехали по автобану, потом лесной дорогой взбирались по склону горы. Впереди замаячило белое строение.

– Это ресторан, и очень известный, со всей округи люди съезжаются. Немецкие блюда готовят. Как вы к ним относитесь?

– С детства люблю сосиски.

– Вот и хорошо. Самая вкусная и здоровая пища. Один немец, говорят, в Нью-Йорке наши большие красные сосиски «ротвурст» продавать надумал – так очереди стоят, и он уже миллионер. Людям надоела эта птичья китайская ерунда, дурацкие макароны и турецкое дерьмо. Я, к сожалению, мало что могу есть: изжога, язва и гастрит, всё в одном флаконе…

А я слушал вполуха, смотрел на темные ели, покрытые налетом снега, на ветки в белом инее. Вот и до тюрьмы довела судьба. Хорошо еще, что самого на нары не усадила… «Кому Канары, а кому – на нары», – вспомнил я Лунгаря.

Марк тем временем обстоятельно описывал свой адский пищеварительный триптих, порожденный чем-то, съеденным на базаре в Израиле, куда Марк с женой умудрился поехать. Черт его дернул купить в пятидесятиградусную жару какой-то сомнительный пирожок. Печень чуть не полетела, отказали почки, и его спасли с большим трудом:

– Так я поплатился за грехи предков, – суконно засмеялся он. – Я, кстати, лично никакой своей вины не чувствую – мало ли что там было сто лет назад, я никого не убивал, а отвечать за всех?.. Нет уж, избавьте. Сейчас у нас палку опять перегибают. Все-таки очень глупый мы народ!.. Всему подчиняемся, что приказывают. Даже анекдоты еврейские, самые смешные, нам нельзя рассказывать – коллеги тут же донесут. Вот в Карлсруэ случай был недавно: сотрудник одного амта в шутку спросил у другого: «Хайнц, как ты думаешь, сколько наших контингент-беженцев можно перевезти в одном “Мерседесе” и сколько это будет стоить?» Хайнц начал высчитывать: автобус «Мерседес» обычно на сорок мест, если двухэтажный – до восьмидесяти, а стоить будет в зависимости от того, куда перевозить. «Ну, например, из Карлсруэ в Дахау, на экскурсию?» Хайнц все высчитал, дает полную раскладку, а тот сотрудник смеется: «А я тебе более выгодный вариант предложу: их всех в одной пепельнице уместить можно!» Ну, глупый анекдот. И что же? Этот дурачок через пару дней уволен, потому что их болтовню третий коллега слышал и даже умудрился частично на диктофон записать. Вы же видите, у нас все двери открыты…

– Я думал, чтобы взятки не брали, – ответил я.

– Ха! – усмехнулся он. – Взятки?.. Кто дает?.. Нет, это чтобы слышать все… Я лично ничего против евреев не имею, но зачем постоянно выпячиваться?.. Они умудрились даже из собственного несчастья сделать весьма выгодный гешефт, – говорил он, и в его глазах прыгали желтые огоньки, которые обычно вспыхивают у немцев в глазах при слове «юде».

– Вы, кстати, не читали недавно в газете объявление, что комплекс в Дахау работает в музейном режиме, но при необходимости может быть за сутки переведен в рабочий? – спросил я у него невзначай.

– Нет, не читал. Когда это было? – оживился Марк и тут же сообразил: – Ах, это опять анекдот!.. А я думал – вы правда читали. Но я этот анекдот не слышал, учтите. Нам этого не только говорить, но и слушать нельзя… В рабочий режим, хе-хе… чего только не придумают… Вот, последний поворот. Скоро будем на месте.

Мы проехали знак закрытой зоны. Сквозь поредевший лес уже видно здание с башенкой. Да, недаром слово «тюрьма» произошло от немецкого «Turm», башня. Вот она, тюрьма. Окружена забором из крупной сетки и спиралью из крученой проволоки. Виден собачник,

где с хрипом мечутся овчарки. Несколько угрюмых блоков с решетками на окнах. У ворот, в будке, виднеются какие-то широкополые личности.

– Паспорт с собой? Хорошо. Документы надо оставить при входе. Такие вот правила. Охрана – сущие бандиты, но ничего! Вперед! – Марк храбро полез из машины, начал вытаскивать багаж.

В решетчатом окошке показалась розовая курносая морда и сурово спросила:

– Кто? Куда? Зачем?

Марк с достоинством объяснил, кто мы и по какому поводу. Рядом с мордой показалась небритая харя с золотой серьгой в ухе, подозрительно нас осмотрела, забрала документы, обнюхала их со всех сторон, долго пялилась на наши лица, сверяла и проверяла, но кнопку в конце концов нажала. Ворота разъехались.

Псы с лаем запрыгали в клетках, когда мы проходили мимо. Из здания вышел пузатый, наголо бритый детина в черной майке. Здоровенные лапы в татуировках. На поясе болтались дубинка, наручники, телефон, рация, револьвер в кобуре, тесак в ножнах и баллончик с газом. Он прикрикнул на собак – те замолкли. Он поманил нас – мы покорно пошли на зов.

Внутри, за стеклом, сидели вахтеры – кряжистые, в шапках-козырках. Перед каждым стояла чашка кофе. Двое смотрели в мониторы, один что-то царапал в конторской книге.

– Тут наша комната. – Марк глазами уперся в дверь, которая распахнулась под пинком детины, обнажив два некрашеных массивных стола, четыре стула, раковину и батарею отопления.

– Кого вам надо? – спросил детина, поглядывая в коридор, где четверо здоровяков тащили обгоревший остов дивана.

– Нам никого не надо. Это мы кому-то понадобились, – с достоинством ответил Марк, осторожно выглядывая из комнаты и с удивленным неодобрением провожая глазами остатки дивана. – Это что же, пожар у вас был?

– Да, подожгли вчера босяки зачем-то, – флегматично кивнул детина и рыками стал командовать, как лучше тащить и кому с какой стороны браться.

– Вы их держите слишком вольно, вот и результат! – сверкнул очками Марк. – Они у вас в коридорах гуляют, телевизор смотрят, чай пьют…

– А что с ними делать? В карцерах держать? – удивился детина. – Они же не преступники, а просто босяки, бездомные, пеннеры[8]. Пусть смотрят, не жалко.

Марк исподтишка показал мне глазами: «Какова охрана, а!..» Тем временем вахтеры за стеклом деловито расстелили бумагу, выложили сыр, колбасу, хлеб, двухлитровые бутылки кока-колы и принялись закусывать. Детина, уточнив фамилию нужного нам сидельца и прокотав ее в коридор, поспешил к товарищам, бросив на ходу через плечо:

– Сейчас приведут.

Марк, качая головой: «Никакого уважения!» – начал аккуратно раскатывать на столе черную резиновую полоску (куда надо было мазать чернила для отпечатков), включил в сеть поляроид, проверил кассеты, вытащил из сумки диктофон, шнуры, микрофон. Начал раскладывать бумаги и анкеты, раскрывать сумочки и пить свои желудочные пилюли.

Я вышел покурить, стоял у стены. Вахтеры степенно закусывали сардельками, едва видными под слоем горчицы. Здоровяки, оттащив горелый остов в конец коридора, вразвалку отправились в коридор, ведущий вглубь тюрьмы. Оттуда – звон посуды, бормотание телевизора, голоса.

[8] От *Penner (нем.)* – бродяга, человек без определенного места жительства.

– Вот его данные, просмотрите! – высунулся из комнаты Марк и подал мне анкету, на которой была фотография изможденного молодого человека с длинными волосами и тусклыми глазами.

фамилия: *Золотов*
имя: *Валерий*
год рождения: *1975*
место рождения: *г. Калуга, Россия*
национальность: *русский*
язык/и: *русский*
вероисповедание: *православный*

Тут решетка отъехала, и показался массивный мордоворот с багровой физиономией и складчатым подбородком, похожим на затылок. Руки верзилы, величиной с мою ногу, не свисали вдоль тела, а топорщились в стороны из-за непомерных бицепсов. Он был в кожаной безрукавке с заклепками. Пуки волос торчали из-под мышек, на тумбах-ногах – пятнистые хаки и черные сапоги, на голове – косынка, повязанная по-пиратски. На шее болтался огромный черный свисток с серебряным черепом.

За ним тащился тщедушный худой парень. Он с тревогой озирался по сторонам, зевал и ежился. Видно было, что он со сна. Длинные волосы стянуты на затылке в косицу. В комнате он понял, что мы не из полиции, и стал спокойнее. Молод, лет двадцати, в потертом «Адидасе». Я сказал ему, что это чиновник по его заявлению, а я переводчик, но парень никак не мог понять, кто мы такие и что нам от него надо:

– Какое убежище?.. Когда писал?.. Какое заявление?.. Ничего не знаю!.. – Но потом до него дошло: – А!.. Да это я с похмелюги нацарапал, один чеченчик подбил – пиши, говорит, Щупляк, хуже не будет. Нет, не надо мне этого совсем, едрить его серпом налево! Все равно не дадут, пусть лучше скорей домой посылают. Устал я. Точка.

Эти слова удивили Марка донельзя:

– Такого я не упомню!.. Как, он сам просит, чтоб его домой отослали? Почему?

Щупляк махнул рукой:

– Шансов у меня нету. В газетах писали, что всего два процента получают, так что… Чем тут еще месяцы сидеть – лучше уж домой…

– А там что делать будешь? – спросил я его, пока Марк радостно рылся в портфеле в поисках анкеты отказа (которую он, очевидно, как раз и забыл в лагере, не предполагая такого хода событий).

Щупляк нервно, как кошка, зевнул пару раз подряд:

– Посижу немного – и опять сюда приеду. Свои бабки получать. Кинула меня немчура. Я по-черному полгода пахал на стройке, а они, суки, денег не дали.

Я перевел это Марку. Тот обронил:

– Одни аферисты других дурят. Поделом, так ему и надо. Будет ему наука… Если он хочет уехать – то мы ему поможем, обязательно поможем… Но фото и отпечатки все-таки надо снять.

Парень усмехнулся:

– Пусть снимают. Уже четыре раза брали. Спросите у него, сколько времени мне запрет будет на въезд в Германию?

Марк перелистал документы:

– Вы ничего преступного не совершили. Если добровольно уедете, может, и вообще без запрета обойдется. Только нам надо точно знать ваши анкетные данные, чтобы русский консулат выдал вам временную справку для въезда на родину.

Парень закивал:

– Хорошо. Ладно. Тогда я честные данные дам, пусть меня побыстрей назад шлют, едрить его серпом на лево!

Марк обрадованно-иронически пошевелил бровями в мою сторону:

– Приготовьтесь честные данные записывать!

Когда с отпечатками было покончено, мы стали заполнять анкету об утере паспорта. Парень оказался не Валерием, а Вадимом, не Золотовым, а Кожевниковым, не 1975-го, а 1980-го года рождения, не из Калуги, а из Смоленска. Марк повторял трудные слова:

– Кошефникофф… Смольенск… Спросите его, зачем он все это бессовестно врал и обманывал?

Ответ был короток:

– А чтоб не выслали назад.

Потом Валерий-Вадим сказал, что в Смоленске делать нечего, с водки подпольной сгоришь, думал, приеду в Германию, поработаю на стройке, денег наберу, автобус маленький куплю и буду тихо шоферить:

– Но нет, кинули, суки-немцы, тут тоже гнид полно… Паспорт был, но я его потерял на стройке. Или украли, не знаю. Кем и когда паспорт выдан – не помню, пусть сами найдут. Получил я его летом 97-го, в Смоленске, в Ленинском РОВД.

– Найдем, найдем, не проблема, лишь бы он правду говорил, – радостно суетился Марк, заполняя какие-то бесконечные листочки и подшивая новое фото к новому делу с «честными» данными.

Парень насмешливо смотрел на него:

– А зачем мне врать теперь? Я же сам хочу уехать. Не хотел бы – так и сидел бы, как все другие, едрить его серпом налево…

– А кто сидит? – спросил я.

– Да кто хочешь. Всякие. Китаезы, индусцы, кубинцы, курдяки, негритосы, чечены, узбекцы, афгане… Полный хрислам! Даже один грузинский вор сидит, Камо кликуха, всеми чурками верховодит вместе с Фараоном Нахичеванским.

– Что за фараон? Кличка тоже?

– Нет, имя такое, он армянец.

– Спросите у него, как он вообще в Германии оказался? – сказал Марк, от руки набрасывая текст заявления о том, что беженец отказывается от своих претензий и просит отправить его домой.

Щупляк охотно принялся объяснять:

– По турпутевке приехал, на автобусе, из Москвы. Во Франкфурте зашел на стройку, поговорил с каким-то хмырем в каске, тот сказал, что работа есть, но раз разрешения на работу нет, то и деньги потом, сразу все вместе. Так и пахал полгода. На жизнь он мне давал немного, а потом исчез. Я к другому прорабу – тот отказывается: «Ничего не знаю, тебя впервые вижу, какие деньги?..» Просто всё. Не только наши кидают, но и немцы, волки противные, не лучше. – Он сладко потянулся. – Ничего, поеду сейчас, отлежусь, отдохну, баб попилю, травку покурю – и обратно в Германию…

– А если запрет будет?

Он поправил косичку, усмехнулся:

– За двести долларов я паспорт на любое имя сделаю, хоть на Ельцина, хоть на Хо Ши Мина, едрить его серпом налево!..

Марк, закончив заявление, попросил перевести его беженцу, со смешком добавил для меня:

– Да, а часа два денег вы на этом потеряли, дорогой коллега. Да, потеряли, потеряли… У вас работа почасовая, а у меня время казенное. Вы потеряли, а Германия приобрела!.. Или,

вернее, избавилась… – деревянно шутил он. – Так… Теперь скажите ему, пусть подпишет и может идти, а я завтра же позвоню в российское посольство и попытаюсь ускорить дело. Это надо же – сам человек уехать хочет!.. Как не помочь?.. Но недели две-три ему еще придется посидеть, пока то да се.

Вдруг раздались странные шорохи и стуки. Что это?.. А, вот серая невзрачная птичка бьется о стекло. Ее явно ввели в заблуждение черные силуэты нарисованных на стекле птиц. Она, очевидно, решила заглянуть за кулисы этого птичьего театра. Мы уставились на птицу и молча слушали ее назойливое царапанье и глухие толчки о стекло.

– Кто внутрь, а кто наружу, – сказал я.

– Упорная, – отозвался парень.

– Глупая! – подытожил Марк. – Не понимает, что убиться может.

Я вышел, чтобы позвать охранника для парня. Вахтеров не было. Мордоворот в пиратской косынке доедал в одиночестве колбасу. Увидев меня, он остановил челюсти и неприязненно, как собака от полной миски, уставился мне в лоб:

– Как, всё? Так быстро?

– Он забрал заявление. Домой хочет.

– Что так? Не понравилось у нас?

– Тюрьма все-таки.

– Все равно опять к нам попадет.

И он засвистел в свой пиратский свисток. Видя, что никто не отзывается, он спрятал колбасу в карман, вытер сальные лапы о косынку и загремел ключами:

– Пошли!

Щупляк степенно попрощался со мной за руку:

– Удачи тебе!

– И тебе всего хорошего! – ответил я, подумав, что и в лагере, и тут все желают друг другу удачи – главного в бродяжьей жизни.

Марк сноровисто собрал вещи: спрятал фотоаппарат в чехол, диктофон – в сумочку, папки и бумаги – в портфель. Я взял ящичек для отпечатков. Мы вышли из здания и под грызню овчарок направились к проходной. Возле будки остановились. В окошке показалась розовая, словно ошпаренная харя. И, очень недобро поглядывая на меня из-за решеток, сообщила, что у меня паспорт просрочен и надо заявить в полицию.

– Вот! – тыкался мясистый палец в паспорт.

– Продление на другой странице, – вежливо ответил я.

Харя перевернула страницу и, шевеля губами, долго читала текст. Потом заулыбалась, как свинья из прутьев хлева:

– А!.. У!.. Э!.. О’кей!.. А то мы видим – непорядок!

И решетки разъехались, выпуская нас на волю, где и дышалось легче, и было как будто даже теплее, хотя на елях все еще лежал слой розоватого инея, а на земле кое-где виднелись серые пятна талого снега.

По дороге в лагерь Марк все удивлялся, что мы так быстро управились. И как было бы хорошо, если бы все побродяжки были так сговорчивы и покорны! Правда, Марк каждый раз не забывал суеверно добавлять, что, с другой стороны, это было бы и весьма плохо, потому что тогда наш лагерь обязательно закрыли бы:

– Как это с русскими немцами-переселенцами случилось: когда их поток был велик – до четырехсот тысяч в год – пришлось открывать лагеря, набирать персонал, а как поток сократился, то и лагеря пришлось закрыть. Кого-то перевели куда-то, кого-то на пенсию, а кого-то и так…

Он со вздохом принялся высчитывать проценты потерь в зарплатах и пенсиях, а я думал, что пусть те паникуют, у кого есть с чего проценты высчитывать и что терять, а мне-то с чего голову такой ерундой забивать?! Лучше о приятных вещах думать… Вот сейчас я, комендант лагеря, еду встречать новый эшелон с женским пополнением… Большие вагоны, раскаленные от тепла женских тел. Первым делом в строй поставить и вдоль строя пройтись, на лица посмотреть, в глаза заглянуть… Марк, видимо, думал о чем-то сходном, потому что, закончив с процентами, пробормотал:

– Сейчас даму из Украины будем опрашивать… – и плотоядно спросил: – А правда, что русские женщины очень красивы?

– Правда. Немки перед ними, извините, это просто истуканы с острова Пасхи.

– Да, все говорят, надо поехать, посмотреть… Хотя, знаете, с годами как-то все труднее передвигаться с места на место. Правильно люди шутят: в молодости все время чего-то хотелось, а сейчас все время чего-то не хочется!..

Я рассказал ему про одного немца, который поместил в российской «Учительской газете» брачное объявление («солидный обеспеченный моложавый немец ищет приличную женщину с добродетельными целями») и ездит теперь часто в Москву на «отбор».

Марку идея очень понравилась, и он принялся высчитывать, скольких женщин можно «отобрать» за две недели.

– Причем дамы съезжаются к нему со всей России за свой счет, – подлил я масла в огонь. – Он платит только за ресторан и номер, где происходит отбор.

– О, это хорошо, Россия велика, дорога дорого стоит. И он до сих пор наверняка холостой? Никак не отберет? – развеселился Марк. – И жениться пока вообще не собирается, наверно!.. Знает он русский язык?

– Зачем?.. Он и так неплохо объясняется. Дает понять женщине, что всё о’кей, вот только надо в постели «пробу снять». Все понимают: немец – человек основательный, без пробы нельзя. Ну, и стараются, как могут. А после пробы он фотографирует их на память, дает свои визитки и обещает позвонить, как только приедет домой и примет решение, потому что так сразу окончательного решения принимать нельзя, надо как следует подумать перед таким серьезным шагом.

Марка окончательно добило то, что работает этот отборщик-пробирщик в Бюро путешествий и летает в Москву почти бесплатно:

– Это надо же – столько плюсов и никаких минусов!

– Минусы тоже есть – один раз триппером заболел, – остудил я его восторг.

– Ну, это уж его вина.

– И один раз обокрали: опоили снотворным и обобрали до нитки, все документы и кредитные карточки унесли.

– Это тоже ясно – не следует в номере ценные вещи держать и алкоголь пить в такой ситуации.

– А без алкоголя неинтересно.

– А если пить, то немного, чтобы здоровью не вредить, – Марк свернул с автобана и погнал по улице, в конце которой виднелось здание с черным двуглавым орлом на желтом фоне. – Успеем к полудню.

Но в лагере фрау Грюн сообщила, что беженка, «молодая дама из Украины» (приходившая с подругой, как будто тут кафе или дискотека), прождав два часа, больше ждать не пожелала и ушла. Придет завтра.

– Вот какие они обидчивые, – ощерился Марк. – Один не помнит, что заявление писал, другая ждать не желает, торопится куда-то. А куда, казалось бы, если ты беженка, торопиться? И что в жизни важнее этого интервью для тебя может быть?.. А мы всё это терпеть должны!.. Когда же она явится?

– Обещала завтра утром прийти.

– Ну что ж, вы и там деньги потеряли, и сейчас теряете, сегодня не ваш день, – сказал мне Марк. – Но завтра, надеюсь, все будет в порядке. Приходите, ждем.

Я уныло потащился на вокзал. Так, наверно, чувствовал себя начальник лагеря в последний день, когда надо сматывать проволоку, кидать свой скарб в грузовик и драпать от наглого неприятеля, разрушившего сладкую жизнь.

Колодец, рельсы и петля

Звон в голове не утихает. Эх, говорила мне бабушка в детстве: надо гимнастикой заниматься, обтирания делать, а перед сном рысцой бегать. А я что?.. Вместо гимнастики – сигарета, вместо обтираний – бутылка, вместо рысцы и спортзала – женский пол. Добегался, завяз по самые уши. Ухогорлонос давеча обещал, что когда-нибудь этот шум пройдет. Так когда-нибудь все пройдет. А пока, будто от уха к уху провода натянуты, столбы в зубы уперты, а сквозь барабанные перепонки ток бежит и товарняки грохочут.

К шуму в голове золотые червячки в глазах прибавились, такие серебристо-золотые личинки, которые в черноте изворачиваются, шевелятся. Смотрю вперед – и ничего, кроме этих червячков, не вижу… Проклятый Ухогорлонос эту мерзоту объяснил повышенным давлением, шутил, что у других тараканы в голове, а у вас – только в глазах, потом пошутил, что когда вместо личинок мыши появятся, надо будет о таблетках подумать.

Утром поспешил на вокзал. Сел в поезд. Напротив – девушка-гимназистка. Короткая прическа, сережка в носу, глаза ясные, куртка, джинсы. Я ее уже встречал в поезде. Она сидела на том же месте, о чем-то вздыхала про себя, теребила волосы, смотрелась в темное окно, где наши взгляды встречались. Отводила глаза, ежилась, начинала тыкать пальчиком в карманный телефончик.

И вспомнилось, как летом в поезде «Кёльн-Амстердам» ко мне в купе подсели две гимназистки, русские немки-переселенки, не признали во мне бывсовчела и защебетали между собой по-русски. Два часа из жизни женщин. Толстому не снилось, Тургеневу – и подавно. Было не только пронзительно интересно, но и поучительно. Ругань стояла крепкая. Пухлые губки выговаривали матерные слова с особой сочностью и смаком. Конечно, подслушивать – некрасиво, но я не приникал к замочным скважинам и не слушал через кружку, а принимал к сведению то, что само по себе возникало в купе. И было обидно, что болваны-мужчины так идеализируют женщин, принимая их капризы за решения, инстинкты – за ум, а похоть – за любовь. Но если уж красивым бабам все прощается, то с некрасивых надо, ради общей справедливости, строже спрашивать – кто-то же должен отвечать за всеобщие заблуждения?..

Дорогой друг, раз уж о губках и романтике речь зашла, сообщаю тебе, что недавно книжку хорошую прочел, то ли «Приключения скверной сучки», то ли «Похождения дрянной шлюшки» называется, в Москве издана и даже в двух томах, как у Гоголя. Если встретится – обязательно купи, не пожалеешь. Скромная практикантка Моника только с президентом уединялась, а авторша полстраны орально удовлетворила, ибо она – народная патриотка, у нее девиз простой: всегда везде всем давать. И в этом ее сила. Сразу берет быка за яйца: у кого стоит – иди сюда, у кого нет – иди отсюда, ты нам не нужен. И правильно, нечего между ног путаться. Мозг задействован в основном спинной. Ротовое отверстие отлично приспособлено для орала и жратвы – эти две сюжетные линии менструальной нитью проходят сквозь все живое и мертвое в тексте.

Авторская позиция ясна и конкретна – чаще всего раком, но можно и передом. Как нетрудно догадаться, мужские гениталии – главные герои ее повествования. И как легко можно понять, больше всего авторше нравятся большие, толстые и эрегированные члены, о них она пишет с восхищением, поклонением и даже подобострастием. Оргазм – другой истинный герой ее повествования. Описывая оргазм, авторша поднимается до романтизма: «нектар оргазма», «слоистые облака оргазма», «прекрасна гибель в момент оргазма», «закипающий оргазм», «свирепый оргазм», «взрыв оргазма», «жариться на огне оргазма».

В целом эта книжка-коблограмма – поучение молодым блядям, кодекс шлюхи. Кодекс прост, как половой акт: давать всем, кто просит, жрать все, что можно украсть, пить с кем попало, всем лгать, думать только о себе и дрыхнуть между едой и елдой. Странно, что это

живое влагалище умеет не только пи́сать, но и писа́ть. Однако в любом случае очень важно такие книги давать молодежи, чтобы та не мучилась с романтикой, любовью и прочим вздором – зачем?.. Вот она, голая правда, лежит на заблеванной койке в общежитии!.. Полезная, нужная книга!.. Многих Вертеров с того света вернуть могла бы.

Побольше бы таких искренних книг – и мужской пол избавился бы, наконец, от своих вековечных иллюзий, сомнений, страхов и ненужного уважения к женщине, не тратил бы время на чтение глупых «мадам-бовари» и «анн-карениных», а действовал бы просто и надежно: пожрал-выпил-отодрал. Выдра Бовариха и швабра Анка – вот они кто. Меняю руку и сердце на ляжки и сиськи. И народу было бы куда легче жить.

Книжка должна иметь успех. И даже в Европе, где в последнее время все на сексе помешались, включая безобидные некогда рекламы. К примеру, если раньше на экране жизнерадостная бабулька средство для мойки унитазов в заскорузлых, но чисто вымытых руках вертела, то теперь эту бутылочку обязательно какой-нибудь шлюхе в бедра всунут, но так, конечно, чтобы лобок фирму не закрывал. Если раньше розовощекий ветеран, чудом избежавший Нюрнберга, на альпийской лужайке граблями «Solingen» восхищался, то теперь обязательно кто-нибудь среди садового инвентаря интимом занимается, а грабли «Solingen» рядом стоят и ждут, когда на них наступят. Если прежде карапуз биг-мак прилежно со всех сторон объедал, то теперь от биг-мака обязательно Он и Она откусить вместе норовят и тут же котлетными жирными губами поцеловаться: «Я люблю тебя, бэби!» «Я тебя тоже, бэби!»

Бирбаух встретил улыбками и кивками:

– Вот ваш обходной, время пошло. Деньги никого не ждут, зато за ними все гоняются… Штучный товар!..

Не успел он развить свою мысль, как в приемной бесшумно появилась фрау Грюн, основательно потрясла мою руку и дала просмотреть сопроводиловку:

– Она сейчас придет, с подругой явилась. Уже были тут, пошли по телефону звонить.

С фото смотрела девушка с короткой стрижкой, открытым лбом и пухлыми губами подростка. К сожалению, фото кончалось на уровне ключиц.

фамилия: *Денисенко*
имя: *Оксана*
год рождения: *1978*
место рождения: *г. Харьков, Украина*
национальность: *украинка*
язык/и: *русский*
вероисповедание: *православная*

Не успел я дойти до комнаты переводчиков, как услышал за собой шум каблуков, шуршание колготок и шелест курток. Фрау Грюн уже открывает музгостиную, две женщины идут за ней. Одна, с длинным лицом и противным взглядом, одетая по-здешнему, войдя в комнату, тут же начинает тараторить по-немецки с фрау Грюн, задавать дурацкие вопросы. А другая, Оксана, стоит неподвижно у стены, не зная, что делать. Разница между фото и нынешним днем весьма ощутима: пополнела, вместо открытого лба – челка (обычно скрывающая прыщи или морщины), губы обветрены и сухи. Я пожал ее мокро-ледяную ладонь и попросил садиться – надо уточнить данные.

– А вы прямо из паспорта перепишите! – посоветовала фрау Грюн.

– Как, есть паспорт? – удивился я, привыкший, что тут ни у кого ничего нет, все сгорело, пропало, исчезло, украдено.

– Она по путевке приехала, никакого криминала, все официально… – тут же вмешалась подруга.

– В графе «язык» тут указан только русский. А украинский? – спросил я.

– В этом-то и все дело, – затараторила подруга, нагло усаживаясь боком на край стола. – Семья Оксанки всю жизнь во Владивостоке жила, отец моряком был, а мать – русская, Оксанка тоже в русскую школу ходила и украинской мовы не знает, поэтому теперь ей на Украине жить никак невозможно.

– А где родители?

– Умерли, – ответила курильщицким голосом Оксана и застыла.

От волнения она временами впадала в столбняк. Зато подруга рта не закрывала, переходя поминутно с немецкого на русский и обратно: успела сообщить, что она сама уже десять лет в Германии, приехала по немецкой линии из Владивостока, куда в свое время сослали ее прабабушку-швабку; у нее есть две машины, один дом, двое детей и одна собака, а Оксану она знает с детства и хочет ей помочь:

– Как вы думаете, получится?

– Откуда мне знать? – пожал я плечами. – Зависит от разного. И в датах пусть не путается – немцы этого очень не любят.

– Какие там даты-то, господи?.. Родилась, училась – и все. Ни мужа, ни детей. Что еще? – опять вылезла подруга.

– Всякое могут спрашивать, – уклончиво ответил я и, открыв паспорт, сравнил фото с оригиналом.

– Жизнь потрепала, – заметив мой взгляд, хрипло усмехнулась Оксана, выходя из спячки.

– Никто не молодеет. С кем сегодня работаем? – спросил я у фрау Грюн, закончив заполнять анкету.

– С господином Тилле. Так, всё?.. Давайте на отпечатки.

– Что это?.. Зачем?.. Что я, преступница?.. – узнав, в чем дело, слабо засопротивлялась Оксана, но подруга ей объяснила, что такое правило. Раз немцы говорят – надо делать.

Она безропотно протянула фрау Грюн свои ухоженные пальцы. И стояла во время всей процедуры, отвернувшись в сторону, как дети во время укола. Подруга из солидарности торчала возле нее, а я подумал, не потащится ли эта болтунья с нами к Тилле. Но фрау Грюн, окончив дело, твердо запретила подруге идти с нами, потому что такие интервью – не кафе или дискотека, а дело личное, и, если есть желание, можно привести адвоката, но не посторонних лиц.

– Нет, нет, зачем, – услышав слово «адвокат», по-советски испугалась подруга, пожелала Оксане ни пуха ни пера и удалилась в комнату ожидания, а мы отправились на второй этаж.

Тилле сидит за столом, заваленным папками и документами. Как всегда, в свитере и джинсах. Увидев нас, он очень удивился:

– Как, ко мне?.. Я же эту неделю с черной Африкой работаю?..

– Разве мы похожи на Африку? – шутливо ответил я. – Оба белые и красивые.

Оксана молча стояла у стола. Тилле коротко посмотрел на нее, что-то уточнил по телефону, жестом попросил садиться, а мне сообщил:

– Придется заменить Шнайдера, нету его, уехал на совещание. Не сидится старичку!.. Кто у нас сегодня?

– Не дезертир, во всяком случае. – Я подал ему дело.

Он вынул паспорт, цепко осмотрел его со всех сторон:

– Даже и документ есть. Отлично! И виза еще на три месяца… – удовлетворенно положил паспорт перед собой и, пододвигая диктофон и разбирая шнуры, спросил, искоса погля-

дывая на Оксану (которая в параличе смотрела куда-то в угол, закусив губу и сжав перед собой руки): – Что привело милую даму к нам?

– Нужда, – выдавила она, неуклюже поворачиваясь на стуле (изящества, главного в женщине, в ней было явно маловато).

Житие Оксаны было нехитрым и коротким: родилась в Харькове, ходила в детсад, отца перевели во Владивосток, там училась в школе, потом отец потерял работу, надо было возвращаться в Харьков…

– Родители живы? – спросил Тилле.

– Умерли, – ляпнул я за нее, помня о разговоре внизу.

– Когда, где, как?

Я перевел вопрос. Оксана вдруг замялась:

– Вообще-то они живы, но я с ними навсегда поссорилась. Это в моем сердце они умерли.

Я опешил:

– Ах, в сердце!.. Здесь не опера! Я уже сказал, что умерли, – зловеще прошептал я, подумав: «Если все бабы дуры, то эта, видимо, из самых больших…»

– Ну, пусть тогда умерли, – согласилась она.

– Когда, как?.. Он ждет ответа! – в панике подстегнул я ее.

– Авария? – Она полувопросительно уставилась на меня.

«Вот дуреха!» – разозлился я и перевел:

– Да, говорит, в дорожном происшествии.

– Когда? Где? – Тилле ждал конкретных данных.

– На шоссе, в 1995 году, дождь лил, скользко было, они с грибами шли и под грузовик оба попали, – ответила Оксана, а я, переводя эту чушь, с холодком подумал, что вляпываюсь в глупое дело: зачем-то вру сам и вынуждаю врать ее, нарушая тем самым главные заповеди толмачей.

Но, к счастью, Тилле удовлетворился этими данными и перешел к братьям и сестрам, которых не было, а я в душе зарекся вылезать с инициативами.

– Есть ли родственники, бабушки-дедушки, дяди-тети? – продолжал Тилле.

Оксана в замешательстве растянула локти по столу, уложила свою объемистую грудь на стол:

– Неа, никого нет. Бабуня умерла, а дедушка в дурдоме сидит. Рехнулся после смерти бабуни: стал всюду в ее шляпке и с ее сумкой ходить… Из дому убегать… Вот и посадили. Отец сам повез и сдал в дурдом.

– Когда?

– А вот в прошлом году.

– Как – в прошлом году? Вы же говорите, что ваши родители погибли в 95-м? – прищурился Тилле.

Оксана растерянно захлопала глазами. Я смотрел в стол. Она, глубоко вздохнув, убрала со стола грудь и начала плести:

– А… Э… Это… А это папа его раньше сдал, когда дедушка первый раз свихнулся и всех курей перерезал. Дедушка потом убежал из дурдома, а когда бабуня умерла, то он опять погнал и сам пошел в дурдом сдаваться…

– Это тебя надо в дурдом сдать! – проворчал я, переводя этот бред слово в слово.

Тилле сменил тему:

– Дальше. Чем занимались после школы? Работали?

– На бухгалтера училась, но потом не работала. Где работать, если бухгалтера со стажем голодают?.. Да, еще полгода в индейковедческой раболатории уборщицей отпахала…

– Где?

– Ну, у нас есть колледж битой птицы, при нем есть раболатория, где мясо индюшек под микроскопами смотрят… Мышца тазобедренного отруба…

– Лаборатория? Индейковедение? Отруб? Бред какой-то!

Но Тилле прервал нас:

– За рубежом бывали?

– В Турции и Чехии.

– Чем там занимались?

– Работала, – неуверенно сказала она и тише добавила: – На полях.

Тилле, посмотрев на ее холеные руки, поморщился:

– Руки что-то не очень для сельских работ…

– Давно было. Зажили, – она спрятала ладони между колен.

Тилле опять углубился в паспорт и спросил в конце концов:

– У вас виза была в Чехию на три месяца, а вы уехали оттуда через три недели. Почему?

– Начальник домогался… Сексуально, – ответила Оксана, уводя глаза в сторону.

– Просили там убежище?

– Там?.. А чего там просить?.. Там жизнь не особо лучше, чем у нас.

Тилле закончил осмотр паспорта, переложил бумаги по столу, перешел к другой теме:

– Как попали в Германию? Когда?

Оксана рассказала, что на поезде поехала в Москву, работу искать, жила там у подружки, один раз в Ленинград смотались: «В этом, как его… соборе Исаака… ну, где маятник болтается, была…» – там случайно познакомилась с одним немцем, он тоже из Москвы на день на экскурсию приехал, по-русски немного балакал; вместе на «Красной стреле» в Москву вернулись, в купе выпили, она ему всю свою жизнь рассказала, он и посоветовал: «Езжай, мол, в Германию, там тебе помогут!» – и помог.

Эта информация очень заинтересовала Тилле. Он выключил диктофон и спросил, знает ли она адрес, телефон и имя этого благодетеля и чего тот требовал за свою помощь.

– Переспать, наверно, что еще? – вполголоса предположил я, не дожидаясь ответа, но Тилле настойчиво повторил:

– Нет, нет, спросите. Может быть, он ее для проституции выписал. Такие случаи очень часты. И за такие вещи его посадить надо. Торговля людьми!

Но Оксана ответила, что немец Гюнтер, телефон и адрес неизвестны, ничего от нее не требовал, после поезда позвонил и пригласил в ресторан, был очень вежлив, танцевал с ней вальс, на другой день взял паспорт, зашел в посольство и сделал визу на Германию, ничего за это не требуя… ну, почти ничего…

– Почти?.. Как это понять?..

Она потупилась, покраснела:

– Ну… Даже стыдно сказать…

– Говорите, тут, как у врача.

– Попросил, чтобы я ему разрешила свои ноги полизать… И еще что-то… Глупости, в общем. Он был очень хороший, добрый… Старичок уже, лет сорока… Даже билет на автобус купил и денег на дорогу дал. На этом автобусе и приехала сюда.

Тилле усмехнулся, тихо сказал мне:

– Ничего, мы этого Гюнтера найдем, он и будет ее возвращение домой и все издержки оплачивать. – Потом включил диктофон: – Расскажите подробнее, через какие страны вы ехали.

– Да я и не знаю точно. Всюду не по-нашему написано. Через Польшу, наверно. До Франкфурта. А потом вот сюда, к подруге, она у нас в Харькове во дворе жила. У нее сейчас квартирую.

– А чем вы вообще обосновываете свою просьбу об убежище? – с некоторым раздражением спросил Тилле.

Я перевел и добавил, видя, что она опять впадает в коматозное состояние:

– Важный вопрос. Соберись.

Она встряхнулась и запричитала:

– Жизнь заела. Там жизни нету совсем. Там я с голоду умру или в колодец брошусь. Лучше сразу в петлю или под поезд. Там жить страшно, защиты нет никакой. И жить мне негде.

– Позвольте, как это «негде»?.. Вы сказали, что жили в Харькове с родителями, но они в 95-м умерли. Значит, у вас осталась квартира? Почему вы в ней не можете жить?

– Там же родичи, – удивилась Оксана.

– Они же умерли! – окрысился я, подумав: «Вот оно, пошло-поехало!.. Ложь сама себя клонирует!»

– Ах да, умерли… – Она почесала в затылке. – А… А квартира в таком состоянии, что там жить нельзя. На ремонт денег нет. Все протекло. А по стенам – здоровущие трещины, опасно для жизни. Из трещин тараканы таращатся. Это правда! В последнее время я даже у соседа жила.

Теперь пошли выяснения, что за сосед и сколько она жила. Оксана говорила то одно, то другое, путалась в датах, цифрах, адресах и в конце концов разревелась, сквозь слезы повторяя, что если назад – то лучше уж сразу в колодец или под поезд.

– Да хватит с этим поездом! Анна Каренина нашлась! Тут это не проходит, говори что-нибудь конкретное! – одернул я ее.

– Более веских причин нет? – подавая ей воду, настойчивее спросил Тилле.

Но она, всхлипывая, все вспоминала про колодец, рельсы и петлю. Потом прибавила:

– И голод! Голодала сильно! Вот!

– По ней не очень скажешь, – скептически покачал головой Тилле.

– Он сомневается, что ты так уж страшно голодала, – перевел я и добавил злорадно: – По фигурке действительно не скажешь.

– Это я с пшена опухла, – парировала она, кокетливо утираясь платочком и глядя на меня влажными глазами.

«А может, с икры и осетрины,» – хотел сказать я, но промолчал. Между тем Тилле наговорил несколько заключительных фраз и окончил интервью:

– Подождите внизу, – и тише добавил: – Случай простой. Надо уложиться в срок визы. Если сама уедет до истечения визы, у нее не будет проблем на границе. Нет денег на билет – найдем через посольство этого Гюнтера, он обязан оплатить.

Пока мы спускались, она канючила:

– Что, плохо, да?.. Плохо?..

– Да чего уж хорошего. С этим дедушкой-психом, подругой, родителями!.. Зачем живых людей хоронить?.. Видишь, чем обернулось?.. В глупое положение и себя и меня поставила!

– Ну, не сердись, миленький, – виновато сказала она и тронула меня за рукав, и от этих простых слов что-то сжалось внутри, я сразу забыл все неувязки, но одернул себя и солидно объяснил:

– Вместо того, чтобы про топор и колодец плести, надо было что-нибудь конкретное рассказывать. За что им уцепиться в твоем рассказе?.. Где тут политика?..

Внизу, в комнате переводчиков, у окна стоял высокий, хорошо одетый (в бабочке и вельветовом костюме-тройке) сухощавый негр с бородкой и пил чай из стаканчика. Открытый термос дымился на столе.

– Суза, переводчик с суахили и многих других языков, – представился он по-немецки.

Я пожал ему руку и пошел на балкон курить. Оксана – следом, попросила сигарету.

– А вообще как думаешь, дадут? – закуривая и ежась на холодке, опять с надеждой спросила она, заглядывая мне в глаза.

– Не знаю. Мало нужного рассказала. В колодец, под поезд, в петлю!.. Это не аргументы. Пол-Союза под поезд не прочь. Ничего хорошего. Одни глупости. Плохо дело. «Кушать нечего». Это экономическое беженство, а тут другая контора, – заговорил во мне комендант лагеря, который знает, что жертву сперва надо испугать, а потом уж брать голыми руками.

Она замерла с дымящейся сигаретой в губах.

– Это все Валька, подругин муж, неправильно научил: иди, говорит, и скажи, что жить негде и кушать нечего, они и дадут. Вот он жлобяра в натуре! А я, дура, уши развесила!

– А что твоя подруга говорила?.. Что ты, мол, украинского языка не знаешь, вот тебя и терроризируют…

– А меня, между прочим, правда какие-то уроды-хохлы на базаре избили один раз, когда я не смогла им по-украински ответить!.. Правда-правда!.. Убить грозились: «Вначале всем взводом тебя, кацапка, отдерем, а потом на осине, как Олега Кошевого, повесим!..» – сообщила она, стряхивая пепел с балкона.

– А почему не рассказала?

– Паравилна!.. Учи!.. Учи!.. – вдруг раздалось из комнаты.

Мы оторопело посмотрели друг на друга. Я в замешательстве заглянул в комнату – это негр лыбился во весь свой белый рот, с ужимками жестикулируя и повторяя, то ли шутя, то ли серьезно:

– Твой зачема девучка учаши?

– Ты понимаешь по-русски? – спросил я, а в голове мелькнуло: «Вот оно! Этого еще не хватало! Сейчас донесет!..»

– Суза пять лет Руссия жити, Ростов-дедушка, Одесс-бабушка быти.

Оксана с изумлением смотрела на него.

– О, харашо девучка! Помогай нада. Паравилна, политик, политик нада! Суза знати.

– Она уже дала интервью, поздно теперь думать, – сказал я, намекая, что моя учеба уже не имеет значения.

– Нича, адваката можно потома сказати, девучка на интервуй валнавай, а патом вспаминай… – невозмутимо ответил Суза и вытащил из портфеля два пластиковых стаканчика: – Чая?.. Откуд девучка?..

– Из Харькова.

– Как ими?.. О, Оксана, Натьяша, Ленучка, рули сюда, вали туда! – развеселился Суза. – Ранша вся Натьяша и Ленучка мой быти!.. Иди, разгавора буди. Нада, нада!.. Давай-вставай! Сувай-давай! – углубился он в забытые сладкие слова, а у меня отлегло от сердца, хотя я и подумал, что, видно, в этом здании уши есть даже у балконов.

Тут появилась подруга. Оксана плаксиво ей пожаловалась, что противный Валька все неправильно насоветовал, но подруга хладнокровно махнула рукой:

– Ладно, попытка – не пытка. Тут не выйдет, по-другому попробуем. Вот, есть же Холгер, за пять тысяч фиктивно расписаться может с тобой. А деньги ему потом отработаешь… – Она тут же сообщила, что Холгер – это бывший казахстанский немец Олег, Олежка-героинист, за деньги готовый жениться фиктивно хоть на собственной матери. – Ладно, пошли, я опаздываю на работу.

– Надо еще протокол прочитать и подписать, – напомнил я.

– Да? Тогда я пошла, а Вальку за тобой пришлю, у нас две машины есть, о’кей?..

Она деловито застучала каблучками по тихому коридору. Суза передразнил ее движения:

– Бизнес-вумен! Ое, ое, ое!..

И принялся рассказывать о своей счастливой жизни в «Руссии», куда его, продав полплемени в рабство и снабдив деньгами, послал папа-вождь из Экваториальной Африки. В общаге каждый день шли кутежи с музыкой, «пянка и бладка», а он, Суза, был всеми любим и всем нужен, потому что папа-вождь, продав еще раньше другие полплемени, обучал его с детства языкам, а русские братья и сестры никаких языков, кроме «иоб-твоя-мати», не знали; и Суза помогал им готовиться к экзаменам и писать курсовые работы («девучка, адин работ – адин крават, ибиомат»). Кроме того, он был помощником коменданта общежития и имел всех девочек, которых хотел, а хотел он всех, даже кривых, косых и косолапых.

– Ишо, ишо, Суза!.. Давай-ебай! Давай-давай!.. Ишо-ишо!.. – кривлялся он, изображая экстаз этих девушек, и кричал так громко, что в комнату заглянула фрау Грюн:

– Тише, Суза, не пугай людей!

Суза подскочил к ней и заплясал, целуя ей руки, выделывая па и громко напевая:

– *Negerkuss, Negerkuss, was ist süßer?*[9]

Мы захлопали в такт, и во время общего веселья зазвонил телефон – протокол был готов. И пока мы шли по коридору, вслед нам неслись топот и вскрики суахильца:

– Рули суда, подльюка-сука, сидим-говорим, чай пити, колбасилы кушати!

Тилле по телефону обсуждал план поездки на какую-то ярмарку, где перед закрытием можно будет купить товары со скидкой. Он указал нам на отдельный столик под картами:

– Садитесь там, кабинет большой, друг другу мешать не будем, переводите… Вот протокол.

За маленьким столиком наши колени сразу и неизбежно соприкоснулись да так и остались. Она ногу не отодвигала, комендант лагеря тоже прижал свою ногу плотнее. Смыкались косточки колен, сливалась плоть. Тепло тел перемешивалось, мешалось, месилось, мешало думать…

С Оксаны сон как рукой сняло, она смотрела на меня очень внимательно, шевеля ноздрями и часто откидывая волосы с висков и ушей. Этот жест меня всегда злил: если волосы падают, то их надо уложить или закрепить, а не зачесываться поминутно по-обезьяньи, руки, уши и шею лишний раз показывать и глаза мозолить: смотрите, дурачки.

Уже наученный работать не спеша (дела идут, контора пишет), я начал торжественно читать протокол по-немецки, а потом так же обстоятельно переводить на русский:

– Вопрос номер один, двоеточие, большая буква, назовите ваше имя и фамилию, точка, абзац. Ответ номер один, двоеточие, меня зовут Оксана, запятая, фамилия моя Денисенко, точка, абзац… А как тебя правда зовут?.. – прервал я свое оракулье чтение.

– Ты чего, это же мой настоящий паспорт!..

– Ладно, просто спросил. Прошлый раз парень весь день говорил, что его зовут Потап, а в самом конце оказался совсем другой, Юрий… Вопрос номер два, двоеточие, назовите число, запятая, месяц и год вашего рождения, точка, абзац. Ответ номер два, двоеточие, я родилась двадцать пятого февраля тысяча девятьсот семьдесят восьмого года, точка, абзац… Рыба?..

– Рыба… Миленький, слышь, помоги… Раба буду пожизненно… А?.. – И она очень определенно посмотрела мне в глаза, всей тяжестью налегла на ногу и даже попыталась опустить под стол руку: – Давай, миленький, зайчик, помоги.

[9] Поцелуй негра, поцелуй негра, что может быть слаще? *(нем.)*

И она так надавила бедром на мою ногу, что столик заскрипел и сдвинулся с места. Тилле, не прерывая разговора, подозрительно посмотрел в нашу сторону. Я заерзал на стуле, якобы устраиваясь удобнее, она сообразила отпрянуть – наши колени разомкнулись, тепло исчезло, повеяло могильным холодом.

– Он смотрит, сиди прилично, – прошептал я среди чтения.

– Да, миленький…

Наконец Тилле закончил разговор и начал перебирать бумаги. Заметив, что я несколько раз посмотрел в его сторону, он спросил:

– Есть проблемы?

Прикинувшись дурачком, я сказал:

– Шнайдер говорил мне, что все факты надо охватить. Просто я подумал, может, это важно…

– Что?

– Пока мы ждали внизу, она рассказала мне, что в Харькове на базаре, где она торговала, ее терроризировали украинские нацисты за то, что она не знает украинского языка, не может отвечать на их вопросы. Палатку переворачивали, товар отнимали, портили, били, даже чуть ли не изнасиловали…

Тилле покачал головой:

– Это все равно не меняет дела. В таких случаях следует обращаться в местную полицию, а не в Германию.

– Да там, наверно, и полиция такая же? – наивно предположил я.

Тилле развел руками:

– Вполне может быть. Но у нас другие функции. Мы не можем принимать всех, кого бьют на базарах. Базаров на свете много. И половина конфликтов – из-за языка. Обломки Вавилонской башни, так сказать… Кстати, помните нашего знакомого, который всю Италию пешком прошел?

– Да, Лунгарь. А что, сбежал?..

– Куда ему бежать?.. Нет, просто это никакой не Лунгарь, а некто Сергей Выхристюк. Определили по отпечаткам пальцев. Уже один раз пытался сдаться в азюль в прошлом году.

– Преступник?

– Кто его знает? Год назад этот Выхристюк, получив отказ, исчез, а теперь вот опять объявился, заново пробует.

– Раз он был тут в прошлом году, значит, весь его рассказ – ложь? – подсчитал я.

– Конечно. Как он мог быть одновременно и тут и там?..

– А я, знаете, поверил ему. Он так складно рассказывал, в таких подробностях, – признался я.

Тилле усмехнулся:

– Я тоже… Я попросил переслать мне дело, посмотрим, какие небылицы он в прошлом году плел… Уже закончили с протоколом?.. Не буду вам мешать.

И он вышел в коридор, а я сообщил Оксане о своей безуспешной попытке и о совете Тилле обращаться в местную полицию. Она неопределенно отозвалась:

– Да ну!.. Лучше с урками спать, чем с полицаями на сексоповал идти… Живой не выпустят… Спасибо тебе, солнышко, за все! – И ее колено опять уперлось в мою ногу, горячо приросло к ней, и я решил, что для коменданта лагеря настало время действовать:

– А там, где ты живешь, есть телефон?.. Дай на всякий случай, может, адвокат тебе понадобится или еще что…

– Ага, ага, очень понадобится, – закивала она и, оторвав прямо от протокола малюсенький лоскуток, стала на нем царапать цифры.

В этот момент внезапно вошел Тилле, мы невольно обернулись на его шаги и, как нашкодившие школьники, уставились на него, а он – на нас. Он явно видел бумажку с цифрами, и я был вынужден пояснить:

– Вот, телефон свой даю, она хочет потом к адвокату обратиться, а у меня есть знакомый, который специализируется по таким делам…

Тилле скептически посмотрел на меня:

– Не советую с этим связываться. Никакой адвокат ей не поможет, а деньги с нее будет тянуть исправно. А еще, чего доброго, и с вас, если ваше протеже исчезнет, с ним не расплатившись.

– Но я вовсе не собираюсь ей протежировать, просто дал телефон, – накрыл я протоколом бумажку, в который уж раз ругая себя за мальчишество: не мог подождать с этими глупостями до коридора? Нет, надо было прямо на глазах у Тилле телефонами обмениваться!.. Есть дурачки умные, а ты, видно, из самых глупых…

Я взглянул на часы и уже по-быстрому, без точек и абзацев, доперевел остаток текста. Тилле пошел вместе с нами вниз улаживать какую-то проблему. В коридоре маячил парень в кожаной куртке – муж подруги, приехавший за Оксаной. Заглянув в комнату переводчиков, я увидел, что там сидит Суза и пьет чай; напротив на стуле пристроилась тоненькая молодая негритяночка, а из-под стола выглядывает светло-кофейный негритенок, сосущий шариковую ручку с того конца, которым пишут.

– Вота протоколу ждёмы. С немец жилась тут, а сразу он ей бросал с дитёном… – радостно сообщил мне Суза.

– Политическое дело, надо разобрать в бундестаге, – буркнул я.

– Канецна, политик!.. – заулыбался он и перешел на свои русские воспоминания: – Ленучка, Натьяша, вали-рули сюда, ой-ей, юхнеми, зачема не нада, нада-нада!..

Когда я выглянул в коридор, там уже никого не было. Бирбаух громко вызывал по телефону для кого-то такси. Оказалось, для коллеги Хонг. Попросив подвезти к вокзалу, я подсел в машину и под небесное щебетание вьетнамки думал о том, что после сегодняшних ошибок меня вряд ли пригласят опять. И поделом. «Да какие там ошибки? – говорил другой, упорный голос. – Ты только пробовал помочь человеку, разве это ошибка? Все равно это как мертвому припарки!»

На перроне, шаря по карманам в поисках зажигалки, я обнаружил крохотный лоскуток с ее номером. Успела сунуть! И я перепрятал лоскуток в бумажник. Вдруг ей и правда понадобится адвокат? В конце концов, «всем помогать» – это самая святая заповедь не только толмача, но и человека. Как с этим быть?..

Однако выводы делать надо. А какие? А простые – держать язык за зубами, переводить, что слышишь, – и все, свободен, а со своими советами никуда не лезть и молчать, пока не спросят. Ведь толмач – это только говорящий язык без мозга и головы, хоть и с тиннитусом.

Инспекторши из Азии

Дорогой друг, чем дальше в чащу – тем гуще страх: то лежу, как баклажан в овощехранилище (тепло, темно, уютно, спокойно, никто на куски не режет и в кипящее масло не кидает – чего еще надо), а то глаз сомкнуть не могу, чего-то все ворочаюсь. Вот вчера ночью доворочался: встал в туалет – и вдруг поясница раскололась надвое, натрое, на осколки разлетелась, да так, что упасть пришлось!.. Что за напасть?! Два дня с лежанки вставать не мог, столько на одном боку лежал, что левую часть головы отлежал: глаз слезится, в ухе какие-то новые звуки появились, ноздрю прижало к перепонке, из-за чего дышать только ртом могу, отчего губы обветрены и носоглотка сохнет.

Пришлось к Поясничнику плестись, на кусок бамбука опираясь.

Этот доктор-травматург на кушетку уложил, стал щупать, говоря, между прочим, что у людей с позвоночником проблемы потому, что у человека скелет рассчитан на четырехлапое хождение, а он взял да раньше времени на две ноги поднялся – вот и результат! Человеку среди прямоходящих делать нечего! Его место – в другом подвиде. Конечно, когда обезьяна сообразила встать на задние лапы, а передние высвободить для всяких глупостей и мерзостей, то это был поступок, веха, этап. Но встав, она (или бог с природой) не позаботилась о том, чтобы таз и крестец укрепить, поэтому две бедные задние лапы так и остались в тени, в виде немых слуг, обреченных тупо ходить по грязи, непомерные тяжести носить и гудеть от перегрузок.

«Да и мозг человека желает куда лучшего, – добавил Поясничник, ноги мои туда-сюда двигая (чтобы межпозвоночную грыжу исключить и гангрену опередить). – Пока что у человека активно работают только ящерные участки мозга, отвечающие за разбой, грабеж и агрессию, а следующие слои еще как следует не отформатированы. Да и что вы хотите?.. На вырост лап у рыб миллионы лет понадобилось. А первые люди у своих костровищ и пещер только сорок тысяч лет назад копошиться начали. Нам еще расти и расти, так что ничем вам, дорогой мой пациент, помочь не могу, все претензии – к богу, пусть он вам поможет, если он есть, конечно. А если его нет, то от тупой, злой и бескрылой природы помощи ожидать не советую, она только процессами спаривания, еды и испражнений занята, не до вашего скелета ей сейчас».

Потом начал человеконенавистнические речи о том, что принцип природы прост, как ньютоново яблоко: выживет хомо сапиенс как звено эволюции – хорошо, не выживет – еще лучше, без него жизнь на земле гуще расцветет и в свой ритм войдет, флора и фауна, оклемавшись, благоденствовать будут без нашего, крайне беспокойного и злого, подвида обезьяньих приматов, которые день и ночь атмосферу загаживают, леса рубят, реки травят и мусор тоннами в океан спускают. Да если бы только мусор в океан!.. На небе кометам с астероидами летать скоро места не будет – всё спутниками занято! На Марс и Венеру зарятся, как будто на Земле дела все переделаны и можно по гостям ходить. А дома – дел невпроворот: надо одни города разрушать, а другие – бомбить, старых идолов разбивать, а новых на их место водружать…

Пока я штаны натягивал и с кушетки на кресло перебирался, успел услышать от Поясничника богословский тезис о том, зачем, мол, вообще бог создал разные религии – ведь и одной какой-нибудь хватило бы за глаза людям мозги пудрить и в узде держать?! Зачем разных божков на небо насаживать и насаждать?.. Чтоб во славу их людей истреблять и садизм культивировать?.. Или это просто от нечего делать: развлечение, боговы кубики-рубики, аллахи-маллахи, баалы-ваалы, астарты на старте, а на земле от всей этой галиматьи уже какой век кровавая пена пузырится?..

Я молчал, не возражал, ждал, чтобы он рецепт на таблетки от боли выписал. А он разошелся и совсем уже богохульственные беседы завел: вот ему, как специалисту по позвоночным, не совсем ясно, а вернее, совсем не ясно, как вообще понимать тезис о том, что бог создал Адама?.. А остальных кто создал – тоже бог или уже сам Адам, по своей инициативе?.. Или надо понимать так, что бог создает каждый раз нового человека по образу и подобию своему? Если так, то он должен трудиться не покладая рук – ведь в мире каждый день рождается 365 тысяч детей… Иными словами: человек – это штамповка или ручная штучная работа? Стандарт или феномен?

Нет, решили мы сообща, бог создал только Адама, а остальные люди создались сами, уже без божьей помощи, а с помощью пениса и вагины, потому и бардак царит, и больничные кассы за боль в пояснице не платят, хотя, конечно, на всех страховок не напасешься, люди же совсем свихнулись: одни на крокодилов охотятся, другие, слепые, ощупью на скалы лезут, третьи из космического корабля на парашюте прыгать хотят, четвертые с гор на лыжах мчатся, пятые в подводные пещеры намыливаются… Сошлись на том, что «Sport ist Mord»[10], а лучшего места на свете, чем удобный диван, еще и не придумано.

Напоследок врач-палач успел еще систему питания покритиковать: зачем надо было создавать хищников и травоядных?.. Зачем чья-то смерть должна лежать в основе чьей-то жизни?.. Чем эта курица провинилась перед нами, что ей надо было родиться, сидеть в клетке, а потом быть зарезанной для того, чтобы мы два раза рыгнули после обеда, а назавтра выпустили бы божью душу в унитаз?.. И не противоречит ли себе бог, создавая курицу для унитаза, а человека – для могилы и червей?.. Притом волк бегает, чтобы жрать, а заяц – чтобы выжить. Антилопа целый день траву щиплет, в себе, в своем мясе, энергию концентрируя, а лев дрыхнет в тени, но раз в три дня жрет пол-антилопы и тем самым ею с таким трудом собранную энергию захватывает и в себя всаживает – и опять спать… Право сильного еще никто не отменял. Немецкие дотошники-ученые доказали, дерьмо разных зверей проанализировав, что процент усвояемости пищи у царя зверей – самый высокий и выгодный… Впрочем, на то он и царь.

Ушел я от Травматурга с болью в крестце, но с просветленной головой. Он меня всегда на высокое настраивает. А с высоким даже низкое как-то меньше беспокоит. Это я уже знаю: как боли в спине – так о Вселенной думать надо; тиннитус донимает – о начале времен: что было до времени и что после него будет; палец порезал – тут же мысли в сторону Большого взрыва уводи – в какой точке это случилось, и где эта точка висела, из чего состояла и кто ее вообще поставил. Это, наверно, идиототерапия называется, при которой ты сам себе и идиот, и терапевт.

Плетусь по улице и думаю, сколько психов вокруг, кому идиототерапия и дебилография не помешали бы. Совсем недавно сосед-Монстрадамус возмущался: демократия в Германии до того докатилась, что психически больным разрешено телефоном и Интернетом пользоваться, как один его знакомый ресторанщик Шульц из Мюнхена, который попал в дурдом с диагнозом «маниакально-депрессивный психоз», а через три месяца сидеть ему стало скучно, и он удумал устроить «бразильский вечер», да не где-нибудь, а в отеле «Маритим» в Мюнхене, благо его пригородный ресторан был хорошо известен (но никто не знал, что он попал в психушку, – врачебная тайна). Он позвонил в «Маритим», управляющему, которого знал лично, все обговорил, заказал стол на 100 персон, самбу, румбу, тумбы с бабами в павлиньих опахалах, факелы, декор из страусовых перьев, пирожные, коктейли, все подтвердил в электронном письме. Часто звонил, обсуждал подробности, что-то добавлял, что-то корректировал (типа какого цвета скатерти желательны, в чем заключен секрет расста-

[10] Спорт – это убийство *(нем.)*.

новки салфеток, куда розы, а куда – тюльпаны, у кого можно одолжить чучело пумы и где заказывать самых пухленьких танцовщиц).

Потом разослал по Интернету пригласительные билеты своим знакомым (также ничего не подозревавшим), вплоть до Австрии и Голландии. Честь честью был указан план Мюнхена с отелем, и просьбы сообщить, сколько персон приедет, встречать ли в аэропорту, авиабилеты сдавать ему, он тут же оплатит наличными…

Почему «бразильский вечер» выполз из больной головы?.. А потому, что Бразилия играла большую роль в его психозе: год назад именно в Рио-де-Жанейро, от обилия живого голого мяса, с ним случился первый приступ – он стал бросаться на женщин, и его, избив, в смирительной рубашке услали в Мюнхен, а из аэропорта отвезли прямо в клинику, но там подержали и выпустили, списав весь психоз на жару и длительное воздержание. Но болезнь тлела. И когда он принялся украшать фасад своего дома гигантскими порнофото, его забрали во второй раз, после чего он и решил, что пора самому браться за дело и устраивать праздник души и тела.

Бразильский вечер лопнул только в день банкета: гости не могли понять, где главное лицо, почему их не встречают лимузины и кому сдавать билеты. Управляющий был в смятении. За все, в итоге, расплатилась медицинская страховка, так как психбольной за свои действия не ответчик. Ну и кто виноват? Демократия, как всегда.

…Так лежал я пару дней в дыре, и какая-то странная напасть меня одолела – мурашки. Да не в ноге, а на полу: вдруг стал замечать, что под одеждой, сброшенной на ночь на пол, мелкие и шустрые, как живые чаинки, мурашки появляться начали. Нигде по комнате нет – а там вдруг возникают. Что за черт? Откуда? Я все углы дезодором попшикал – безрезультатно. И откуда приходят – непонятно. Я одежду на себя напяливаю, а их, грешен, бью и давлю. А что делать?.. Смотреть на них? Так размножатся, чуму какую-нибудь муравьиную занесут, ее не хватало… Были бы мыши – мышей бы убивал…

И глупые эти мураши – сами под ноги ползут и лезут, как люди к своим богам. А бог их раз – и в каталажку, или в кипяток, или вообще на тот свет, откуда ответа нет… Интересно, знает ли эта мурашка, что сейчас на свою смерть в мою тапку тычется, что живет она на планете Земля, которая вместе с Солнцем, в числе прочих миллиардов звезд, мчится в лихорадочной гонке по спирали галактического диска, в огромной тьме и вечной пустоте, со скоростью 220 километров в секунду?.. Вряд ли, а то от страха умерла бы, как я чуть не умер, когда от соседа-Монстрадамуса эти вычисления услышал и представил их, на минуточку…

Но не дали отлежаться – звонок из лагеря был: «Выручайте, переводить надо! В данных у беженки местом рождения “Узбекистан” написан, мы вызвали тюрколога, а она, оказывается, русская. Так что работа ждет!» – «Ходить не могу, люмбаго!» – «На такси приезжайте, мы оплатим».

Что делать? Пришлось палку у Монстрадамуса одолжить и кое-как потащиться, причем зловредный старик, узнав, что еду русским переводить, шепнул мне, что русские – загадочный и мистический народ, неизвестно, чего от них ожидать можно, и не исключено, что они потопчутся, потопчутся – и назад, обратно в свой социализм попросятся. И Бисмарка вспомнил, говорившего, что никогда не верьте русским, ибо русские не верят даже самим себе, и никогда ничего не замышляйте против России, ибо на любую вашу хитрость она ответит своей непредсказуемой глупостью.

Времени отлаиваться у меня не было, а про социализм показалось нереальным, но напугало: ведь если социализм – то граница на замке, как народу бежать?.. И нам, толмачам, что делать – зубы на полку?.. Дважды один и тот же кусок хлеба не прожуешь – все время новый в рот вставлять надо… Но делать нечего – надо идти. Беру свои полкубометра воздуха и иду.

Приехал раньше времени – у Бирбауха еще первая бутылка пива непочатой стояла, а сам он деловито возился под столом, что-то в мешки из картонного ящика перекладывая. Увидев меня, почему-то смутился и поспешил прикрыть ящик.

– Что, героин из Карачи подвезли? – вежливо спросил я.

– Да какое там… Если бы… – распрямился он, еще розовый от наклона. – Корм для кошек… Сосед мой на этой фабрике работает, иногда подкидывает по дешевке – для своих у них там скидка. У него самого – ни собак, ни кошек, кроме параличной тети. А у моего деверя – целых три кошки, он всегда берет по полцены… Да чего только за деньги не сделаешь!.. Они родства не знают…

Тут в дверном проеме замаячила фигура в пальто песочного цвета.

– А, господин Хуссейн пожаловал! – приветливо нажал Бирбаух на кнопку. – Пожальте!.. Ваших много сегодня!.. Уже сидят, плов кушают!

Мы поздоровались с Хуссейном. Он взял свой обходной, заглянул в приемную и что-то грозно сказал притихшей семье. Мать в чадре, кормившая курчавого ребенка, застыла на месте, спрятала коробку. Отец шикнул на других детей, курочивших под стульями многострадальные игрушечные вагончики.

В комнате переводчиков – пусто и темно. Мы включили свет и сели за столы. Хуссейн достал из внутреннего кармана термос.

– Зима. Работы мало, – сказал он, поглаживая багровый и мясистый нос. – Холодно им сейчас бежать, по домам сидят, чай пьют.

– Ну, вам-то жаловаться грех, – ответил я. – Если у вас работы мало – то что мне говорить?.. В Чечне притихло, в Карабахе больше не стреляют, в Белоруссии спячка…

– Ничего, не унывай, что-нибудь случится. На Индостане тоже тихо было – а сейчас?.. Афганистан день и ночь по ТВ показывают! – уверенно обнадежил он меня, наливая зеленый чай в пластиковые стаканчики. – Одного знакомого переводчика посылают в Кабул с делегацией. Хорошо заработает. Интересно из 21-го века попасть в Средневековье!..

– Правда, что по мусульманскому календарю сейчас идет 1375-й? – вспомнил я.

– 1380-й, от дня рождения пророка, – уточнил Хуссейн. – Говорят, что там скоро наступит демократия и у каждого афганца будет личная зубная щетка, которую не надо делить с соседями! – невесело пошутил он.

Потом мы, взяв стаканчики, смотрели в окно, где вдруг завихрились ошалелые снежинки. Хуссейн грустно качал головой:

– Надоело все… Устал… Давление мучит… Климат плохой… Люди другие…

– Каждый день работаешь, вот и устал, – с хорошей завистью заметил я, отходя от окна.

– А что толку?.. – почесал он лысину. – Денег все равно нет.

– Деньги – понятие растяжимое. Как умирающий и воскресающий Осирис. Их никогда нет, но они всегда появляются! – махнул я рукой.

В дверь неслышно вошла фрау Грюн в джинсах и бесшумных тапочках.

– Доброе утро! Самые исполнительные уже тут! – сказала она, крепко тряхнув нам руки и бросая на стол папки. – Это для вас, Хуссейн. А ваши дела пока не готовы – кое-что уточняется.

– Дела? – переспросил я. – Что, много людей?

– Мать и дочь. Надо перезвонить, узнать кое-что. Ну вы же понимаете – понедельник, никого еще на рабочих местах нет. – Фрау Грюн ловко присела боком на стол, сплющив свою крепенькую спортивную ягодицу. – Вообще у нас в Германии люди работают только в четверг…

– Почему в четверг?

– А судите сами: в понедельник они еще приходят в себя после выходных, во вторник – собираются приступать к работе, в среду – приступают, в четверг – работают, в пятницу

отходят от рабочей недели, а в субботу и воскресенье – отдыхают! А в понедельник – всё сначала.

– Хорошо, что еще хоть в четверг работают. У нас в Ираке вообще никто не работает, – заметил Хуссейн. – Всё стоит, производства заброшены. Союз раньше много помогал, а сейчас нет Союза, некому помочь… А во всём проклятый Буш-отец виноват!.. Он же преступник, его под трибунал надо! – рубанул он рукой по воздуху.

– Почему? – удивилась фрау Грюн. – При чем тут Буш-отец?

– А кто в 91-м по приказу своего сообщника, Саудовской Аравии, и с помощью продажной Турции Ирак разбомбил?

– Да, все мы под американцами ходим, – вздохнула фрау Грюн. – Кстати, сейчас по радио сказали, что опять какой-то палестинец себя на бомбе взорвал. Не могу этих людей понять. Идею свою уважают, а себя – нет.

– Бомбы есть – ума не надо, – отозвался Хуссейн, вспомнив старую шутку о разнице между демократией и тиранией: в демократии – много голосов и одно оружие, а в тирании – один голос, но много оружия.

– Хорошо сказано. Ну, пойду посмотрю, как дела. – Фрау Грюн ловко соскочила со стола. – А вы, Хуссейн, идите, разберитесь там с вашими, узнайте, на сорани или корманчи они говорят, чтоб потом не было недоразумений.

И она бесшумно исчезла. Хуссейн тоже пошел, проклиная по дороге Турцию, семью Бушей и всех евреев мира. А я сел на подоконник, уставился в окно, стал ждать, вспомнил свой первый приезд в лагерь… Тоже был снег, запотевшие окна, белый пейзаж…

Да, с разными людьми столкнула тут судьба, свела на несколько жизненно важных часов, переплела кармы… В начале люди обычно напряжены и насторожены, в конце – спокойны и раскованны. Хорошо, когда начальное недоверие меняется на конечную благодарность. И плох тот толмач, с которым происходит наоборот. А впрочем, не все ли равно? Атомы встретились, столкнулись, разлетелись…

Пришла фрау Грюн с папкой и, передавая ее мне, сказала:

– Вот дело матери. А дочка попозже будет готова… Компьютер у секретарши что-то барахлит…

– Кто это у нас сегодня? – принимая папку, спросил я.

С фотографии на меня взглянуло лошадиное лицо с многострадальными глазами бывсовчела и большими грубыми скулами времен татарского ига:

фамилия: *Чичерина*
имя: *Варвара*
год рождения: *1946*
место рождения: *г. Маргилан, Узбекистан*
национальность: *русская*
язык/и: *русский*
вероисповедание: *атеистка*

В приемной Хуссейн грозными окриками наводил порядок, указывая, кому за кем идти. В другом углу, близко друг к другу, почти прижавшись, сидели две фигуры: большая, широкая, и малая, щуплая. Лиц против света не разобрать. Я подошел ближе.

– Варвара? Чичерина?

– Я самая! – встала большая женщина во весь свой высокий рост. Не только лицо лошадиное, но и фигура. Здоровая мосластая ломовая из страшного сна Раскольникова.

– А это дочь?

– Да, Аннушка. – Женщина широко пряданула головой. – Доченька.

Та тоже встала. Около мамы-лошади она смотрелась жеребенком с конским хвостиком и гнойными прыщиками на вытянутом лице. Ногти покрашены темно-зеленым лаком, отчего руки похожи на лапки с коготками.

– Так, дорогие мои. Я ваш переводчик. Вначале пойдет мама, потом дочь.

– Ясно, – кивнула Варвара, а Аннушка тихо зашипела:

– Я тут одна не останусь, мне страшно. – И она покосилась на Хуссейна, который что-то азартно объяснял папе-курду с висячими усами и глубокими морщинами на небритых щеках.

– Не бойся. Вон охрана сидит, тут тебя никто не тронет, – кивнул я на Бирбауха, занятого раскладкой почты. На его окне уже блестели две порожние бутылки из-под пива. («Ну и что, что всего 4,5 градуса?.. Градус к градусу – вот и набегает»). – Нет, я с вами пойду, – заныл жеребенок.

– Сколько ей? – удивился я.

– Да двадцать пять уже. Не маленькая. Ну чего ты, Аннушка, в самом деле? – погладила ее по голове мать. – Сиди тут, я скоро приду. Вон, журнал почитай… Кто тебя тронет тут?

Видя, что Хуссейн пока не собирается идти (он обсуждал теперь с папой какую-то справку, указывая, как на невольничьем рынке, на одного из детей), я пропустил Варвару в дверь. Она покорно зашагала впереди. При ходьбе ее сходство с лошадью стало сильнее – она не только топала ногами в подкованных сапогах, но и как-то странно и часто мотала головой, как бы отбиваясь от назойливых мыслей или мух. Круп двигался мерно и ходко.

– Такая застенчивая дочь? – спросил я.

– Поздний ребенок, я ее в тридцать родила, – обернулась она (я чуть не налетел на ее широкую спину). – Да и запугана очень…

– В тридцать? – усмехнулся я. – Тут в Германии в тридцать только о замужестве начинают подумывать!..

– Так то тут. А я в Узбекистане выросла. Там сами знаете, какие законы. Нашу семью в блокаду из Ленинграда в Узбекистан переселили, там и родилась. Назад уже не вернулись… Жили там тихо-мирно, пока вот вся эта переройка не пришла… Перерыли всё, перекопали… – Она подвигала большими скулами в угрюмой улыбке. – Пришлось в 90-м году в Кострому бежать…

– Почему именно в Кострому?

– Да муж мой беглый, алкаш проклятый, там жил…

Мы вошли в музгостиную. Фрау Грюн приветливым жестом попросила Варвару раздеться. Та скинула плащ. Была она широкотела, костиста, высока, одета в странный полумужской пиджак. Бурые, начавшие редеть волосы, вытянутое лицо. Перед аппаратом сидела строго и прямо, но дважды мигала именно в тот момент, когда фрау Грюн щелкала затвором.

– Ну и реакция! – Фрау Грюн попробовала в третий раз. Вышло.

Потом Варвара долго и тщательно мыла руки, сильно двигая лопатками и локтями, так что фрау Грюн даже одобрительно подмигнула мне – мол, какая тщательная, молодец. Наконец, мы принялись за уточнение данных.

– Имя, фамилия, год рождения – все верно… – бегло проглядела Варвара предварительные записи. – Да, место рождения – Узбекистан.

– А какой паспорт у вас?

– Российский, вот пожалуйста. – Она вынула из кармана плаща паспорт и положила на стол.

– Спрячьте в дело, – вполголоса сказала мне фрау Грюн и тут же добавила: – Хотя чего я вам говорю – вы и сами всё уже знаете.

– Да. И вы были моей крестной мамой, всему научили, все показали… – поддакнул я льстиво.

Чуть порозовев, она ответила:

– Учить особо нечему. Все и так ясно. Спросите, кстати, как это у нее российский паспорт, если она родилась в Узбекистане? – Она заглянула через мое плечо в анкету.

– Я как раз об этом спрашивал.

Варвара мотнула головой:

– Муж-алкаш помог, сделал. Он тогда еще не так пил, успели… И мне, и доченьке…

– Сам он из России? – уточнил я.

– Нет, он тоже из наших, из узбекских русских, как и я, – сказала она, сообщив дальше, что после рождения Аннушки муж начал ездить в Россию по делам, да так и застрял в Костроме, связался с какой-то шалавой, а потом, когда в Узбекистане погромы пошли, с турок-месхетинцев началось и на русских перекинулось, они к нему уехали, жили втроем на десяти метрах в коммуналке, пока у мужа крыша совсем не поехала: – Он вообще алкоголик третьей ступени…

– А это как? – заинтересовался я, бегло объяснив фрау Грюн, что беженка получила российский паспорт через мужа.

– Третья ступень – это когда уже глюки видят, белая горячка, белочка, – объяснила Варвара. – Первая ступень – когда каждый день пьют, она у него в Узбекистане началась. Вторая ступень – когда из дома выходить не могут – у него была, когда мы к нему приехали. А потом – третья… Хорошо, я сразу работу нашла. Я – бухгалтер высшей квалификации, меня знакомая в налоговую инспекцию под Костромой устроила.

– И документы есть?

– Конечно.

Она полезла во внутренний карман пиджака, но я остановил ее:

– Немцу покажете, мне не надо.

Мы стали писать дальше.

– Вера?.. Да какая у нас вера?.. С 17 лет в партии. Мой отец парторгом на заводе был, мать в школьном месткоме работала. И я все прошла: пионерию, комсомолию, компартию…

– И сейчас в членах?

– Нет, сейчас уже нет. Не до партии. Выжить бы. Партия нас бросила, предала. А этот алкаш проклятый нас вообще по миру пустил…

Тут в дверях появилась Аннушка.

– Мама, я там сидеть не хочу. Можно я тут побуду?

Я объяснил фрау Грюн, в чем дело. Та позволила Аннушке пока остаться.

– Так, давайте веру напишем православную, а то немцы юмора не поймут. И о своей партийности лучше помалкивать, тут диссиденты в почете, а не партийцы…

– Ясно. Пишите, что надо, вы лучше знаете… Как вообще думаете – это уважительная причина, чтобы нас приняли? – вдруг, нагнув упрямо голову, спросила она.

– Какая? – не понял я. – Что муж-алкаш из квартиры выгнал?

– Ну… А что?.. Нам-то жить негде…

– Это вообще не причина. Это бытовуха. Я думал, вы скажете: я, налоговый инспектор, открыла крупные махинации, меня преследует мафия, гонит полиция. Тогда да, понятно. А это что за причина? У половины мира мужья – пьяницы, а у другой половины жены – шлюхи… Нет, этого мало…

– А… – сглотнула Варвара. – А… Это конечно, гонят… Конечно… Понятно… Жить не дают…

Аннушка жадно слушала, стреляла глазами, шмыгала носом, теребила прыщи, как-то жалась и вздрагивала.

– Вам бы, как налоговому инспектору, в палатах золотых жить, а вы – честная, принципиальная, взяток не берете, вот и пострадали, – продолжал я, поглядывая на фрау Грюн, которая молча чистила станок.

– А… Ну да, ну да… – кивала Варвара, значительно посматривая на дочь (та зыркала ей в ответ). – Честная, конечно… Так и было все… Понятно…

Тут фрау Грюн сделала какое-то движение, и мне вдруг почудилось, что она не только внимательно вслушивается в мои слова, но и все понимает. «Лучше заткнись!» – сказал я себе и начал деловито складывать бумажки:

– Все проверено. Все правильно. Нам уже идти? К кому?

– К Шнайдеру. – И фрау Грюн махнула рукой, приглашая войти Хуссейна, за которым стояла широкая фигура небритого папы-курда, а дальше маячила вся семья – по росту.

Варвара взяла плащ и затопала из комнаты. Аннушка в замешательстве приподнялась со стула, завертела головой (белесые прыщи беспокойно заблестели, конский хвостик мотнулся на затылке).

– Пусть сидит, она мне не мешает, – разрешила фрау Грюн.

И Аннушка осталась наблюдать, как фрау Грюн радушными жестами приглашает главу семейства занять место перед аппаратом. Хуссейн подмигнул мне, когда я проходил мимо. Пока мы шли лестницей и коридорами, Варвара перекладывала плащ с руки на руку и бормотала:

– Это все ясно-понятно. Это конечно… А доченьке что говорить?..

– Откуда я знаю, милая? Откуда мне знать ваши дела?.. – отвечал я. – Только в любом случае пусть доченька говорит то же самое, что вы, слово в слово…

– Это как? – упрямо прядала она головой.

– Знаете, бывает, что мать говорит: «Я сто лет в лесах скрывалась, в берлоге жила, никого не видела!» – а дочь говорит: «Мамочка из комнаты не выходила, я ей каждый день туда еду носила и помойное ведро вытаскивала!» – туманно ответил я. – Она что у вас вообще делает? Учится? Работает?

– Работает. Тоже в налоговой инспекции. Когда она техникум кончила и диплом взяла, я ее сперва делопроизводителем к нам устроила, а потом в соседний городок в налоговую, она в Нерехти младшим инспектором была.

– Сколько там этих инспекций понатыкано? – удивился я. – В каждом городке – своя?.. Тогда понятно, почему до государства ничего не доходит!.. Ну вот, раз она тоже в инспекции работала, тогда, значит, и у нее большие проблемы из-за вас появились… Вам грозят – и ей угрожают. Вам говорят – ее убьем, а ей говорят – вас убьем! – заглянул я в ее измученные глаза бывсовчела, повидавшие всякое, многое, разное. – Правильно я вас понял?

– Правильно… Конечно… Как же по-другому-то?.. Именно так, – широко махала она головой, перебирая в уме какие-то детали.

Мы оказались возле открытой двери. Шнайдер разговаривал с кем-то по телефону, вежливым кивком указал на стулья. На столе у него горел новый, плоский и яркий, монитор. Варвара положила плащ, с храпом и вздохами уместила за столом свое нелепо большое тело, мельком огляделась. Шнайдер, закончив говорить, улыбчиво посмотрел на нее:

– Добрый день!

– Гутен таг! – ответила Варвара и, смутившись до румянца, пояснила, что еще в школе учила немецкий, но кроме «гутен таг», «хенде хох» и «гитлер капут», ничего не помнит, потому что немецкий язык им преподавал узбек-учитель, который предпочитал на уроках пить чай, угощать учеников насваем, считая, что после такой войны с фашистами немецкий язык долго никому не понадобится.

– Видите, как он ошибался! – заметил я на это.

Шнайдер спросил, что такое «насвай».

– А это зеленые шарики такие, вроде таблеток, узбеки их с утра до вечера сосут. Этот насвай вроде анаши… В Азии его все знают. За щекой как обезьяны держат, – пояснила Варвара..

– Так она из Азии? – удивился Шнайдер, просматривая дело.

– Она там родилась. А последние десять лет жила в России. Там и гражданство получила. В деле паспорт есть.

– Вижу, нашел… Это очень, очень хорошо… Кто она по специальности?.. Учительница?.. Врач?.. – оценивающе взглянул он на нее.

– Бухгалтер. В налоговой инспекции работала. Есть удостоверение.

– В России всякие удостоверения на любом базаре купить можно, – уклончиво сказал Шнайдер, внимательно рассматривая визы через лупу. – Еще две недели действительны… Отлично! Она с семьей?

– С дочерью.

– А где дело дочери? – перебрал он папки на столе.

– Еще не готово, пишут, компьютер у секретарши барахлит.

– Вы, я вижу, в курсе всех наших событий? – ласково посмотрел на меня Шнайдер. – А помните ваш первый рабочий день? Мы тогда с вами этого мнимого чеченца слушали… И вот, представьте, недавно от этого бандюги пришло забавное письмо… – Он порылся в бумагах, подал мне линованный листок бумаги. – Прочтите.

Это был короткий факс с грифом одного из спецприемников. Обращаясь к «господам», беженец писал, что он обманул их, зовут его не Жукаускас Витас, а совсем по-другому, и родился он не в Чечне, а в Литве, вот адрес и другие правильные данные, пусть поскорее сделают ему эрзац-паспорт и отправят домой, а то в тюрьме, без вины виноватым, устал сидеть.

– Почему вы должны ему делать документы и отправлять?

– У нас сдавался. Но вообще у нас все вверх ногами, нет даже единой картотеки отпечатков пальцев: у МВД – своя, у пограничников – своя, у ведомства по иностранцам – третья, у нас по беженцам – четвертая… Иди и работай в таком хаосе! – ворчал он, раскручивая шнур микрофона. – Так, пусть беженка представится! Где родились, выросли?

Варвара передернула головой и скороговоркой пробубнила данные:

– Родилась в Узбекистане. В блокаду туда семья была переселена… Тогда фашисты сильно давили по всему фронту, дорогу жизни на Ладоге перекрыли…

Шнайдер поспешил уйти от этой неприятной темы:

– Родственники за границей есть?

– Нет, откуда у советского человека родственники за границей могут быть? Нет и не было. Не дай бог.

– На родине?

– Был брат, в смуту сгинул. Где сейчас – не знаю. В Сибирь на заработки уехал – с тех пор ни слуху ни духу. Я и доченька – больше никого.

– Как и при каких обстоятельствах получили российский паспорт?

– А я не знаю толком. Мужу-алкашу дала денег, он нас прописал… Ему тогда еще можно было деньги в руки давать… Потом и гражданство сделал… Мне и доченьке. А у него уже раньше было.

Шнайдер что-то пометил у себя на листе и попросил рассказать, где Варвара училась.

Варвара пару раз упрямо мотнула головой, прерывисто вздохнула:

– Училась там же, где и родилась, – в Маргилане Ферганской области. Ходила в русскую школу № 12. Окончила десять классов в 1963-м. Потом поступила в финансовый техникум. Закончила в 1966-м. Работала бухгалтером сначала на мебельной фабрике, а потом – старшим бухгалтером на ткацкой.

– Что дальше?

– А что дальше? Дальше – перестройка, все лопнуло. Ничего хорошего. Вот человек знает, – кивнула она в мою сторону. – Помните, еще говорили, что у нас в Узбекистане все из-за клубники началось?.. И началось, и началось! Турок-месхетинцев жгли живьем, потом за русских принялись. Дома громить и баб насиловать. Бежать пришлось.

– Когда это было? – остановил ее Шнайдер.

– В конце 80-х, при Горбаче. Он же слабак был, ничего сделать не мог, вот и пошли бесчинства. Что русские цари веками собирали, этот дурачок в два счета за гроши продал… Эх, Русь обшарпанная! Не везет тебе! – заволновалась Варвара, угрюмо поблескивая глазами и качаясь на стуле.

Шнайдер начал что-то искать по компьютеру. Я молчал, Варвара что-то проворчала сквозь зубы (можно было различить «сосунок», «гад меченый»); найдя, что искал, Шнайдер сказал: – Дальше, пожалуйста.

– Дальше пошло и поехало: прибыли в Кострому, к бывшему мужу-алкашу, он там с 85-го года окопался. Его шалава к тому времени уже в психушку попала, мы у него поселились.

– Когда это было?

– В 1990 году, осенью.

– Адрес!

Варвара продиктовала, я записал, Шнайдер с трудом передиктовал адрес в микрофон, потом попросил рассказать о работе.

Варвара оживилась, замахала головой, переступила под столом ногами:

– Я много работала. Всю жизнь работала. Когда мы в Кострому приехали, как раз налоговые инспекции создавались, людей не хватало, а у меня диплом, стаж, опыт. Меня сразу взяли. На хорошем счету была… Вот, пожалуйста! – Она порылась в плаще и подала Шнайдеру удостоверение, на которое он взглянул мельком, кисло и невнимательно. – Вначале в Судиславле работала, недалеко от Костромы, потом в Первушино. Этот городок побольше будет. Жила в Костроме, ездила на работу в электричке. Пока все это не случилось…

– Что именно?

– А то… На крупное дело наткнулась, вот что… Человек вот знает… – пересохшими губами сказала Варвара, так вытянув в мою сторону свое конское лицо, что оно стало похоже на верблюжье. – Одну фирму проверяла, «ФАКТ» называется, экспортом-импортом занимались… И большую недостачу открыла – утайка налогов в особо крупных… Полмиллиона в долларах… Ну, я отчет написала, все указала. А меня начальник вызывает и говорит: «Мы, Варвара Захаровна, этого оформлять не можем!» «Почему?» – спрашиваю. «А потому. Знаешь ли ты, кто хозяин этого “ФАКТА”, будь он проклят? Нет? А мэр наш, вот кто! Это там дурак Буряк только фиктивным директором оформлен, а хозяин – наш любимый Иван Мелентьевич. Так что будь добра, перепиши отчет, пока не влипли!.. К тому же у нас только филиал, а центр фирмы – в Москве, вот пусть московские инспектора и ищут, а наше дело маленькое… Перепиши, христом-богом прошу, пока время есть!..» Я не стала переписывать. Он меня и просил, и умолял, и грозил, и пугал, я – ни в какую. Во-первых, думаю, может, провокацию строит?.. Он так иногда сотрудников проверял: сперва подбивает на всякие гадости, а потом с работы гонит. А во-вторых, я вообще всегда очень принципиальной и честной была, с пионерских времен неправду ненавижу… Так воспитана, что делать?..

Она перевела дух, я перевел ее слова, а Шнайдер в ответ сказал, что да, в это он верит, потому что он знает, что русские никому не доверяют и всегда перепроверяют своих людей и

агентов, и что он слышал от отца о так называемой «чекистской мельнице», а на мой вопрос – что это такое, вид пытки? – объяснил, что это особый способ проверки: вот русская разведка строит на своей территории, где-нибудь в Сибири, лже-погранзаставу, например, точную копию японской, со всем антуражем и с квази-японскими пограничниками, забрасывает куда-нибудь рядом с ней своего агента, а лжеяпонцы ловят его и начинают допрашивать и пытать, кто его заслал и зачем, если он сдался и все рассказал – его депортируют в Союз, а там – расстрел или зона, если нет – тоже возвращают, но потом разведка уже ему доверяет и забрасывает реально, куда наметила.

Потом перевел разговор в более конкретное русло:

– Ну, не будем отвлекаться на абстракции, ближе к делу. Дальше что было?

Варвара помялась, поправила лацканы пиджака:

– Дальше?.. А что дальше?.. А, ну да… Стала меня донимать всякая нечисть по телефону. И на работу, и домой трезвонят, матом кроют, грозят: «Если отчет не перепишешь – дочку украдем, замучим, мужа повесим, тебя в землю уроем! Смотри, баба-дура, забирай отчет, не то плохо будет!» Я – к начальнику. Он руками разводит: «А я предупреждал, Варвара Захаровна, а я говорил… Покупай теперь оружие, носи для самообороны, я могу только с разрешением на ношение помочь, сестрин сын в инструкторах, подешевле сделать может». Какой совет дает, а?.. Где это видано, чтобы женщина с оружиями ходила? – Варвара вытащила мужской серый мятый платок и громко высморкалась, широко мотая головой в разные стороны.

Шнайдер, пережидая трубные звуки, что-то записал у себя на листке, еще раз заглянул в паспорт, потом спросил:

– Где располагался этот «ФАКТ»? Где у них было центральное бюро?

– Центр – в Москве. А филиалы – в разных местах. Один – у нас в Первушино.

– Продолжайте…

– Вот иду как-то домой, до станции с километр по леску идти, подъезжает какая-то черная машина, четыре лба вылезают, меня к дереву припирают и разговор про этот «ФАКТ» начинают… Хорошо, что знакомый на машине проезжал, остановил. Бугаи посопели, но отошли. Он взял меня с собой, спас. Я назавтра – к начальнику. Он мне говорит: «Придется теперь тебе, Варвара Захаровна, по другой дороге к станции ходить и каждый раз пути, как зайцу, менять!» А как их менять, когда одна дорога и есть. Что это – Москва, что ли, или ваша Чикага?.. Такая грязь на этой дороге, что в сапогах кирзовых приходилось весь год ходить… Я бы с удовольствием ее поменяла, эту дорогу, да на что?.. – (Она так пристукнула кулаком по столу, что Шнайдер вздрогнул и поспешил успокоить ее, сказав, что дороги – это общая проблема и что пусть лучше она говорит конкретно о своем деле.) – Дальше – хуже. Домой Аннушке звонят, гадости говорят, пугают: «Поймаем, говорят, тебя и вшестером в лифте снасилуем!» Ну, девочка боится, конечно. В лифте, вшестером… Это надо ж такое удумать, змеи!..

– А кто это были – бандиты или полиция? – спросил Шнайдер.

Варвара запнулась:

– Бандиты, кто же еще?

– Ну почему же: если предприятие принадлежало, как вы говорите, мэру, то вполне правомерно предположить, что он посылает ваш любимый ОМОН или продажную полицию, сплошь и рядом такое слышишь, – с искрой смеха взглянул он на меня.

Варвара почесала в голове:

– А правда… Да кто их сейчас разберет? Одеты все одинаково, в кожаные куртяги, все на ненаших машинах ездят, морды у всех разбойничьи… Не знаю. Я вообще после этого случая стресс получила нервный, в поликлинике консультации брала. На больничный вышла.

Так эти подлюки не успокоились – ночью влезли в нашу инспекцию и все мои папки сожгли на месте…

– Как это? Пожар устроили? Инспекцию сожгли?

– Да нет, только мои папки в ведро мусорное побросали и сожгли… У нас ведро большое железное было, в каких воду носят… Я пошла в полицию заявлять, а там мне говорят: «Факт поджога будем расследовать. А вот прописку вашу аннулируем». Как, почему?.. «А потому, – смеются, – что ваш муж квартиру продал и сам куда-то уехал, вот бумаги!» – «Как так – продал?» – «Очень просто. Там теперь другие люди жить будут». Выяснилось, что правда, муж-алкаш пару дней назад от меня тайком по белой горячке продал комнату, а деньги в Окуневке со своим дружком пропил. То-то я смотрю – нет его дня два. Нам спать негде, пожили у соседки, я деньги заняла, визы сделала – и сюда…

– У нее муж алкоголик, – пояснил я Шнайдеру.

– Ах, вот оно что… Для России не большая новость, насколько мне известно… – шевельнул он бровями и исправно записал что-то, а потом спросил, не было ли больше эпизодов по шантажу и угрозам.

Варвара поворочалась на стуле, покрутила головой, но больше ничего особого припомнить не могла, кроме того, что в аэропорту Шереметьево к ним с доченькой подходили какие-то типы, похожие на тех, кто ее прижимал в лесу, и хотели помочь нести чемоданы…

– Всё?.. Хорошо. Скажите мне, пожалуйста, разве вы не можете, с вашей квалификацией и опытом, найти работу где-нибудь в другом регионе России – и жить спокойно?.. Гражданство у вас есть, работу вы всегда найдете, как нашли ее в Костроме, не лучше дома жить?.. Дома, как говорится, и стены помогают… – начал вкрадчивым тоном Шнайдер.

Варвара беспокойно скосила на меня тревожный глаз бывсовчела, почуявшего подвох:

– Ну… Это… Как его… Мафия всюду достанет!

– А зачем вы теперь мафии? – ласково продолжал Шнайдер. – Мафия украла и сожгла весь компромат, зачем ей теперь вас преследовать, на вас время, бензин и силы тратить?.. Россия большая, очень, очень большая… Если вы, к примеру, поедете жить, ну, например… – он склонился над открытым атласом, – в Екатеринбург, а еще лучше куда-нибудь подальше, в Красноярский край, например, или в Томскую область?.. Родных у вас нет, муж-алкоголик вас не держит на месте, а?.. А у вас, кстати, и брат где-то в Сибири, встретитесь! – сказал ей Шнайдер, а мне, тише, заметил: – Я всегда удивляюсь наивности ваших людей. У меня такое впечатление, что они все время витают в облаках. Вначале – коммунизм, братство, равенство. Теперь – что Германия или Франция их примет и будет за них решать все их бытовые проблемы… Вы говорили, дочь с ней?.. Ну, две инспекторши как-нибудь себя прокормят. Где-нибудь и как-нибудь проживут, не обязательно в Германию для этого ехать… – заключил он тихо, а ее официальным тоном спросил: – Были ли раньше у вас проблемы с властями?

Варвара размашисто и честно мотнула головой:

– Нет. Никогда! Боже упаси!

– А чего вы конкретно опасаетесь в случае возвращения в Россию?.. Россия большая, – напомнил он.

– Ну, как чего… Мести… Этих, как его… Бандюков… Полиции… Газпром… Саботаж… Всего боюсь и опасаюсь… – с остановками и вздохами перечислила она. – За доченьку боюсь, за себя тоже боюсь…

– За мужа… – добавил я.

– Нет, вот за него, гада, совсем не боюсь! Не выгнал бы нас – не мыкались бы по свету! – зло дернулась она. – Сколько он у меня крови попил! Ничего, отольются кошке мышкины слезы… Небось под забором сейчас где-нибудь валяется…

– Что за кошки-мышки? – не понял Шнайдер, перематывая кассету.

– Это поговорка такая. Означает, что за обиду слабого сильный будет когда-нибудь отвечать.

– А, ну да, ну да, кто-нибудь когда-нибудь должен за все ответить, хотя я лично очень в этом сомневаюсь… У меня больше вопросов нет. Хочет она что-нибудь добавить? – заключил он.

Варвара уставилась на него.

– Ну, что добавить?.. Прошу в беде не оставить, помочь, чем можете…

– Мы посмотрим, что можно сделать, – суховато кивнул Шнайдер. – Всё. Перерыв – полчаса. Потом приходите с дочерью, – сказал он мне.

Мы ушли из кабинета. Варвара громко цокала по притихшим на обед коридорам, молчала, прядала головой. Когда мы спустились вниз, музгостиная была уже закрыта, а Аннушка маялась одна в пустой приемной.

– Ну, вы тут поговорите… по факту «ФАКТА»… и вообще… А я через полчаса подойду, – сказал я.

Варвара цепко схватила мою руку своим холодным копытом, сжала до боли, заглянула в глаза:

– Спасибо за помощь и совет! Дай вам бог здоровья! – Сейчас ее мудро-скорбные глаза бывсовчела были полны благодарности.

– И вам того же, – ответил я, высвобождаясь из ледяной руки. – Посидите, поговорите с дочерью, чтоб она знала, что к чему… А я съем сосиску с булочкой и приду за ней. Аннушка, со мной пойдешь, не испугаешься?..

– С вами пойду! – ответила Аннушка, шныряя глазами, по-жеребячьи прильнув к материнскому боку и ухватившись за плащ зеленой жабьей лапкой.

Варвара резкими жестами погладила ее по голове и вдруг расплакалась так громко и горько, что Бирбаух беспокойно завозился у себя в закутке. Поискав глазами воду и не найдя, он налил в стакан пива, протянул сквозь прутья решетки. Я подал Варваре. Она выпила в два гулких громких глотка и помотала головой, прогоняя минутную слабость:

– Извините меня, дуру. Всё, легче стало, спасибо…

– Сто грамм тоже не помешали бы, – сказал я, на что она широко закивала:

– Да, да, правильно, не помешали бы…

Бирбаух тоже расплылся в улыбке. Поглаживая кудлатую голову, он сказал:

– Пиво от всего лечит.

– Градус к градусу – вот и набежало… – согласился я с ним, но все-таки добавил с уколом: – Пиво лечит, а водка излечивает. В этом – великая разница.

Часть вторая
Весна

По рогам – и с копыт

Дорогой друг, спасибо за письмо. Вот и еще одна Пасха дарована нам! Я и тебя, и себя троекратно целую и обнимаю: «Христос воскресе! Воистину воскресе!» Он за нас на кресте умер, взял наши грехи. А мы, рохли-тюфяки, ничьих грехов на себя не берем – своих в достатке. Мы богу только всякими глупостями досаждаем. Да и чем заняты, господи?.. Убиваем-режем кого?.. Ты рифму-вертихвостку всю жизнь ловишь, я краски смешиваю, грязь развожу и деньги на холсты только зря трачу. Маламзя мы ползучая, тюти-растюти. Ну чем бог нам, таким дубиналам недоделанным, помочь может?.. И как вообще это хитро придумано – все свои грехи богу перепроваживать?..

Кстати, интересно, как думаешь: Христос взял только те грехи, которые были на тот момент совершены людьми, или вообще все, включая и будущие, которые потом будут делаться?.. Народ, очевидно, как-то превратно понял и вовсю разошелся: раз, мол, все сзади-спереди искуплено, полная индульгенция выписана, то чего тогда жаться, себя стеснять – пей, гуляй, веселись, греши, бей и режь, куражься и подличай, человек, за все уже по счетам наперед уплочено и даже заново но лито, можно дальше между собой войны и бойни вести, распри стряпать или мировое добро огнем и мечом насаждать, кому что нравится!..

Я лично и тому уже рад, что бог, жизнь подарив, не поставил меня в звериную пищевую цепочку, где все друг друга день и ночь убивают и жрут в виде мяса и протеинов, если утром кого-нибудь не съешь – то к вечеру тебя самого съедят… А может, вообще правы атеисты: бог не умер, а просто не рождался, даже и не думал рождаться (хаос жизни на земле убедительно доказывает отсутствие разума на небе), поэтому главный вопрос не о том, есть ли жизнь после смерти, а какова твоя жизнь до смерти?..

Опять таскался по шарлатанам. От Ухогорлоноса новую версию слышал: это мол, у вас в голове от трамвайных проводов звенит. Разве я не говорил тебе, что переехал?.. На прежнем месте жить больше нельзя было, пришлось снять подвал – гибрид норы с дырой. Ныра, короче, но большая. Но и трамвай на уровне ушей ходит. Свой скарб, рамки-подрамники, сюда перетащил. Так и живу, крыса подвальная. Может, и права эта противная ехидна – от проводов звенит и в голову резонирует?.. Во сне даже видел, будто мы с тобой стоим где-то под линией высоковольтных передач, ты в грязные пиалы горячую водку строго поровну разливаешь и почему-то за сфинкса в Африке пьешь – мол, долгой ему жизни, чтоб он не чихал, а то клубы пыли и песка поднимает, по утрам дышать нечем…

Утром по телефону Ухогорлоносу сон рассказал, а он смеется: «Вы что думаете, психика у вас в порядке?» Пошуршал своей книжкой и вычитал: «Нет лекарства от всех болезней, но есть болезни для всех лекарств. Среди причин тиннитуса можно выделить разные инфекции, отравления, травмы черепа, изменения в шейных позвонках, нарушения положения челюсти». Ну спасибо, теперь знаю, что к чему. Зевнул слишком широко – вот челюсть и съехала. Или шею отлежал. Или упал в ванной – и готово. Ну и гады эти врачи!.. Ведь и кошке известно, что любое лечение состоит в отнятии лишнего и прибавлении недостающего. А они что делают?.. Отнимут последнее – и прибавят лишнее. Вот и результат.

В общем, жизнь треплет. А трамвай действительно вровень с моим окошком стучит, обе остановки хорошо видны. И каждый раз можно наблюдать, как опаздывающие ноги к вагонам бегут. Захватывающее зрелище!.. Думаю тут видеокамеру поставить, а потом пленку на ТВ продать, *warum nicht?*

Сейчас, к слову, тут скрытая камера – самая популярная вещь. Ею шефы за своим персоналом тайно следят. А потом самое интересное на ТВ просачивается. Интересно, что люди делают, когда за ними (по их мнению) никто не наблюдает.

Секретарши все больше на копировальную машину без трусов садятся, ксероксы со своих мохнаток снимают. Или соседке по рабочему месту в бутерброд плюют, пока та в туалет выходит. Или по карманам пальто шарят. Одна работница вообще умудрилась в окно содержимое чужой сумочки вытряхнуть. А другая референтка со злости шефу на диван помочилась, да так хитро – подушку подняла, пописала и подушку назад положила: пусть, мол, источник запаха ищет. Это надо же додуматься!.. В наши мужские мозолистые мозги такое ни за что бы не влезло…

Впрочем, вру, мужики еще похлеще делают: повара сморкаются в супы, харкают в соусы, мочатся в бачки с кофе, пекари запекают всякую дрянь в булки, официанты с тарелок еду в новые порции сгребают и пепел на готовые салаты стряхивают – жрите, мол, буржуи!.. Иные служащие коньяк втихую лакают, иные просто спят, как суслики. Один сосисочник, сидя без клиентов в своем пустом кафе, даже умудрился от нечего делать в бочонок с кетчупом сдрочить. Чего только от скуки и плохой погоды не сделаешь!..

А погода на Пасху тут, в Европе, исключительно мерзкая: дождь, слякоть, туман, буран, дурман. Если солнце – это жизнь, то в Северной Европе жизнь еще не зародилась. И вообще странно, но факт: чем страна цивилизованнее, тем отвратительнее в ней погода. Очевидно, от холода и дождей прячась, люди прогресс вперед двигать стали – а что еще делать, когда за окном ливмя льет и снега по крыши?.. Поневоле за книжки возьмешься, начнешь думать, как непогоду победить и природу усмирить. А на юге что?.. Лежи себе круглый год в сиесте на берегу синего моря и ешь финики и оливки, что на голову сыплются. Так прогресс на север сместился, а юг загнил.

Мне про это много чего сосед-немец Монстрадамус рассказывал, как немцы всех людей на две расы поделили: умные с севера и звероподобные – с юга, и умные северные должны править диким югом, на что я ему отвечал, что немцы части света попутали, не туда смотрели, вот Восток их и прихлопнул, но он обычно не успокаивался и начинал в пример всякие аферистские греции-италии ставить, предрекая, что Евросоюз с ними еще наплачется, им же ни в чем доверять нельзя, они генетические воры уже от одной жары, при которой работать очень трудно, а красть – очень легко.

И вообще – по прогнозам немецкого ТВ на бедную Германию отовсюду смерчи, дожди и холодные массы надвигаются. Между строк это надо понимать так, что вообще-то над нашей хорошей Германией всегда солнце светит, но вот плохие соседи гадят: из Норвегии дожди стеной идут, Атлантика вечными штормами грозит, с побережья Франции тучи наползают (чего еще от лягушатников ждать?), со стороны Польши постоянно злые ветры дуют, из проклятой Англии, вместе с ящуром, коровьим бешенством и свиной чумой, вечные туманы плывут, из Италии сыростью тянет (неймется макаронникам), даже из Австрии отдельные дождевые облака являются (казалось бы, свои братья-сосисочники, ан нет, туда же, гадить и подсиживать). А в далеком Руссланде, в дикой Сибириен такой чудовищный циклон зарождается, что скоро конец. Бежать придется. Не знаешь случайно, какая на острове Пасхи на Пасху погода?.. Жаркенько, наверно. И конопля с кокой на опийном поле зеленеют… Мой сосед-немец собрался туда в отпуск. Не сидится немцам в Германии, пять раз в году в отпуск ездят, а полмиллиона немцев каждый год вообще уезжает восвояси. С немецкой пенсией всюду можно жить, как Гулливер среди лилипутов.

Странно, но весной дел в лагере поубавилось. Бирбаух впустил меня в здание, предупредив, что фрау Грюн в отпуске и фотками-пальцами занимается практикант Зигги.

– Он сейчас в третий отдел побежал, скоро будет. Ваше время пошло. Пейте спокойно кофе с коллегами! – подмигнул он и расписался на обходном. – К деньгам надо относиться с уважением, тогда и они тебя уважать будут… А бедность – это не только порок, но и позор, и срам! Бедный – что парализованный: глаза есть, а рук нету. Все хочет, а взять не может.

– Может-то он может, но не дают, – поправил я его, взял обходняк и отправился в комнату переводчиков.

Коллеги-арабы, Хуссейн и Рахим, уже пьют зеленый чай из замысловатого термоса, кидая в стаканчики живую мяту. Оба похожи на Саддама Хусейна. И оба в душе благодарны ему, но каждый по-своему. Рахим был послан на учебу в Европу, откуда уже не вернулся. А Хуссейну тиран так вовремя прищемил хвост, что тот успел сбежать и увезти вещдоки. Получил убежище и живет двадцать пять лет в Германии. Он изредка, под видом немецкого туриста, наведывается в Ирак навестить родню, но всегда испытывает дикий ужас в багдадском аэропорту: если его вычислят, ему не поздоровится – Саддам с дезертирами расправляется строго, а иногда даже и самолично, что бывает особенно мучительно. А сейчас он же и снабжает их работой – новыми беженцами. Словом, отец родной.

Увидев меня, арабы шумно поздоровались, усадили за стол, налили душистый чай и приступили к обычным расспросам. Больше всего они интересовались Сталиным: как при нем жил народ, когда простые люди жили лучше – раньше или теперь; уважают ли в России Горбачева и правда ли, что пятна на его голове похожи на Курильские острова; у какой из республик есть атомное оружие; что я думаю насчет Средней Азии; сколько сейчас стоят в России сигареты, почему русские пьют так много водки; где воруют больше, в Москве или Багдаде; был ли Путин шпионом КГБ и что делает сейчас Шеварднадзе.

Прихлебывая душистый чай, я отвечал как обычно, что Сталин мир от фашизма избавил, войну выиграл и Сибирь обустроил, а народ при нем жил хорошо и сплоченно шел от сохи к атому. Средняя зарплата была сто рублей, и всем хватало. Раньше народ жил лучше, а цеховики – хуже, а теперь наоборот: цеховики живут лучше, а народ – хуже. Горбачева не уважают, потому что Союз развалил и веками накопленное за бесценок спустил. А на голове у него, в виде укора, не все Курилы, а только та гряда, которую русские не хотят возвращать Японии. Атомное оружие есть у всех республик, если еще не продали налево. Насчет Средней Азии думаю, что со временем она отойдет к свирепым талибам, и они устроят в Самарканде свои стойбища. Сигареты в России стоят по-разному, смотря где и у кого покупать, а водки пьют много потому, что в России холодно и страшно, а водка согревает, придает силы и помогает спасаться от тиранов, воров и ОМОНа. И в Багдаде воровство никак не может быть выше, чем в Москве, потому что выше, чем в Москве, не бывает. Путин был не шпион, а резидент, а Шеварднадзе, как всегда, борется с коррупцией и даже для вида племянника жены посадил, но потом выпустил под давлением семьи.

Появился практикант Зигги, одетый в джинсу и замшевые шузы, волосы в бриллиантине. Из нагрудного кармана магнитофончик выглядывает, наушник на одном ухе сидит, другое свободно для общения. Он сказал, что арабов еще нет, как всегда опаздывают, так что начнем с русского. Мы перешли в музгостиную. Насвистывая и старательно проделывая все приготовления, Зигги рассказывал мне о том, что если у беженца руки влажные, то это значит, что он нервничает, а если холодные – то боится.

– А если холодные и влажные вместе?

– Это хуже всего. И нервничает, и боится.

– Все нервничают. И ты бы нервничал.

– Понятно.

Исчерпав запас практикантской премудрости, Зиги дал мне просмотреть дело, а сам ушел в приемную.

фамилия: *Шварц*
имя: *Дмитрий*
год рождения: *1978*
место рождения: *с. Новое, Казахстан*
национальность: *немец*
язык/и: *русский / казахский*
вероисповедание: *лютеранин*

«Дата въезда в Германию – двухлетней давности…» – удивился я, но, перечитав данные, понял, что это казахстанский немец. Ему-то что тут надо? Они же въезжают официально и легально?.. И этим контингентом занимается, кажется, другое ведомство?.. Знаю, потому что пришлось пару лет прожить бок о бок с такой семьей – это была еще та семейка!.. Они приехали откуда-то из-под Джамбула. К паровозу – столетней бабушке-немке Эльзе Карловне – был прицеплен состав из двадцати двух детей, внуков и правнуков с раскосыми глазами и генетически кривыми (от лошадей) ногами. Казахской крови было явно больше. В Германии они сняли два дома и продолжали жить общим кланом: варили в тазах суп из конины (специально привозили из Франции), лепили тысячами манты, мариновали морковь на корейский лад и тщательно справляли все дни рождения и праздники (как немецкие, так и советские). Жили весело, а занимались в основном тем, что на разные лады обманывали Германию по социальным линиям. Например, ушлые внуки заставляли бедную Эльзу Карловну пи́сать и какать под себя, чтобы доказать комиссии, что дело плохо, нужно больше денег по уходу. А правнуки даже умудрились вытатуировать на руке у старушки цифры, выдав ее за узницу концлагеря, за это получили добавочное возмещение, тут же купили «Мерседес», который и разбили о первое дерево.

Зигги ввел низкого, плотного и коренастого парня в кожаном жилете на голое тело и черных кожаных джинсах. На шее, пальцах и во рту блестит золото. Он энергично пожал мне руку:

– Димок! – и резво сел перед поляроидом, вежливо отвечая Зигги: – Данке. Бите[11].

Зигги спросил у него, знает ли он немецкий.

– Айн бисхен[12], – охотно откликнулся Димок. – Жена бывшая, подлюка, научила. Ее родичи, гансы поганые, меж собой по-германски балакали. На курсы год ходил, но кроме «битте айн бит»[13] ничего не помню. Даже дни недели в башку не лезут. Зер шлехт[14].Какие-то слова знаю только. Понимать – чуток понимаю.

Мы занялись уточнением данных.

– Имя, фамилия правильно?

– Все путем.

– Лютеранин?

– Ну да, теперь вот лютером стал. А так в бога не верю. Херня все это. Нету никакого бога, все понт людей дурить. Как считаешь?

– Трудно сказать, – уклонился я от диспута. – Казахский хорошо знаешь?.. Стоит вписывать в данные?

---

[11] От *danke, bitte (нем.)* – спасибо, пожалуйста.

[12] От *ein bisschen (нем.)* – немного.

[13] От *Bitte ein Bit (нем.)* – реклама пива «Битбургер»: «Пожалуйста, один Бит».

[14] От *sehr schlecht (нем.)* – очень плохо.

– А чего его знать?.. Там у них три слова и есть всего. Темный народ. Нас в селе поровну всех было: косых, немчуры и русаков. Немчура лучше всех жила, вурст[15] делали и бир[16] варили. Русаки тоже ништяк хавали. А вот косые совсем крысы: в навозе спали, чтоб теплее, коровьи кишки ели и кошек вялили. И до Горбача все дружно жили, а потом перегрызлись. Ловить там нечего, одни чурки остались.

Зигги тем временем раскатал каточком чернила по полосе и велел Димку вымыть руки холодной водой, добавив, что именно холодная вода делает отпечатки пальцев четкими, а горячая, наоборот, расширяет руку, и отпечатки видны хуже, ибо линии сливаются между собой. А на фотокопии отпечатки вообще видны лучше, чем на оригинале, только не забыть кнопку «КОНТРАСТ» нажать. Видно, курс маленьких хитростей ему преподавал ушлый спец.

Димок стал отнекиваться:

– Да чего мыть?.. Я каждый день купаюсь… Е-мое, отпечатки!.. Что я, вор?.. Наин, их виль нихт![17] – начал было он, но Зигги споро управился с одной рукой и, переходя к другой, спросил:

– Кто он вообще?.. Откуда? Что ему у нас надо?

– Из Казахстана, русский немец. Он уже два года тут, – показал я ему дату въезда.

– Как два года? – остолбенел Зигги: – О, черт!.. Два года!

– А что такое?

– Как что?.. Если беженец не является к нам сразу по приезде, то он автоматически переходит в группу нелегально живущих, а это – другой контингент, которым занимается другое ведомство.

И Зигги, набрав чей-то номер, изложил суть проблемы, выслушал ответ:

– Понял… Да… Так и сделаем, – и попросил меня идти наверх, к Тилле: – Он разберется в этом казусе. Идите. И папку не забудьте.

– Курить не хочешь? – спросил я у Димка, зная, что спешить некуда (дела идут, контора пишет). Курить Димок, конечно, хотел.

– Ладно, покурите, – важно разрешил Зигги, вкладывая лист с отпечатками в сканер.

– Сто грамм тоже не помешали бы для храбрости?

– Клар[18], – ответил Димок. – Но мне нельзя, крыша едет. Я киксом занимаюсь, если что – въебу насмерть.

– Кикс?

– Ну, кикбоксинг.

– Это что за спорт?

– А такой: хуярь и пизди, куда можешь – и все. По рогам – и с копыт! Хороший спорт.

– Очень, – согласился я. – Но поднятие покрышек от грузовиков мне больше нравится.

– Рихтиг[19], тоже ништяк, – кивнул он, закуривая.

– А курить тебе можно?

– Да делай чего хочешь. У нас в секции все чего-нибудь нюхают или хавают. А два немца – так вообще фиксеры[20], на игле всю дорогу сидят. Главное – удар поставить, чтоб ногой сразу по башке попадать. У нас схватки быстро кончаются: раз-два – и готово!

---

[15] От *Wurst (нем.)* – колбаса.

[16] От *Bier (нем.)* – пиво.

[17] От *nein, ich will nicht (нем.)* – нет, я не хочу.

[18] От *klar (нем.)* – ясно, понятно.

[19] От *richtig (нем.)* – правильно.

[20] От *Fixer (нем., жарг.)* – наркоман, шировой.

И Димок, вдруг подпрыгнув, ударил ногой по календарю на стене, оставив на нем грязный след от подошвы.

– Ты что, сдурел? – удивился я.

– А что?.. У них много есть, другой повесят.

На балконе я узнал, что Димок в разводе и под судом, все жена-потаскуха виновата. Больше ничего узнать не удалось, потому что в комнату переводчиков ввалилось темное арабское семейство, за ним следовал коллега Хуссейн с горой папок в руках. Помахав мне через балконную дверь, он начал зычным голосом опрашивать небритых мужчин и забитых женщин, к которым жалась смуглая детвора. Сейчас Хуссейн был чем-то похож на своего тезку-тирана, когда тот ведет Военный Совет. Он так орал на перепуганных арабов, что дети подняли плач, и мы поспешили уйти с балкона.

Тилле был не в духе, мельком кивнул, продолжая возиться с компьютером. Долго налаживал диктофон, внимательно изучал паспорт, потом спросил, не включая диктофона:

– Дата въезда в Германию – два года назад. Почему?..

– Въехал как потомок немца-переселенца, по параграфу 8.

– Шварц. Это ваша фамилия?

Димок живо отозвался:

– Это жены-хуры[21] фамилия.

– А ваша фамилия как?

– Семёночкин.

– *Se-mjo-notsch-kin*… Уф, трудно… Китайские даже легче. Недавно вот целая цистерна китайцев сдалась. Как селедки друг на друге, под видом мазута, от Харбина до Берлина, тряслись, трое не выдержали, задохнулись, так с трупами и ехали… Ну ладно, продолжим. Паспорт казахстанский. Срок паспорта истекает в этом году, а срок визы – через три месяца. А въехали вы в Германию вообще два года назад. Что вам тут надо?.. – поморщился Тилле.

Димок важно начал:

– Помогите, спрячьте!.. Я самбо, киксинг, спорт, могу хорошо драться!.. Битте!..

– Где семья?

– Нету жены. Капут. Развод. Разошлись. – И Димок для убедительности раздвинул руки до краев стола. – Я ее муттер-мать прибил. Выпила кровь, сука. Мне тогда еще восемнадцати не было, когда я ее утюгом ухнул. Условно трояк вмазали. Вот и маюсь.

– В чем вообще дело? – не понял Тилле. – Что вам от нас надо?

Димок сгорбился, явно готовясь к исповеди:

– Да как сказать… Где начать… С чего начать, не знаю…

– Что?..

– Не знает, с чего начать.

– Пусть покороче и по существу. Русские любят долго рассуждать. А мне еще на совещание ехать. В чем суть?

– А суть такая, что я всех их мать ебал, фашистов! – твердо ответил на это Димок, стукнув мозолистым кулаком по столу.

Тилле насторожился, услышав знакомое слово:

– Нас ругает? Мы фашисты?

– Нет, семью. Тещу свою.

Димок с горестным видом полез за сигаретами.

– Тут курить нельзя, – предупредил Тилле.

– Тогда выйду. Устал. Волнуюсь. Паузе, битте, – добавил он. – Очень прошу выйти на минуту.

---

[21] От *Hure (нем.)* – проститутка.

Тилле кивнул и повернулся к компьютеру, бросив:

– Перерыв пять минут! Пусть соберется с мыслями. Он немецкий знает?

– Говорит, на немке был женат. Кое-какие слова знает, – ответил я.

– Ясно. Он просто боится, что ему визу не продлят, раз он в разводе, – предположил Тилле. – Идите, взгляните, что он там делает…

В коридоре мы встали у окна. Димок нервничал, ходил туда-сюда.

– Димок, я тоже что-то не понимаю. Что ты от них хочешь? – Я кивнул на дверь кабинета.

– Развод, суд. Что дальше будет – неизвестно. Виза нужна.

– И ты думаешь, что они дадут тебе политубежище?

– Пробирен[22] можно. А что, шансов нет?..

Я пожал плечами:

– Какие могут быть шансы?.. Кто тебя преследовал?..

– Теща!.. Жаль, не добил. Она весь развод и сварганила, сука.

Он плюнул в окно и швырнул окурок – тот попал прямо на капот сверкающей «Ауди».

– Ты чего, ошалел, Димок?..

Окурок тлел. От капота начал подниматься дымок.

– Ничего не будет, спецпокрытие.

В кабинете Тилле включил диктофон и продолжил:

– Родители живы?.. Нет?.. Прочерк. Братья-сестры есть?.. Нет?.. Отлично. В армии служили?.. Нет?.. Почему?.. Освобожден по здоровью?.. Но он же спортсмен?.. А, плоскостопие, понятно… Где работал?.. Слесарь в автомастерской. Запишем… Ну, а теперь расскажите о причинах, почему вы пришли в этот кабинет. Что вам надо?

– Я человек тихий. Но если меня замкнет – тогда все, плохо дело…

Тилле, видя, что опять начинается долгая предыстория, посмотрел на часы и сказал мне:

– Пожалуйста, переводите по предложениям. Может быть, так он будет короче говорить.

– Он говорит, чтоб по предложениям переводить. Говори от точки до точки, пунктиром, – сказал я Димку.

Он кивнул:

– Гоню пунктиром. Женился на русской немке. Баба ничего была. Семья – здоровая, в войну выслана. Но у всех их в паспортах стояло «русский» – и рыбку съесть, и на хер сесть. А я только женился. Вижу – надо что-то делать. Продал хату, дал баксы баблососам из ментовки, они переписали паспорта на немцев, все стали дойчи. Вначале выехали мы с моей нутой[23] и ее сестра с семьей. Там осталась теща – ее мужа, Додика, не выпускали, он в молодости на атомном реакторе полгода буфетчиком работал. Потом выпустили. Вот приперлась эта сучья теща со своим жидом Додиком. Села на социал, вонунг[24] ништяк получила, мебель дорогую купила, себе всякие наряды каждый день с магазина тащит…

[22] От *probieren (нем.)* – попробовать.

[23] От *Nutte (нем.)* – шлюха.

[24] От *Wohnung (нем.)* – квартира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.